

Академия управления МВД России

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ**

(65-е ежегодные криминалистические чтения)

*Сборник научных статей
по материалам международной научно-практической конференции
(Москва, 24 мая 2024 г.)*

Часть 2

**Москва
2024**

УДК 343.9
ББК 67.52
К82

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Н. П. Майлис*, профессор кафедры оружейведения и трасологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, *Л. В. Новикова*, доцент кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

К82

Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные Криминалистические чтения): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 24 мая 2024 г.): в 2 ч. / под ред. С. И. Курилова, Ю. Е. Салеевой, Б. Я. Гаврилова, А. В. Сибильковой. – Москва : Академия управления МВД России, 2024. Ч. 2. – 248 с.

ISBN 978-5-907721-29-6

Сборник научных статей сформирован на основе материалов международной научно-практической конференции, проведенной на базе Академии управления МВД России 24 мая 2024 г. кафедрой управления органами расследования преступлений.

В сборнике представлены результаты научных исследований по криминалистическим, уголовно-процессуальным, уголовно-правовым и криминологическим вопросам обеспечения безопасности Российской Федерации в финансовой сфере.

Сборник представляет интерес для профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, научных и практических работников, адъюнктов, слушателей, студентов.

Издается в авторской редакции.

УДК 343.9
ББК 67.52

ISBN 978-5-907721-29-6

© Академия управления МВД России, 2024

Оглавление

Жусипбекова А. М. Соотношение некоторых элементов структуры доказывания – исследования и оценки доказательств	6
Киселева А. А. Допустимость показаний понятых о содержании сведений, полученных в ходе процессуальных действий.....	14
Клюева Ю. А. Совершенствование понятийного аппарата как один из инструментов в борьбе с незаконным синтезом новых психоактивных веществ	19
Красавина И. В. Об актуальности организации процессуального и ведомственного контроля руководителями подразделений дознания за сроками расследования.....	26
Лавриновская И. С. Специфика формирования доказательств в рамках производства дознания в сокращенной форме	30
Леонов А. В. Экономическая составляющая угонов транспортных средств	36
Лушин И. А. К вопросу о понятии расследования преступлений «по горячим следам»: исторический аспект	44
Малахова А. Е. Обвинительная деятельность по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: понятие, сущность и значение	48
Манакова Е. А. Возможности получения криминалистически значимой информации из Росфинмониторинга как инструмент информационно-аналитического обеспечения расследования преступлений, являющихся элементами транснационального наркотрафика.....	53
Марсаков И. С. Использование информационных технологий в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в рамках оперативно-розыскного противодействия преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд	60
Минин А. А. Классификация поручений следователя: виды и основания.....	70
Попова Е. В. Цифровые финансовые активы как доказательство при расследовании преступлений в инвестиционной сфере	76

Примкулов А. А. Особенности собирания цифровой информации как отдельного способа получения доказательств в ходе проведения следственных действий по уголовному делу	83
Пристромова А. С. Судебно-медицинская экспертиза как элемент системы криминалистического обеспечения расследования преступлений.....	91
Рებрова В. С. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при производстве дознания в сокращенной форме	95
Редозубов К. А. Характер и степень общественной опасности преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	99
Рослова О. Е. Некоторые вопросы исследования подписей, выполненных от имени других лиц, содержащих признаки необычного выполнения	105
Синекин А. А. Реализация принципа справедливости на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы и пути решения	110
Соколова А. В. Искусственный интеллект как эффективный инструмент в рамках судебно-экспертной деятельности.....	116
Сологубов А. Ю. Сущность уголовно-процессуальных обращений в досудебном производстве как правового средства защиты прав и законных интересов.....	120
Степушов М. Ю. Проблемы совершенствования организации внешнего взаимодействия при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности	125
Тимченко П. А. К вопросу о проверке сообщений о преступлениях экономической направленности.....	134
Топчиев А. А. Соотношение признаков заинтересованности в уголовном процессе, уголовном праве и антикоррупционном законодательстве.....	141
Трексель В. А. Понятие, сущность и содержание правового положения несовершеннолетнего	146
Тучков Я. В. Цифровые технологии vs «финансовых пирамид»	153
Устинкин П. А. К вопросу об использовании отдельных видов судебных экспертиз при расследовании мошенничеств в сфере долевого строительства.....	160
Ушакова В. В. Криминалистические версии, выдвигаемые по преступлениям против собственности, совершенным несовершеннолетними	167

Фарафонова О. А. Особенности производства допроса посредством видео-конференц-связи	174
Филимонова М. Д. Запрет определенных действий как инструмент повышения эффективности расследования преступлений в сфере экономической деятельности.....	179
Фурлет Я. П. Об истории развития оперативно-розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» в Советской России в период 1917–1940 гг.	187
Хубаев А. М. Осмотр места ДТП с использованием квадрокоптера	194
Хутаба Д. И. Превентивные меры обеспечения законности в процессуальной деятельности органа предварительного следствия.....	200
Четвертакова К. В. Противодействие расследованию преступлений как основа криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования	204
Ращупкина В. А. Обнаружение и фиксация доказательственной информации в сетевом оборудовании при расследовании преступлений экономической направленности	209
Волинский А. Ф., Прорвич В. А. Информационные эталоны и циклические алгоритмы применения криминалистических методик для выявления и расследования реальных совокупностей преступлений в сфере цифровой экономики и финансов.....	215
Можаева И. П., Васильева И. Н. Современное состояние и перспективы цифровизации деятельности органов внутренних дел	227
Мелешев Р. С., Беспалова Е. А. Совершенствование методики экспертного исследования деятельности организаций финансового рынка, имеющих признаки «финансовых пирамид»	234
Горбунова Е. Ю. Применение OSINT-технологий для получения криминалистически значимой информации с целью повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений экономической направленности	239

Айнур Маратовна Жусипбекова,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: kz_a_zh@mail.ru

Соотношение некоторых элементов структуры доказывания – исследования и оценки доказательств

Аннотация

В научной статье автором раскрыто содержание рассматриваемых элементов структуры уголовно-процессуального доказывания, определены цели данной деятельности, способы и субъекты ее реализации, а также этапы. По результатам проведенного анализа установлены принципиальные различия между исследованием и оценкой доказательств, что явилось основанием признания исследования доказательств как самостоятельного элемента структуры доказывания, автономного от оценки доказательств.

Ключевые слова и словосочетания: доказывание; исследование доказательств; оценка доказательств; способы исследования доказательств; способы оценки доказательств; структура доказывания; субъекты доказывания; цель исследования доказательств; цель оценки доказательств.

Вопросы познания и доказывания обстоятельств уголовного дела всегда порождали и продолжают порождать множество неразрешенных до настоящего времени доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, вызывая особый интерес у ученых-процессуалистов и являясь предметом серьезных научных споров и дискуссий. Причем особую актуальность эти проблемы приобрели в постсоветский период развития уголовного судопроизводства ввиду предопределенных международно-правовыми и конституционными стандартами осуществления правосудия и обеспечения прав личности новых концептуальных подходов к механизмам доказывания в целом и работы с отдельными доказательствами в частности.

Одним из дискуссионных вопросов на протяжении долгого времени остается конструкция уголовно-процессуального доказывания, закрепленная в ст. 85 УПК РФ. По мнению некоторых авторов, данная конструкция не в полной мере отражает содержание доказывания как комплекса познавательных, удостоверительных и аргументационных приемах, основанных на законах гносеологии и фор-

мальной логики, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и детерминирующих принятие законных и обоснованных приговоров и иных правоприменительных решений [13, с. 9]. По их мнению, для отражения всей сущности доказательной деятельности в закрепленную уголовно-процессуальным законодательством структуру доказывания необходимо включить такой элемент, как исследование доказательств [12, с. 116].

Научные изыскания по вопросу самостоятельности структурного элемента доказывания как исследование доказательств привели к выводу, что его сущность заключается в познавательной деятельности субъектов доказывания, состоящей в вербальном и невербальном восприятии информационных средств доказывания [2, с. 22].

Однако в доктрине существует иная точка зрения, выражающаяся в том, что исследование доказательств поглощается оценкой доказательств и является ее элементом [11, с. 75–79; 1, с. 103; 16, с. 52; 10, с. 26].

Разделение этих элементов в процессе доказывания на практическом уровне весьма затруднительно, однако возможно на теоретическом уровне. В процессе такого разделения необходимо понимать, что в доказательной деятельности субъектов доказывания все элементы деятельности тесно переплетены, возможно их осуществление одновременно, совместно или параллельно [12, с. 85].

Необходимым условием для разделения структурных элементов доказывания как исследование и оценка доказательств является их рассмотрение на теоретическом уровне, которое позволит выявить специфические особенности, свойственные для каждого из них.

Во-первых, семантический анализ слов исследование и оценка показывает, что данные действия по своему содержанию различны. Термин «исследовать» в русском языке подразумевает под собой ряд таких действий как научное изучение кого-либо или чего-либо; процесс осмотра людей и предметов для выяснения, изучения [8; 17]. Термин «оценка» подразумевает под собой деятельность по «определению цены», «установлению качества», «соотнесение с образцом» и т. д. или результат такой деятельности, приведший к какому-либо мнению, суждению и т. д. [9, с. 486; 14, с. 230; 18, с. 141].

В прежних научных работах по вопросу самостоятельности исследования доказательств как самостоятельного элемента доказывания мы пришли к выводу, что сущность этой деятельности в досудебном производстве представляет собой мыслительную (познавательную) деятельность субъектов доказательной деятель-

ности по восприятию, изучению и рассмотрению доказательств, собранных или собираемых по уголовному делу [2, с. 22]. Аналогичного мнения придерживаются и опрошенные респонденты – 43,6 % (310 из 710), которые считают, что исследование доказательств заключается в восприятии и изучении как внешних свойств и признаков, имеющих в уголовном деле предметов, документов либо поступающих сведений, так и характера и существа проистекающей из них информации¹.

Сущность же оценки доказательств заключается в мыслительной, логической деятельности субъектов доказывания, которая приводит к определенным выводам, суждениям об относимости, допустимости, достоверности доказательств и достаточности их совокупности для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [7, с. 361]. Аналогичное мнение высказали В. В. Конин и К. А. Корсаков: «...под оценкой доказательств необходимо понимать мыслительный логический процесс, основанный на внутреннем убеждении субъекта доказывания, связанном с имеющимися теоретическими знаниями и практическим опытом, направленным на обеспечение достоверных выводов, для вынесения законного и обоснованного решения по расследуемому или рассматриваемому уголовному делу» [5, с. 83]. Б. Б. Булатова и А. М. Баранов под оценкой доказательств понимают «исключительно мыслительный процесс судьи, присяжных заседателей, прокурора, следователя и дознавателя (ч. 1 ст. 17 УПК РФ), направленный на определение относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств (ч. 1 ст. 88 УПК РФ)» [15, с. 152]. То есть оценка доказательств заключается в деятельности правомочных субъектов доказывания по оцениванию доказательств и принятии решения как результата этой оценки и находит свое выражение в процессуальных действиях и документах. Это в корне отличает сущность деятельности по оценке доказательств от их исследования.

То есть оценка доказательств заключается в деятельности правомочных субъектов доказывания по оцениванию доказательств и принятии решения как результата этой оценки и находит свое выражение в процессуальных действиях и документах. Это в корне отличает сущность деятельности по оценке доказательств от их исследования, которое заключается в вербальном и невербальном восприятии средств доказывания.

¹ Анкетирование по освещаемому вопросу проведено в рамках диссертационного исследования, проводимого адъюнктом Академии управления МВД России А. М. Жусипбековой, количество респондентов – 710.

Таким образом, семантический анализ терминов исследование и оценка доказательств в уголовно-процессуальной плоскости показал, что исследование доказательств подразумевает изучение, осмотр, познание и восприятие доказательств, тогда как деятельность по оценке доказательств носит аналитический, умозаключительный характер и выводы, суждения, достигнутые в результате такой деятельности, являются основой принимаемых процессуальных решений в ходе досудебного производства.

Во-вторых, рассматривая этапы протекания доказательной деятельности по исследованию и оценке доказательств, установлено, что исследование доказательств протекает прежде, чем имеет начало деятельность по оценке доказательств, так как, не изучив доказательства, субъект доказывания не сможет их оценить [3, с. 89]. Результаты проведенного анкетирования в процессе рассмотрения исследования доказательств как структурного элемента доказывания показали, что 64,3 % (457 из 710 опрошенных) придерживаются мнения, что исследование и оценка доказательств – это самостоятельные этапы процесса доказывания по уголовному делу. При этом оценка доказательств может быть осуществлена лишь на основе результатов их полного и всестороннего исследования¹.

В-третьих, цель исследования доказательств выражена в их восприятии, изучении, рассмотрении субъектами доказательной деятельности посредством криминалистических методов, приемов и средств, позволяющих познать не только внешнюю физическую форму информационного продукта, но и характер вытекающей из него информации [2, с. 21]. Целью же оценки доказательств является выяснение доброкачественности (относимости, допустимости, достоверности, в их совокупности достаточности) установленных по уголовному делу доказательств.

В-четвертых, наблюдается существенная разница в способах осуществления деятельности по исследованию доказательств и их оценке. Так способами исследования доказательств являются познавательные способы вербального и невербального восприятия обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, находящие свое выражение в прикладных методах: визуальное восприятие, контент-анализ документа, прослушивание, опрос (расспрос), измерение, сравнение. Проведенное в рамках исследования рассматриваемого структурного элемента анкетирование показало следующие

¹ Анкетирование по освещаемому вопросу проведено в рамках диссертационного исследования, проводимого адъюнктом Академии управления МВД России А. М. Жусипбековой, количество респондентов – 710.

результаты: из 710 опрошенных респондентов методами исследования доказательств признают наблюдение – 45,1 % (321); опрос – 34,6 % (246); измерение – 41,5 % (295); эксперимент – 45,1 % (321); описание – 54,7 % (389); прослушивание – 37,1 % (264), прочтение (контент-анализ документов) – 0,1 % (1)¹. Считаем, что большинство опрошенных не в полной мере понимают сущность и содержание деятельности по исследованию доказательств как деятельности по познанию, восприятию и рассмотрению доказательств. В ином случае процент лиц, признающих прочтение как метод исследования доказательств, был бы гораздо выше, так как субъекты доказательной деятельности в процессе осуществления доказывания в досудебном производстве этим методом пользуются непрерывно.

Способом оценки доказательств выступает внутреннее убеждение. Оценка доказательств по внутреннему убеждению означает отсутствие правил о преимуществах одних доказательств перед другими, о заранее установленной силе и значении той или иной совокупности доказательств. Ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы, и должны быть исследованы и сопоставлены с остальными добытыми по делу объективными данными [6, с. 69–70]. То есть в отличие от оценки доказательств их исследование заключается в мыслительной деятельности дознавателя, следователя, суда, состоящую в восприятии доказательств путем приведенных выше методов. Тогда как оценка доказательств – исключительно мыслительная деятельность субъекта доказывания, которая находит свое выражение в логически правильно сконструированных выводах и суждениях по уголовному делу [2, с. 21].

В-пятых, круг субъектов, осуществляющих деятельность по исследованию доказательств, шире нежели круг субъектов, осуществляющих их оценку. В исследовании доказательств как одном из этапов уголовно-процессуального доказывания в досудебном производстве по уголовному делу принимают участие все участники уголовного процесса. Объем такого участия различен: одни осуществляют деятельность по доказыванию, другие проходят все ее этапы на постоянной основе с целью установления истинного знания об обстоятельствах, при которых было совершено преступление, ставшего объектом правового познания. Третьи – содействуют решению задач *доказывания эпизодически, то есть на определенном*

¹ Анкетирование по освещаемому вопросу проведено в рамках диссертационного исследования, проводимого адъюнктом Академии управления МВД России А. М. Жусипбековой, количество респондентов – 710.

его этапе, например при собирании доказательств или их проверке [4, с. 240].

Субъектами оценки доказательств признаются субъекты, правомочные на принятие процессуальных решений по уголовному делу и деятельность по доказыванию которых является их обязанностью. Несомненно, что оценка доказательств осуществляется всеми участниками уголовного процесса, на основе которой формируется их отношение к обвинению. Однако эта деятельность не имеет правового значения, так как оценка доказательств не определяет содержания принимаемого властными субъектами процессуального решения.

Результаты анкетирования показали следующее: большинство опрошенных – 64,3 % (457 респондентов) – считают, что исследование и оценка доказательств – это самостоятельные этапы процесса доказывания по уголовному делу. При этом оценка доказательств может быть осуществлена лишь на основе результатов их полного и всестороннего исследования¹.

Таким образом, ввиду раскрытых выше особенностей каждого из рассматриваемых элементов мы приходим к выводу, что исследование доказательств и оценка доказательств как элементы структуры доказывания являются самостоятельными друг от друга и необоснованно призвать их идентичными или же поглощающими друг друга в одном элементе доказывания как оценка доказательств. Однако процесс их осуществления тесно взаимосвязан в такой степени, что на практическом уровне их размежевание представляется затруднительным.

Список литературы:

1. Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. Москва: Госюриздат, 1957. 199 с.
2. Жусипбекова А. М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35).
3. Жусипбекова А. М. Соотношение исследования и проверки доказательств // Проблемы и перспективы совершенствования законодательства и правоприменительной практики органов внутренних дел: сборник статей по материалам международной дис-

¹ Анкетирование по освещаемому вопросу проведено в рамках диссертационного исследования, проводимого адъюнктом Академии управления МВД России А. М. Жусипбековой, количество респондентов – 710.

танционной научно-практической конференции, посвященной 30-летию казахстанской полиции, Караганда, 30 октября 2022 г. Караганда: Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова, 2022.

4. *Жусипбекова, А. М.* Субъекты исследования доказательств в досудебном производстве по уголовному делу // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Москва, 17 ноября 2022 г. Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023.

5. *Конин В. В., Корсаков К. А.* Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 6 (2).

6. *Копейкина И. В.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств в уголовном судопроизводстве // Научный журнал. 2021. № 3 (58).

7. *Лутинская П. А.* Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2009. 1072 с.

8. *Ожегов С. И.* Толковый словарь Ожегова онлайн. [Электронный ресурс]: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10220>

9. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. Москва, 2003. 944 с.

10. *Пионтковский А. А.* К вопросу о теоретических основах советской криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. Госюриздат, 1955. Вып. № 6.

11. *Притузова В. А.* Заключение эксперта как доказательство в уголовном процессе. Москва, 1959. 162 с.

12. *Россинский С. Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. Москва, 2021. 408 с.

13. *Россинский С. Б.* Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2015. 41 с.

14. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Москва: НОРМА, 1998. 488 с.

15. Уголовный процесс / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. Москва: Юрайт, 2023. 581 с.

16. Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. Москва: Госюриздат, 1959. 168 с.
17. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (дата обращения: 10.10.2023).
18. Философский энциклопедический словарь. Москва: ИНФРА-М, 1999. 575 с.

**Допустимость показаний понятых о содержании сведений,
полученных в ходе процессуальных действий**

Аннотация

Статья посвящена вопросам использования в уголовном процессе показаний понятых о содержании вербальной информации, полученной в ходе следственного или иного процессуального действия. Рассматриваются проблемы оценки показаний понятых в правоприменительной практике. Обозначается необходимость использования дифференцированного подхода к возможности допроса участников процесса о содержании сведений, полученных в ходе следственного действия, в зависимости от их процессуальных функций и правового положения.

Ключевые слова и словосочетания: *допустимость показаний понятых; оценка показаний понятых; предмет допроса понятых.*

Проблема допустимости доказательств в теории уголовно-процессуального доказывания и судебно-следственной практике всегда являлась достаточно острой. Дополнительный импульс дискуссиям по этим вопросам придало решение Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), который сформировал правовую позицию о запрете восстановления показаний, недопустимых в качестве доказательств, посредством допроса следователя. Так, Конституционный Суд определил, что непозволительно использование в доказывании по уголовным делам недопустимых показаний подозреваемого (обвиняемого), полученных в отсутствие защитника без соблюдения установленных уголовно-процессуальных процедур, восстановленных путем допроса следователя (дознателя), проводившего следственное действие [7]. После принятия этого определения Конституционного Суда достаточно остро встал вопрос о том, насколько допустимо получать показания других участников следственного действия о его содержании, если следственное действие было проведено с соблюдением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Актуальность проблемы подтверждается наличием в правоприменительной практике различных подходов к оценке показаний понятых о содержании сведений, воспринятых от подозреваемого (обвиняемого) в рамках процессуального или непроцессуального действия, в производстве которого участвовали понятые. Так, судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции признала недопустимыми доказательствами и исключила из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания свидетелей – понятых, принимавших участие в личном досмотре подозреваемого, об обстоятельствах совершенного им преступления, ставших известными после задержания подозреваемого в ходе его опроса, при котором он пояснил, что является закладчиком наркотических средств. Вместе с тем в своей мотивировке кассационная инстанция привела положения позиции Конституционного Суда о недопустимости допроса следователя (дознателя) с целью восстановления показаний допрошенного лица, не приводя доводов относительно недопустимости использования показаний понятых, воспринявших сведения подозреваемого в рамках личного досмотра [3].

Аналогичное решение было принято судебной коллегией по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции, признавшей недопустимыми доказательствами показания понятых в части воспроизведения ими пояснений подозреваемого при его задержании об обстоятельствах совершения преступления. При этом суд указал, что «по смыслу закона сотрудник правоохранительного органа, а также понятые, присутствовавшие при проведении следственных действий, могут быть допрошены только по обстоятельствам проведения того или иного процессуального действия при решении вопроса о допустимости (недопустимости) доказательства, а не в целях восстановления пояснений или показаний обвиняемого, подозреваемого, данных им в отсутствие защитника, или восполнения доказательств виновности лица», ссылаясь при этом на рассматриваемую позицию Конституционного Суда [4].

По нашему мнению, кассационная инстанция ошибочно расширяет пределы установленных Конституционным Судом ограничений, распространяя их на других, кроме должностных, лиц.

В качестве противоположного подхода к оценке показаний понятых относительно сведений, воспринятых от подозреваемого, приведем следующий пример. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд), рассматривая кассационную жалобу о признании недопустимыми доказательствами показаний понятых, принимавших

участие в проведении следственного действия – осмотра квартиры подозреваемого, о содержании его пояснений, данных при проведении осмотра квартиры, не удовлетворила ее, мотивируя это тем, что «данные лица были допрошены лишь по обстоятельствам проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственного действия – осмотра квартиры, а не относительно содержания показаний, данных подозреваемым в ходе досудебного производства» [5].

Таким образом, суд кассационной инстанции подтвердил, что о содержании показаний (показания могут быть получены только в ходе допроса и очной ставки) допрашивать понятых недопустимо. Вместе с тем, он не исключил возможность допроса о содержании иных следственных действий, включая содержание прозвучавших пояснений.

Как нам представляется, такой подход является более приемлемым, так как в приведенном примере Верховный Суд верно определяет предмет показаний понятых, соответствующий их уголовно-процессуальным функциям. В соответствии с ч. 1 ст. 60 УПК РФ понятым является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, которое привлекается к производству следственного действия для удостоверения его факта, содержания, хода и результатов. Это означает, например, что при привлечении понятого к свидетельствованию он может быть допрошен об обстоятельствах следственного действия, в частности о его факте, ходе, содержании и результатах, что включает в себя обстоятельства, воспринятые понятым посредством любых органов чувств. Разве не являются содержанием следственного действия пояснения, например, при проверке показаний на месте, освидетельствовании, следственном эксперименте?

Так, судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции признала допустимыми доказательствами показания понятых об обстоятельствах осмотра мобильного телефона подозреваемого и обнаружении переписки, в которой содержались указания о том, откуда следует забрать наркотические средства и куда их в последующем заложить. В этом же решении кассационная инстанция признала допустимыми показания понятых об обстоятельствах осмотра комнаты по месту жительства подозреваемого, при котором он пояснил, что на банковскую карту ему поступали денежные средства в качестве вознаграждения за распространение наркотических средств, а zip-пакетики он использовал для расфасовки наркотических средств [6].

Возникает резонный вопрос. Разве не являются результатом следственного действия показания? Понятой в соответствии со ст. 170 УПК РФ по усмотрению следователя может привлекаться к

участию в любом следственном действии как имеющим целью получение показаний подозреваемого, так и направленном на получение информации «невербального» характера. Иначе говоря, понятой по решению следователя может быть привлечен и к производству допроса, очной ставки. Понятой, в отличие от следователя, которого действительно нельзя допрашивать о содержании показаний, тем более полученных с нарушением закона, т. е. недопустимых (в рассмотренном Конституционным Судом случае – полученных без участия защитника), привлекается для того, чтобы подтвердить результаты действия в случае их утраты или постановки под сомнение. Например, при утверждении допрашиваемого о несоответствии сведений, реально сообщенных, сведениям, зафиксированным в протоколе допроса.

Вне зависимости от цели и характера следственного действия воспринятая в его ходе информация, по нашему мнению, может являться предметом допроса понятого в качестве свидетеля. Понятые как лица, осуществляющие удостоверительную функцию в следственном действии, могут быть допрошены не только относительно порядка следственного действия, соответствия проведенных действий содержанию протокола, но и о результате следственного действия – полученных сведениях. Конечно, при условии, что следственное действие проведено законно.

Проблема оценки показаний понятых в правоприменительной практике находит отражение в работах судей, что подтверждает ее актуальность. В частности, В. В. Казначейский, судья Второго кассационного суда общей юрисдикции, отмечает, что использование показаний понятых, в которых воспроизводятся сведения об обстоятельствах дела со слов обвиняемых, является распространенным явлением в судебной практике, что требует законодательного регулирования. При этом автор считает спорным использование показаний понятых, присутствовавших при личном досмотре подозреваемого о содержании его сообщения, которым он подтверждает свою причастность к совершению преступления, в случае, когда подозреваемый впоследствии от этого сообщения отказывается [2].

Обратим внимание, что законодатель в определенных ситуациях предусматривает заменяемость понятых применением технических средств фиксации хода и результатов следственного действия (ч. 11 ст. 170 УПК). Очевидно, что в случае отказа допрошенного от данных им показаний может быть воспроизведена видео- или аудиозапись его допроса. Процессуальный статус результатов применения технических средств фиксации хода и результатов следственного действия, действительно, спорен, однако очевидно, что

это доказательство и, вероятнее всего, самостоятельное – иной документ [1, с. 27–38]. Было бы нелогично допускать использование в доказывании материалов, полученных при применении технических средств фиксации хода и результатов следственного действия, и отказываться от допроса понятых, выполняющих ту же удостоверительную функцию, о содержании и результатах следственного действия.

Таким образом, подход к возможности допроса участников процесса о содержании сведений, полученных в ходе следственного действия, должен быть дифференцированным в зависимости от их процессуальных функций и правового положения.

Список литературы:

1. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51).
2. Казначейский В. В. Показания понятого, существующие проблемы реализации конституционного права не свидетельствовать против себя // Российский судья. 2023. № 10.
3. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2022 г. № 77-3600/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2023 г. № 77-1261/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 45-УД21-40-А2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27 сентября 2023 г. № 88-3728/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. По жалобе гражданина Демьяненко В. Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 УПК РФ [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 6 февраля 2004 г. № 44-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Юлия Алексеевна Клюева,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: Yulia1604irk@mail.ru

**Совершенствование понятийного аппарата как один
из инструментов в борьбе с незаконным синтезом
новых психоактивных веществ**

Аннотация

В статье изучаются проблемы нормативных инструментов борьбы с лицами, осуществляющими незаконную разработку новых психоактивных веществ, псевдоправомерный оборот которых не только ежегодно причиняет стране многомиллионный ущерб, но и угрожает безопасности государства. В статье предложены организационные и нормативные способы минимизации числа производимых новых химических соединений с неизученным воздействием на человека, а также веществ с высокой токсичностью.

Ключевые слова и словосочетания: правовые и организационные способы ограничения незаконного синтеза новых психоактивных веществ.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, посягают на общественные отношения не только в сфере здоровья населения, но и в сфере экономической деятельности¹, в сфере общественной безопасности², в сфере государственной власти³, также эти преступления направлены против мира и безопасности человечества⁴. Профессор Б. Ф. Калачев более 20 лет назад писал о наркотиках как о разновидности оружия массового поражения [3]. Кроме того, идею о том, что наркотические средства, психотропные и сильнодействующие вещества могут использоваться в качестве гибридных средств поражения, не раз освещали в своих трудах ученые В. Ю. Владимиров и К. В. Харабет [2, 4].

¹ Ст. 174 и 174.1 УК РФ.

² Ст. 210 УК РФ.

³ Ст. 281 УК РФ.

⁴ Ст. 355 и 357 УК РФ.

Указом Президента России от 11.03.2019 № 97¹ к основным химическим угрозам безопасности государства отнесены разработка принципиально новых классов химических веществ с неизученным воздействием на человека, а также широкое применение химических соединений с высокой токсичностью. Указанные характеристики можно с полной уверенностью отнести и к новым синтетическим психоактивным веществам (далее – ПАВ), массово распространяемым среди молодежи. В связи с этим, можно констатировать факт, что незаконный оборот ПАВ в современном мире признан опасным не только с точки зрения здоровья отдельно взятого человека, но и с точки зрения безопасности отдельно взятой страны.

Употребление психоактивных веществ неизменно приводит к деградации личности, в результате которой человек не может полноценно себя обеспечивать (так как теряет со временем работу), он постоянно находится в поиске денег на новую порцию ПАВ, что часто толкает его на совершение преступлений. Как пишет в своих трудах профессор В. Ю. Владимиров, именно на покупательский спрос молодежи, живущей в мегаполисах и инвестируемых регионах, рассчитан сбыт новых наркотиков. Кроме того, это наиболее трудоспособная, интеллектуальная и репродуктивная часть населения [1, 2]. Именно молодежь участвует в обороте государства – одни из них, достигая призывного возраста, должны идти в армию, другие – служат в настоящее время, третьи – находятся в запасе. Как больные молодые люди смогут обеспечить безопасность государства, если они в таком состоянии не могут обеспечить ее себе и своим близким?

В итоге государству необходимо расходовать огромные бюджетные средства не только на лечение и реабилитацию наркозависимых лиц, но и на содержание структур, задачами которых является борьба как с незаконным оборотом НСПВ, так и с сопутствующими ему преступлениями, такими как кражи, грабежи, создание преступных организаций, легализация денежных средств, добытых преступным путем, и других. Согласно данным, приведенным в Указе Президента России от 23.11.2020 № 733², на финансирование антинаркотиче-

¹ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 11 марта 2019 г. № 97. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 23 ноября. 2020 г. № 733. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ской деятельности в 2018 и 2019 гг. расходовалось более 1 млрд ежегодно. Кроме того, несут ущерб предприятия, работники которых, становясь наркозависимыми, не могут полноценно выполнять свои обязанности. Также нельзя не отметить финансовую сторону данных преступлений – они приносят неимоверный доход, составляющий от 300 до 2 000 % [5], и пока существует возможность его легализовать, указанные преступления будут весьма привлекательными для определенного круга людей. Незаконный оборот денежных средств, получаемых от псевдоправомерного оборота ПАВ, создает угрозу для социального и экономического развития государства, а также для безопасности страны, так как обычно эти деньги тратятся на развитие незаконного «наркобизнеса» и на финансирование группировок, действия которых направлены на подрыв государственного строя. В связи с этим чрезвычайно важно вовремя предотвращать преступления, связанные с незаконным оборотом психоактивных веществ.

Однако сложно бороться с деяниями, не имеющими правовой оценки в действующем законодательстве. Речь идет о лицах, создающих формулы новых ПАВ и разрабатывающих схемы их синтеза. В соответствии с современным законодательством их действия не содержатся среди деяний, перечисленных в диспозиции уголовных норм, содержащих санкции за незаконный оборот ПАВ. Данные лиц не получится привлечь и за изготовление НСПВ, потому что в понимании ст. 1 ФЗ от 08.01.1998 № 3¹ и п. 9 Постановления Пленума Верховного суда (далее – ППВС) от 15.06.2006 № 14² они их не изготавливают. ФЗ от 08.01.1998 № 3, в отличие от ППВС от 15.06.2006 № 14, не дает дефиниции понятия «незаконный оборот» НСПВ, к нему можно прийти, прочитав ряд определений: «оборот наркотических средств, психотропных веществ», «незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ» и «изготовление наркотических средств, психотропных веществ». Таким образом, согласно Федеральному закону от 08.01.1998 № 3-ФЗ, незаконным изготовлением НСПВ (или содержащих их лекарственных средств) являются действия, совершенные в нарушение законодательства России, в результате которых на основе НСПВ или их пре-

¹ О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

курсоров получены «готовые к использованию и потреблению формы НСПВ или содержащие их лекарственные средства».

Если же рассмотреть определение, данное в ППВС от 15.06.2006 № 14, то становится очевидно, что оно отличается от рассмотренного выше, так как в нем указывается, что НСПВ (или их аналоги) изготавливают из растений (либо их частей), содержащих НСПВ, лекарственных, химических и иных веществ. Возникает закономерный вопрос: получение наркотического средства из наркотикосодержащего растения конопли, согласно указанному ППВС, относится к изготовлению, а согласно указанному Федеральному закону – нет? Но ведь разъяснения ППВС носят рекомендательный характер и предназначаются для судов, а требования федерального закона обязательны для исполнения всеми субъектами. Кроме того, необходимо отметить, что понятие лекарственных средств и их обращение, в том числе изготовление, регулируется Федеральным законом РФ от 12.04.2010 № 61-ФЗ¹. Детальное сравнение определений понятия «изготовление НСПВ», данных в ФЗ от 08.01.1998 № 3 и ППВС от 15.06.2006 № 14 (см. сравнительную таблицу), иллюстрирует отсутствие дефиниции изготовления аналогов НСПВ (в указанном выше федеральном законе) и производных НСПВ (в обоих вышеуказанных нормативных актах).

Сравнительная таблица определений незаконного изготовления наркотических средств и психотропных веществ

Статья 1 ФЗ от 08.01.1998 № 3	Пункт 9 ППВС от 15.06.2006 № 14
Незаконное изготовление наркотических средств, психотропных веществ – действия, совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации, в результате которых, на основе НСПВ или их прекурсоров, получены готовые к использованию и потреблению <i>формы</i> НСПВ или содержащие их <i>лекарственные средства</i>	Под незаконным изготовлением наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта следует понимать совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия, в результате которых из растений, содержащих НСПВ, либо их частей, содержащих НСПВ, лекарственных, химических и иных веществ получено одно или несколько готовых к использованию и потреблению НСПВ или их аналогов.

¹ Об обращении лекарственных средств [Электронный ресурс]: Федеральный закон Рос. Федерации от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Производные НСПВ – это категория веществ, которая кроме двух постановлений Правительства России¹, нигде не упоминается: ни в Федеральном законе от 08.01.1998 № 3-ФЗ, ни в Уголовном Кодексе РФ, ни в ППВС от 15.06.2006 № 14.

Кроме того, главное в рассмотренных определениях то, что в результате получаются готовые к употреблению НСПВ, лекарственные средства, содержащие их, или аналоги НСПВ. Необходимо учитывать, что действия лиц, разрабатывающих новые неподконтрольные государству ПАВ, как раз и направлены на получение таких веществ, ответственность за оборот которых не предусмотрена. В связи с чем их нельзя привлечь к уголовной ответственности ни как исполнителей, ни как пособников, предоставляющих информацию, так как эта информация должна содействовать совершению преступления, которого в данном случае, в соответствии с действующим законодательством, не совершается и нет предмета преступления – запрещенного к обороту НСПВ, а те химические соединения, что будут синтезированы в результате работы данного лица, под действия УК РФ не попадают. Эти лица не только изобретают новые ПАВ, но и вполне сознательно уходят от уголовной ответственности. При этом о свойствах нового вещества, включая токсические, он может и не задумываться: его задача совсем другая – разработка формулы химического соединения, оборот которого не запрещен законом.

В связи с вышеизложенным чрезвычайно важно вовремя пресекать преступления, связанные с незаконным оборотом ПАВ, так как они наносят огромный урон, в том числе финансовому благополучию страны.

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Дефиниция термина «изготовление НСПВ» и его название в Федеральном законе от 08.01.1998 № 3-ФЗ нуждаются в корректировке, которая позволила бы:

¹ Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [Электронный ресурс: Постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 1998 г. № 681; Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление правительства Рос. Федерации от 1 октября .2012 г. № 1002. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– внести ясность с изготовлением наркотических средств и психотропных веществ из наркотикосодержащих растений и частей;
– дополнить его содержание аналогами и производными НСПВ, а также новыми психоактивными веществами;
– исключить термин, относящийся к науке «фармакология» (лекарственные средства, как правило, не изготавливаются, а производятся промышленным способом).

2. Понятие «производные» НСПВ выпало из законодательной базы – его нет ни в Федеральном законе от 08.01.1998 № 3-ФЗ, ни в УК РФ, также как нет его и в ППВС от 15.06.2006 № 14.

3. Пока оборот новых ПАВ не будет подконтролен государству, действия создающих их лиц невозможно квалифицировать по какой-либо ст. Уголовного Кодекса РФ. Поэтому необходим эффективный и быстрый алгоритм запрета новых ПАВ, который даст возможность привлекать таких лиц к ответственности за совершенное деяние в виде разработки формул химических соединений и схем их синтеза, при этом маскировка преступления с целью ухода от уголовной ответственности, и это должно стать отягчающим обстоятельством.

4. Одним из способов минимизации количества лиц, синтезирующих новые химические соединения, не входящие в Перечень НСПВ, утвержденный Правительством России от 30 июня 1998 г. № 681¹, может стать ограничение к нему доступа лицам, чья профессиональная деятельность не связана с веществами из указанного Перечня.

Список литературы:

1. *Владимиров В. Ю., Ковалев, А .В., Сидоренко В. А.* О необходимости разработки основных положений и понятийно-терминологического аппарата формирующейся отрасли научно-практического знания «Псевдо-правомерный оборот потенциально опасных материалов, веществ и изделий. Генезис, признаки, превенция» // Известия Саратовского университета. 2020. Т. 20. Вып. 2.

2. *Владимиров В. Ю.* Судебная экспертиза наркотиков как инструмент выявления гибридных угроз национальной безопасно-

¹ Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 1998 г. № 681. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сти / В. Ю. Владимиров, А. В. Ковалев, И. Н. Горбулинская // Наркоконтроль. 2019. № 1.

3. *Калачев Б.Ф.* Труды о наркотиках. Избранное // ВНИИ Московской Академии МВД России, 2002.

4. *Харабет К.В.* Наркотизм (наркопреступность) как элемент (признак) криминологической характеристики преступности военнослужащих в период вооруженных конфликтов // Наркоконтроль. 2017. № 4 (49).

5. *Хатаев А. Ц.* Мировой наркобизнес // Международная жизнь. 2009. № 1.

Ирина Васильевна Красавина,
начальник отдела ведомственного, межведомственного
взаимодействия и организации процессуальной деятельности
подразделений дознания
Управление по организации дознания МВД России
E-mail: krasavina1971icloud.com

Об актуальности организации процессуального и ведомственного контроля руководителями подразделений дознания за сроками расследования

Аннотация

В статье анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, также рассматриваются вопросы, на которых должен акцентировать внимание руководитель подразделения дознания при осуществлении процессуального и ведомственного контроля за сроками расследования.

Ключевые слова и словосочетания: *срок расследования; ведомственный контроль; дознание; руководитель; процессуальная деятельность; функция управления.*

На досудебной стадии уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 150, пунктами 1 и 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ как преступления небольшой и средней тяжести расследуется большая часть регистрируемых преступлений. Структура расследуемых преступлений, относящихся к компетенции подразделений дознания, свидетельствуют о том, что органы дознания расследуют больше половины преступных деяний на территории страны. В ходе дознания возникает ряд проблем, и ключевой является соблюдение сроков его производства. Если рассмотреть порядок процессуальных действий, которые должен произвести дознаватель, то объем будет аналогичным действиям, которые совершает следователь. Вместе с тем срок расследования ограничен 30 сутками, что определено ч. 3 ст. 223 УПК РФ. Предусмотрены конечно обстоятельства для продления срока дознания, и согласно ч. 4 ст. 223 УПК РФ дознание может вестись до 6 месяцев, а в соответствии с ч. 5 ст. 223 УПК РФ – и до 12 месяцев, но это только в исключительных случаях. Однако по уголовным делам, расследование которых производится в форме дознания, сроки расследования продлеваются не только по объективным причинам, но и при отсутствии обстоятельств, требующих продление сроков расследования. Кроме недисциплинирован-

ности и халатного отношения дознавателей к своим обязанностям весомую роль играет значительная нагрузка на сотрудников, что зачастую приводит к нарушениям уголовно-процессуального законодательства.

Такая нагрузка свидетельствует о необходимости совершенствования контроля как процессуального, так и ведомственного за соблюдением сроков расследования в установленные законом сроки, чтобы не допустить необоснованное и незаконное ограничение прав и свобод человека и гражданина как абсолютной ценности для государства.

Контроль является функцией управления, с помощью которого прежде всего происходит выявление отклонений от цели и решаемых задач в конкретной сфере деятельности. В применении к органам внутренних дел наблюдение осуществляется за процессами, связанными с правоохранительной деятельностью, и мерилом правильности производимых действий является соответствие нормам закона. Б. Я. Гаврилов и другие ученые считают, что контроль начальника дознания за процессуальными решениями не должен сводиться к выявлению нарушений, также должны устанавливаться причины и условия, вызывающие нарушения сроков расследования [1, с. 22].

Процессуальный и ведомственный контроль прежде всего способствуют обеспечению соблюдения уголовно-процессуального законодательства, своевременному выявлению и принятию мер к устранению ошибочных процессуальных решений. В силу положений ст. 40.1 УПК РФ на начальника подразделения дознания возлагаются обязанности по осуществлению процессуального контроля за действиями дознавателей при производстве ими предварительного расследования по уголовным делам. Анализируя Типовые положения об отделах (отделениях) организации дознания на различных уровнях, утвержденные приказом МВД России от 15.06.2020 № 430, А. А. Нечаев и С. И. Курилов справедливо отметили, что функции руководителя дознания, обеспечивающие процессуальный и ведомственный контроль, можно разделить на две основные группы – это процессуальные и организационно-управленческие. Под процессуальными понимаются функции начальника дознания, которые определены уголовно-процессуальным законодательством, организационно-управленческие функции вытекают из ведомственных нормативных правовых актов [4, с. 39].

Если обратиться к сути ведомственного контроля за сроками производства дознания, то можно сказать, что в рамках выполнения организационно-управленческой функции руководитель подразделения дознания дает указания о производстве следственных действий. Суть контроля состоит в изучении руководителем каждого уголовного дела и детальной постановки задач по нему в письменном виде с определением конкретных сроков их исполнения. Е. А. Прохорова, В. В. Само-

рока, М. С. Балаянц считают, что одной из причин нарушения сроков предварительного расследования является неудачная законодательная формулировка о производстве расследования в срок до 30 суток. Также авторы полагают, что установление максимального срока и отсутствие минимально достаточного срока для проведения качественного расследования создает для дознавателя соблазн отложить принятие решения на крайний срок, и видят решение этой проблемы в усилении ведомственного контроля за процессуальной деятельностью дознавателей [5, с. 20].

В современной юридической науке активно обсуждается вопрос о «разумных сроках» расследования, и хотя законодатель не дает четкого определения этого понятия, многие ученые видят в его развитии возможность обеспечить законные права граждан на справедливое судопроизводство, когда от момента совершения преступления и осуждения виновного проходит минимум времени. Р. Я. Мамедов полагает, что в системе судопроизводства не обойтись без законодательного закрепления отдельных процессуальных сроков, но при этом отказ от регламентации процессуальных сроков предварительного дознания должен компенсироваться обязанностью должностного лица окончить расследование в «разумный срок» [3, с. 249]. Б. Я. Гаврилов считает, что процессуальные сроки в российском уголовном процессе не способствуют эффективному расследованию, а являются тормозящими факторами, которые приводят к бюрократическим проволочкам в принятии решения [2, с. 102].

Кратко осветив практические проблемы, связанные с соблюдением сроков расследования в форме дознания, и проанализировав взгляды ряда ученых по этой теме, можно сделать вывод, что соблюдение сроков дознания во многом зависит от организации контроля со стороны начальника дознания. Вместе с тем есть ряд проблем, требующих решений на законодательном уровне. Если говорить о проблемах процессуального характера, то важным тут видится заорганизованность процессуальных действий, связанных с многократными продлениями сроков расследования в форме дознания. Прежде всего речь идет о делах, когда очевидно, что нет возможности принять решение без получения заключений о проведенных экспертизах и официальных ответов от организаций, не входящих в систему МВД, но дознаватель вынужден тратить время на продление сроков расследования, отвлекаясь от процессуальных действий, по сути дела. Для разрешения указанной проблемы, конечно, требуется дальнейшая юридическая проработка вопроса, связанного с наполнением и развитием такого понятия, как «проведение расследования в разумный срок».

Список литературы:

1. *Гаврилов Б. Я.* Упреждающий контроль начальника органа дознания за принятием процессуальных решений при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях: учебно-методическое пособие / Б. Я. Гаврилов, И. А. Антонов, А. В. Красильников, Е. Ю. Стефанова, К. С. Агабеков. Москва, 2020.
2. *Гаврилов Б. Я.* 15 лет действия УПК РФ: генезис, современное состояние и перспективы совершенствования // Правовые и организационные механизмы реализации уголовно-процессуального законодательства (К 15-летию вступления в действие УПК РФ): сборник статей по материалам научно-практической конференции. Москва: Академия управления МВД России, 2017.
3. *Мамедов Р. Я.* О целесообразности фиксированных процессуальных сроков предварительного следствия и дознания // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 3. Т. XIII.
4. *Нечаев А. А., Курилов С. И.* Процессуальный и ведомственный контроль как направление деятельности начальника подразделения дознания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3.
5. *Прохорова Е. А., Саморока В. А., Балаянц М. С.* Быстрое раскрытие преступлений как задача уголовного судопроизводства: отечественный и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 1.

Специфика формирования доказательств в рамках производства дознания в сокращенной форме

Аннотация

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что объемом доказательств, полученных в результате расследования в форме сокращенного дознания, на первый взгляд не всегда в полной мере может представлять собой достаточную доказательную базу для реализации задач уголовного судопроизводства. Основная цель настоящего исследования заключается в определении степени влияния рассматриваемой формы расследования на процессы формирования доказательств с учетом присущих ей определенных негативных и позитивных факторов. В ходе проведенной работы предложены направления повышения качества формирования доказательственной базы в рамках проведения сокращенной формы дознания.

Ключевые слова и словосочетания: доказательства при сокращенном дознании; сбор доказательств в сокращенном дознании; специфика сокращенного дознания.

Дознание представляет собой форму предварительного расследования, которая наличествует в различных странах, при этом в каждой из них указанная форма расследования обладает определенной спецификой в зависимости от принадлежности государства к тому или иному виду правовой системы. Еще в 1987 г. комитет министров Совета Европы принял рекомендации «Об упрощении уголовной юстиции» NR (87)18 от 17 сентября 1987 г. [5, с. 116–122], в которых заострил внимание на необходимости ограничения предварительного следствия, которое не может быть обязательным, всеобъемлющим. При этом, как отмечает в своем исследовании Н. Ю. Дутов, в некоторых странах дознание сформировалось, как и в России, сокращенной по времени формой предварительного следствия, а в других – превратилось в форму полицейского дознания или ограничилось производством исключительно неотложных следственных действий [1, с. 172–178].

Анализируя мнения представителей научных кругов относительно появления в отечественном уголовно-процессуальном зако-

нодательстве сокращенной формы дознания, стоит отметить, что в целом введение в действие указанной правовой новеллы оценивается учеными неоднозначно.

Так, Э. А. Матинян отмечает, что сокращенная форма дознания введена в УПК РФ с целью ускорения и оптимизации процесса расследования уголовных дел, что в свою очередь позволяет ограничить ход расследования проведением только необходимых следственных действий, упрощая при этом процесс сбора и анализа доказательств. Введение сокращенной формы дознания, по его мнению, способствует уменьшению бюрократических процедур и оптимизации использования ресурсов правоохранительных органов. Кроме того, этот метод помогает сконцентрировать внимание на ключевых аспектах уголовного дела, сокращая время и ресурсы, затрачиваемые на расследование [3, с. 169–170].

По мнению Р. Д. Файрушиной и Ю. Б. Имаевой, принятие Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 3-ФЗ¹ представляет собой попытку законодателя обосновать необходимость упрощения процедуры установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, указанных в ст. 73 УПК РФ, предоставляя возможность дознавателю на проведение лишь тех следственных и процессуальных действий, невыполнение которых может привести к потере следов преступления или иных доказательств [6, с. 336–337].

Порядок доказывания при производстве дознания в сокращенной форме определяется содержанием ст. 226⁵ УПК РФ и отличается от порядка доказывания, осуществляемого при иных формах предварительного расследования, в основном сокращением объема доказательств, а также сужением предмета и пределов доказывания.

Сокращенная форма предусматривает, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. Предоставленное законом полномочие позволяет дознавателю не проверять те доказательства, которые не были оспорены участниками уголовного процесса, что в свою очередь способствует нарушению принципа презумпции невиновности, поскольку возникает возможность совершения подозреваемым (впоследствии обвиняемым) в отношении себя самооговора, так как в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подо-

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Парламентская газета. 2013. № 8.

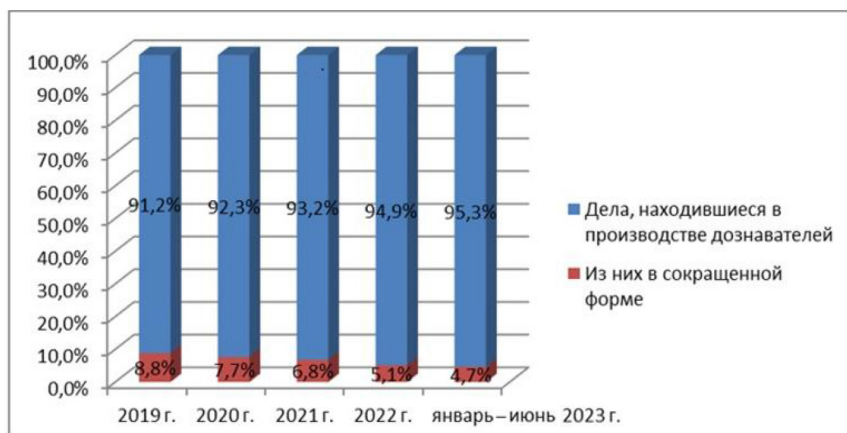
зреваемым, и, как следствие, это приводит к грубому нарушению права подозреваемого на защиту, поскольку сокращенное дознание может применяться только в случае признания им своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, а также если он не оспаривает оценку правового деяния (п. 1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ) [2, с. 107– 111].

Таким образом, проверка доказательств представляет собой сложную задачу, и игнорировать указанную стадию процесса доказывания, по мнению автора, не представляется возможным, поскольку дознавателю необходимо исключить формулирование ошибочных выводов.

Вместе с тем, анализ статистических сведений демонстрирует сохраняющуюся тенденцию неуклонного снижения количества упрощенных производств по делам небольшой и средней тяжести. Так, общее количество дел, расследованных дознавателями в сокращенной форме, снизилось за последние пять лет до 5 % от общего числа дел, находящихся в производстве (см. диаграмма 1). При этом доля уголовных дел, возвращенных прокурором для производства дознания в общем порядке, сохраняется на одинаковом уровне в течение последнего пятилетия (2019 г. – 2,5 %; 2020 г. – 2,3 %; 2021 г. – 2,4 %; 2022 г. – 2,3 %; 2023 г. – 2,2 % от общего числа уголовных дел, направленных прокурору с обвинительным постановлением), что лишь подтверждает факт существования в практической деятельности ряда проблем, связанных с осуществлением доказательственной деятельности по делу в рамках сокращенного дознания.

Диаграмма 1

Соотношение количества уголовных дел, расследованных дознавателями в сокращенной форме и общего количества уголовных дел, находящихся в производстве дознания

По мнению Ю. В. Шпагиной, пробелы собирания доказательств при производстве дознания в сокращенной форме находятся, собственно, в правовой конструкции данной категории. Так, ошибки, совершаемые дознавателями в процессе сокращенного дознания, могут возникать по нескольким причинам:

- во-первых, ограничение объема собираемых доказательств в сокращенной форме дознания может привести к упущению важных фактов или обстоятельств, которые имеют решающее значение для правильного расследования уголовного дела;
- во-вторых, недостаточная проверка или документирование получаемых доказательств может привести к ошибкам, поскольку неполная информация может исказить картину происходящего;
- в-третьих, недостаточная проверка достоверности и достаточности собранных доказательств также может способствовать возникновению ошибок в процессе сокращенного дознания [7].

По общему правилу, при производстве дознания в сокращенной форме доказательства собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, однако эта норма не касается перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, установленных ст. 73 УПК РФ. Очевидно, что введение концепции «доказательства... в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления» (ч. 1 ст. 2265 УПК РФ) подразумевает, по мнению Л. П. Плесневой, О. В. Соколовой, «уменьшенную итоговую совокупность доказательств» [4].

Автор данной статьи видит здесь основную проблему в следующем: «...с одной стороны, предмет доказывания по анализируемой категории дел отечественным законодателем умышленно усекается, а с другой стороны, содержание указанной уголовно-процессуальной нормы противоречит требованиям ст. 73 УПК РФ, устанавливающей общий предмет доказывания при расследовании всех без исключения преступлений» [1, с. 107–111].

В рамках сокращенного дознания внимание фокусируется на ключевых доказательствах, необходимых для установления события преступления, характера и размера причиненного вреда, а также виновности лица в совершении преступления. Такое намеренное сужение доказательственной базы может повлечь за собой ошибки в оценке обстоятельств дела и привести к упущению важных деталей, которые могут оказать существенное влияние на результаты расследования.

Таким образом, для повышения качества собирания доказательств в рамках сокращенной формы дознания предлагаем проводить следующие мероприятия:

- регулярное проведение тренингов, семинаров и практических занятий для сотрудников правоохранительных органов, особенно тех, кто занимается сбором доказательств в рамках сокращенной формы дознания (сотрудники МВД РФ, ФССП РФ). Обучение новым методикам сбора и анализа доказательств поможет повысить их квалификацию и эффективность работы;
- создание механизмов эффективного взаимодействия между различными службами и подразделениями полиции для более эффективного сбора информации и доказательств;
- обеспечение сотрудников необходимым современным оборудованием и техническими средствами для сбора и анализа доказательств, такими как мобильные лаборатории, специализированное программное обеспечение и т. д.;
- создание стандартизированных процедур и методик для сбора различных типов доказательств в рамках сокращенной формы дознания;
- проведение систематического анализа и мониторинга эффективности сбора доказательств, чтобы выявлять слабые места и корректировать процессы сбора доказательств;
- изучение опыта других регионов и стран, где эффективно проводится сокращенная форма дознания, и внедрение лучших методик в практическую деятельность.

Список литературы:

1. *Дутов Н. Ю.* Особенности правового регулирования производства дознания в зарубежных странах // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии.* 2020. № 6–1.
2. *Лавриновская И. С.* Некоторые проблемные аспекты, возникающие при производстве дознания в сокращенной форме // *Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник статей по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 16 декабря 2022 г.* Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, 2023.
3. *Матинян Э. А.* Основные проблемы производства дознания в сокращенной форме // *Молодой ученый.* 2019. № 46 (284).
4. *Плеснева Л. П., Соколова О. В.* Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // *Право и государство: теория и практика.* 2017. № 4 (148).

5. Рекомендация № 6 R (87) 18 Комитета министров Совета Европы «Относительно упрощения уголовного правосудия» (принята 17.09.1987) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. Москва: СПАРК, 1998.

6. *Файрушина Р. Д., Имаева Ю. Б.* Теоретико-правовые положения производства дознания в сокращенной форме // Евразийский юридический журнал. 2020. № 7 (146).

7. *Шпагина Ю. В.* О современном состоянии сокращенной формы дознания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1.

Экономическая составляющая угонов транспортных средств

Аннотация

В статье рассматриваются экономические составляющие угонов транспортных средств на территории Российской Федерации, в совокупности с мировой статистикой незаконного завладения транспортными средствами. Отражены факторы и обстоятельства, влияющие на совершение угонов транспортных средств в мире, а также механизмы выявления и фиксирования криминалистических следов, оставляемых преступниками при совершении угонов ТС.

Ключевые слова и словосочетания: предмет преступного посягательства; угон транспортного средства; незаконное завладение транспортным средством; организованная преступная группа; криминалистические следы; механическое транспортное средство; криминалистические аспекты; экономические факторы.

Предмет преступного посягательства имеет важное значение для криминалистической характеристики незаконных завладений транспортными средствами, в том числе совершенными преступными группами. Вопросы предмета преступного посягательства при незаконном завладении ТС нашли свое отражение в научных работах: В. Г. Баяхчевой, А. А. Виноградов, В. И. Жулева, А. И. Мишуточкина, В. П. Пантелеева, Н. С. Сорокун, С. М. Скибина и других ученых. На основании обобщения правоохранительной практики можно сделать вывод, что сведения о ТС, ставшем предметом незаконного завладения, имеют важное практическое значение для установления личности преступника. Данные о признаках и особенностях этого ТС, с учетом «следовой картины» преступления, позволяют смоделировать сам процесс совершения преступного посягательства и выделить в нем те обстоятельства и субъекты, которые важны для следователя. Сведения о предмете преступного посягательства могут стать основой для выдвижения следственных и оперативно-розыскных версий в отношении личности преступника, его розыска, а также возможного места нахождения ТС, способов совершения и сокрытия преступления и т. д. Согласно п. 1.2 ПДД

«транспортное средство устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем». В свою очередь транспортное средство подразделяется на механическое транспортное средство – «Механическое транспортное средство» – транспортное средство, приводимое в движение двигателем. Термин распространяется также на любые тракторы и самоходные машины. Термин не распространяется на средства индивидуальной мобильности и велосипеды. «Средство индивидуальной мобильности» – транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства). К транспортным средствам также отнесены мотоциклы, в том числе мотороллеры, мотоколяски; легковой автомобиль – транспортное средство, которое по своим техническим характеристикам, конструкции и оборудованию может перевозить пассажиров, багаж; грузовой автомобиль – автомобиль, который по своей конструкции и оборудованию предназначен для перевозки грузов; рельсовое транспортное средство – трамвай и платформы, специально оборудованные и движущиеся по трамвайным путям. В вышеуказанных определениях транспортного средства нет железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Следовательно, при расследовании незаконных завладений транспортными средствами предмет преступного посяательства представляется как противодействие незаконным завладением транспортными средствами: которыми чаще всего являются современные модели иностранных легковых автомобилей, находящихся в рабочем состоянии и имеющих хороший внешний вид и презентабельность. Следует отметить, что сегодня процесс автомобилизации населения России колоссален и характеризуется стремительным ростом. Вместе с этим повышается активность лиц, совершающих незаконные завладения ТС. Ведь сейчас это один из главных сегментов мирового криминального бизнеса, что дает возможность получения максимальной финансовой выгоды наряду с торговлей наркотиками и оружием. Согласно данным Интерпола в мире угоняют автомобили каждые 10–20 секунд или около 3 млн авто в год. В совокупности мировой рынок продажи угнанных автомобилей ежегодно достигает около 15–20 млрд долл. [3]. Сегодня правовые науки достаточно содержательно раскрывают классификацию ТС. Мы остановимся только на тех, которые, по нашему мнению, позволяют наиболее всесторонне описать предмет конкретного вида преступлений с точки зрения возможности выделения поиско-

вых признаков, присущих ТС, а также криминалистически весомой информации. Классификацию ТС, которые становятся предметом исследуемых преступлений, предлагаем осуществить по следующим основаниям:

- по типу ТС (автомобили; мото-транспортные средства; троллейбусы, трамваи, тракторы и другие самоходные машины, СИМ);
- за страной-производителем (отечественного производства, зарубежного производства);
- по формам собственности ТС;
- по марке ТС.

Исследование позволило определить, что предметом рассматриваемых преступлений, в зависимости от типа ТС, становятся:

- автомобили – 65 % (из них: легковые – 53,9 %, грузовые (крупногабаритные) – 11 %);
- мототранспортные средства – 27 % (мотоциклы и другие механические ТС, объем двигателя которых превышает 50 куб. см.);
- троллейбусы, трамваи, тракторы и другие самоходные машины – 6 %.

ТС отечественного производства завладевают в 64 % случаев, зарубежного – в 36 %.

В зависимости от форм принадлежности предметом рассматриваемых преступлений становятся следующие ТС:

- личный транспорт граждан – 84 %;
- транспорт предприятий, учреждений и организаций частной формы собственности – 12 %;
- государственный транспорт – 4 %.

Лишение собственником транспортного средства безусловно негативно отражается на экономической составляющей деятельности собственника, так как владелец незаконно лишенный ТС вынужден изыскивать дополнительные денежные средства для восстановления возможности использовать другое транспортное средство, а именно аренду, лизинг, кредит на ТС и т. д.

Одновременно сегодня распространенными стали случаи совершения этих преступлений в корыстных целях, что объясняется распространением заинтересованности покупателей (заказчиков), требующих качественных ТС, надлежащего товарного состояния и технической исправности. Соответствующие технические характеристики присущи частным владельцам транспортных средств, поскольку поддержание соответствующего качества транспортного средства требует значительных затрат, а в лучшем случае – наличия соответствующего штата специалистов по ремонту, технического обслуживания и т. д. Наряду с этим частные лица постоянно

осуществляют указанные меры. Кроме того, ТС, не принадлежащие частным лицам, почти постоянно находятся под контролем ответственных лиц, поэтому реагирование последних на незаконное их завладение происходит гораздо быстрее, что усложняет возможность совершить преступление. Чаще всего предметом незаконного завладения ТС становятся автомобили таких марок: Daewoo, Toyota, Volkswagen, BMW, Audi, Skoda, Lexus, Mercedes, ВАЗ, ГАЗ. Исследование, проведенное В. В. Февраль, позволило конкретизировать этот элемент криминалистической характеристики и определить особенности преступного посягательства ОГ на транспортные средства. Так, на основании обобщения судебно-следственной практики автором сделан вывод, что I группу транспортных средств (изготовленные в ЕЗЭС и странах СНГ) составляют следующие марки автомобилей: Daewoo – 31 %; ВАЗ – 18 %; ГАЗ – 3 %; другие – 7 %. Следует отметить, что изучением уголовных дел доказывает, что в большинстве своем перечисленные ТС становятся объектами преступных посягательств простых ОПГ. Завладение указанными ТС, как правило, производится внезапно, без предварительной подготовки. Рассматривая II группу транспортных средств, которые являются предметом преступного посягательства, следует отметить, что она состоит из следующих марок автомобилей: Lexus – 32 %; Toyota – 24 %; Mercedes – 21 %; Range Rover – 15 %; Audi – до 1 %; BMW – до 1 %; Porsche – до 1 %; Opel – до 1 %; Volkswagen – до 1 %. Следует отметить, что вторая группа ТС, являющихся предметом преступного посягательства, существенно отличается от предыдущей. Профессиональная преступность тяготеет к совершенствованию способов и методов незаконных завладений новыми автомобилями престижных марок. Учитывая это, существенно изменяются и способы подготовки, совершения и сокрытия преступления, техническая подготовка и оснащенность автоворов. Часто преступниками употребляются коррумпированные связи в органах власти и управления и правоохранительных органах. Кроме того, можно констатировать значительный интерес преступников к транспортным средствам белого, черного и серого (металлик, графит) цветов, что, в свою очередь, отвечает так называемым модным тенденциям автолюбителей. Кроме того, автомобили, ставшие предметом преступного посягательства, находились в эксплуатации (с момента выпуска ТС): до одного года – 18 % случаев; до трех лет – 41 %; до пяти лет – 29 %; более 5 лет – 12 % случаев. Обобщая статистические показатели, следует констатировать, что в основном угоняют автомобили, находящиеся в эксплуатации 3–5 лет. Следующим элементом криминалистической характеристики незаконно-

го завладения ТС является «обстановка совершения преступления». Рассматривая обстановку совершения преступления, мы выделяем в обстановке три самостоятельных и сразу взаимосвязанных звена:

- обстановка, вплоть до совершения преступления;
- обстановка при совершении преступления;

– обстановка, сложившаяся непосредственно после совершения преступления» [2]. Каждый способ совершения преступления основан на использовании обстоятельств времени и места, на преодолении неблагоприятных условий внешней среды. Место, время и обстановка совершения данного вида деяния являются важным элементом криминалистической характеристики преступления. Ученые высказывают разные мнения по определению обстановки преступления и его составляющих. Учет временного фактора при расследовании, по нашему мнению, позволяет определить время произошедшего преступления, установить временные связи между фактами, выяснить очередность событий, действия или фактов и вычислить их продолжительность. Не акцентируя на отдельных дискуссионных моментах между воззрениями ученых, отметим сложность указанного элемента криминалистической характеристики преступления. Обстановка, складывающаяся в преддверии совершаемого преступления, определяется набором факторов, а именно места, времени и мотива субъектов преступления и предмета преступного посягательства при реализации преступного умысла. Она, в свою очередь, оказывает влияние на избрание того или иного способа совершения преступления, а также указывает и на определенные подготовительные действия соучастников. То есть совершению завладения ТС предшествует установление соучастниками угона техобстоятельства, которые способствуют совершению преступления и сокрытия следов, при этом при распределении функций в организованной группе позволяет детально согласовать действия каждого соучастника, тем самым создать дополнительные сложности следователю и оперативному сотруднику по поиску, обнаружению и выявлению следов преступления [4]. Определяя обстановку совершения преступления, необходимо выявить необходимые факторы, определяющие преступное поведение при его совершении, из множества которых мы считаем необходимо включить:

- место и время совершения преступления;
- состав участников преступления;
- объект преступного посягательства;
- материальные элементы окружающей среды.

Обобщая проанализированные обстоятельства и факты, мы можем сделать вывод, что в обстановку совершения незаконных завладений ТС наиболее целесообразно включить:

- 1) место и время совершения преступления;
- 2) материальные элементы окружающей среды;
- 3) связи, существующие между указанными элементами и другими элементами криминалистической характеристики.

На основании обобщения результатов изучения уголовных дел можно констатировать, что места совершения незаконных завладений ТС ОПГ можно классифицировать в соответствии:

- наличием охраны ТС (охраняемые и неохранные);
- типа территории, на которой осуществлено завладение ТС (территория предприятия, учреждения, организации;
- придомовая территория;
- автомобильные пути;
- вблизи торговых или развлекательных заведений и т. п.).

Чаще всего местом совершения незаконных завладений ТС являются улица, двор, неохранный парковка, жилые массивы. Нередко преступники совершают посяательства на отдельно стоящие ТС на неосвещенных, малолюдных улицах или дворах. Кроме того, распространены случаи незаконных завладений ТС, совершенных насильственным способом. При этом водитель (владелец или пользователь) ТС прибывает на автомобиле в определенные места вместе с преступниками, а затем, во время движения или остановки ТС, они выражают намерение относительно завладения последним и заставляют владельца покинуть ТС или применяют насилие к водителю (владельцу) и выталкивают последнего из ТС. Эти обстоятельства определяют особенности осмотра места происшествия. Следователям необходимо учитывать, что совершение преступления в условиях ограниченной видимости чревато усложнением совершения мер по уничтожению (сокрытию) следов преступной деятельности. Это обстоятельство целесообразно учитывать и при допросе подозреваемых. Однако в последнее время можно заметить существенное увеличение количества фактов незаконного завладения ТС организованными группами в дневное время, что свидетельствует о дерзости и повышенной общественной опасности членов таких группировок. В то же время исследованию обстановки незаконного завладения ТС, как правило, уделяется недостаточно внимания [1]. Однако элементы обстановки совершения преступления оставляют разного рода следы, по которым можно получить следующие данные: сведения об осуществлении определенных

совместных подготовительных мер по совершению преступления; обстоятельства, способствовавшие или препятствовавшие совершению, или сокрытию преступления и т. д. При расследовании незаконных завладений ТС исследование обстановки совершения преступления должно производиться обязательно. Это связано с тем, что знание обстановки места происшествия, предшествующего совершению преступления, позволит работникам оперативных и следственных подразделений полиции провести целенаправленные ОРМ и СРД по установлению соучастников преступления и лиц, причастных к его совершению, с целью установления всех соучастников преступления. Итак, анализируя обстановку незаконного завладения ТС, можно сделать вывод, что она формируется на месте завладения, продолжается, пока ТС движется (маршрут движения) и заканчивается на месте его оставления (сокрытия) преступником. В каждом из перечисленных мест могут оставаться следы предмета посягательства, соучастников преступления, используемых орудий, приборов и т. п. Их обнаружение и осмотр дает возможность следователю определить вероятный маршрут движения, мотив выбора конкретного места для укрывательства и другое. Перечисленные обстоятельства в совокупности со сведениями о предмете преступного посягательства могут иметь определяющее значение для понимания способа совершения незаконного завладения ТС и личности преступника. Следовательно, при описании обстановки преступления (завладение ТС) целесообразно обратить внимание на время совершения преступления; место стоянки ТС и место его оставления (разукomплектования) преступниками.

Список литературы:

1. *Курчанов Алексей*. Статистика угонов в мире. URL: <https://0.ugona.net/article/statistika-ugonov-v-mire-397.html> (дата обращения: 10.10.2023).
2. *Псарева Б. В.* Расследование корыстно-насильственных преступлений в отношении водителей автотранспорта, пассажиров и перевозимых грузов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Барнаул, 2003. 236 с.
3. Расследование преступлений: руководство для следователей / под общ. ред. И. Н. Кожевникова, соавторы: В. А. Алферов; В. Г. Баяхчев, С. И. Бедрин. Москва: СПАРК, 1997. 376 с.

4. *Сорокун Н. С.* Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством: криминологические аспекты противодействия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. 2010.

К вопросу о понятии расследования преступлений «по горячим следам»: исторический аспект

Аннотация

В данной статье рассмотрено появление понятия «расследование преступлений «по горячим следам» и его развитие до принятия устава уголовного судопроизводства. Определена взаимосвязь между методикой расследования преступлений «по горячим следам» и типами уголовного процесса.

Ключевые слова и словосочетания: *«по горячим следам»; криминалистическая методика; расследование преступлений; вид уголовного судопроизводства; преследование.*

Раскрытие и расследование преступлений является одной из наиболее эффективных форм организации деятельности правоохранительных органов, направленной на задержание подозреваемого в кратчайшие сроки после совершения преступления. Задачи первоначального этапа расследования преступлений заключаются в привлечении всего комплекса сил и средств правоохранительных органов в максимально сжатые сроки с целью сбора следов преступлений, которые под воздействием времени утрачивают идентификационные свойства, а также поимки подозреваемого. В современных реалиях, вызванных усложнением механизма совершения преступлений и серьезного уровня противодействия, оказываемого правоохранительным органам, расследование «по горячим следам» приобретает важное значение в общей методике расследования преступлений.

Этимологическое значение выражения «по горячим следам» – сразу после чего-нибудь, не откладывая, по свежим следам [3, с. 141].

Данный фразеологизм зачастую употребляется в тематике расследования преступлений. А. А. Топорков определяет расследование преступлений «по горячим следам» как: «систему следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий, осуществляемых немедленно или в кратчайшие сроки после обнаружения преступления в целях установления криминалистически

значимой информации о событии преступления, лице, совершившем это деяние, и всех других обстоятельствах, имевших значение по уголовному делу» [7, с. 1095].

Большое количество определений раскрытия и расследования преступлений «по горячим следам», которые существуют в науке криминалистике, связано с политическими, социально-экономическими изменениями в обществе, приводящими к появлению новых видов преступных деяний. Тематика расследование преступлений на первоначальном этапе в настоящее время достаточно глубоко изучена. Определены особенности данной формы организации расследования преступлений. Однако для более сущностного понимания исследуемой тематики необходимо обратиться к историческому развитию данного понятия с целью выявления причины, которая поспособствовала его появлению.

В период становления Российского государства (IX–XV вв.) тип уголовного процесса был обвинительным, что больше походило на форму современного гражданского судопроизводства. Так, все функции преследования и доставления преступника осуществлял потерпевший, члены общины, лица, нанимаемые для этой цели, обладающими специальными навыками [1, с. 110]. Государство выполняло лишь судебные функции. По Русской Правде данная форма уголовного преследования называлась «гонение следа», которая по своей сущности являлась методом преследования преступника «по горячим следам» [2, с. 3]. Следует отметить, что «гонение следа» буквально означало преследование преступника по оставленным им следам.

В период с XV по XIX вв. уголовный процесс приобретает смешанную форму обвинительного и розыскного типа. Так, в 1497 г. был принят Судебник (Судебник 1497 года или Судебника Ивана III), который предусматривал для государственных и наиболее тяжких преступлений розыскное уголовное судопроизводство. Для этой цели были определены специальные должностные лица, осуществляющие сыск – «недельщики» [8]. Их обязанности заключались в розыске и поимке преступников, сборе доказательств совершенного преступления, уличающих преступника. Осуществление мер по установлению и задержанию по общеуголовным делам так же, как и в Русской Правде, осуществлялось потерпевшим или иными лицами.

В XVI–XVII вв. в связи с укреплением централизованной власти и развитием общественной жизни возникла необходимость нарастить уровень общественного развития, которое не происходило из-за нашествия татаро-монгольского ига. В том числе осо-

бое внимание было уделено правовым нормам, регулирующим уголовно-процессуальную сторону государства. в 1697 г. Петром I был издан указ, который полностью ликвидировал обвинительный тип уголовного процесса [5, с. 571–573]. Осуществление функций по преследованию преступника во всем видам преступлений перешли к специально-уполномоченным государственным органам. В связи с этим у правоохранительных органов возникла потребность в методиках раскрытия и расследования преступлений.

В 1724 г. выходит работа И. Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве», которая помимо рассмотрения и описания сторон экономической и политической жизни общества содержала в себе вопросы организации расследования некоторых видов преступлений, а также аспекты производства отдельных следственных действий [6]. Положения данной книги являются отдельными элементами криминалистической методики.

С XVIII по XIX вв. издается большое количество нормативных актов, издаваемых различными государственными органами, регулирующие раскрытие и расследование преступлений. В 1833 г. Н. А. Орловым издан труд «Опыт краткого руководства для производства следствий с показанием приличных узаконений», который был написан на основе вышеуказанных законных актов, с их обобщением и собственными рекомендациями автора. Опыт состоит из двух частей, описывающих общие правила производства предварительного расследования и тактические особенности проведения отдельных следственных действий. Данный исторический документ интересен тем, что в нем впервые в отечественном праве была затронута тематика расследования преступлений «по горячим следам». Так, в нем говорится: «Производить следствие надлежит по горячим следам с особенным вниманием и крайней осмотрительностью, дабы ни малейших обстоятельств, особенно при начале, не было выпущено из виду» [4, с. 46–47].

Данное утверждение являлось универсальным условием начала расследования всех видов преступлений, означающее, что все действия полиции и органов предварительного следствия, направленные на установление и задержание преступника, после получения информации о совершенном преступлении должны производиться непосредственно после получения данной информации. В последующем авторами при разработке рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений и инструкций, регламентирующих деятельность сыскных органов, учитывалось, что все первоначальные следственные и оперативные действия должны начинаться сразу после получения сообщения о преступлении.

Таким образом, становление криминалистической методики, в частности расследования преступлений «по горячим следам», непосредственно связано с формами уголовного судопроизводства, существовавшими в России.

Дальнейшие разработки данной организационной формы расследования, которые были связаны с принятием устава уголовного судопроизводства, происходили во второй половине XIX в. А становление расследования преступлений «по горячим следам» как самостоятельная криминалистическая методика произошло в советскую эпоху в конце XX в. благодаря В. П. Лаврову.

Список литературы:

1. Матиенко Т. Л. Генезис сыска в России (IX–XII вв.): «заклич», «свод», «гонение следа» // Журнал российского права. 2009. № 9 (153).
2. Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер. Москва, 1979.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва, 1999.
4. Орлов Н. Опыт краткого руководства для произведения следствий. Москва, 1833.
5. Памятники русского права. Москва, 1961. Вып. 8.
6. Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве и другие сочинения / ред. и ком. проф. Б. Б. Кафенгауза. Москва: АН СССР, 1951.
7. Топорков А. А. Криминалистические и организационные особенности расследования преступлений «по горячим следам» // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2012. № 5.
8. Судебник 1497 года // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13625> (дата обращения: 04.10.2023).

**Обвинительная деятельность по уголовным делам
о преступлениях в сфере экономической деятельности:
понятие, сущность и значение**

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию обвинительной деятельности по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Выявлены ключевые особенности, присущие обвинительной деятельности по рассматриваемой категории уголовных дел. Сформулировано понятие, определены сущность и значение обвинительной деятельности по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: *обвинительная деятельность; экономическая деятельность; уголовное преследование; обвинение; уголовное дело; обоснованное подозрение.*

Экономика и правоотношения, складывающиеся в данной сфере, образуют уникальный объект уголовно-процессуальной политики государства, в частности потому что имеют принципиально важное значение для нормального и эффективного функционирования всех сфер жизни общества и государства.

Обвинительная деятельность, являясь одним из механизмов обеспечения реализации уголовно-процессуальной политики, в зависимости от категории преступления обладает определенными особенностями. В настоящей статье будут рассмотрены особенности обвинительной деятельности по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Обвинительная деятельность по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности – это процессуальная деятельность, реализуемая в рамках уголовного преследования уполномоченными субъектами со стороны обвинения при наличии достаточных доказательств, обосновывающих подозрение в совершении преступления в сфере экономической деятельности конкретным лицом и состоящая в формировании объективного обвинительного утверждения в отношении такого лица, изобличении его

перед судом, а также обеспечении последующего назначения ему справедливого наказания или применения к такому лицу иных мер уголовно-правового характера.

Определяя сущность обвинительной деятельности по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, автор данной статьи разделяет позицию Н. Т. Сардарян о том, что объем, направление, пределы и предмет обвинительной деятельности определяются непосредственно обвинением [5, с. 54–55].

Кроме того, автор разделяет точку зрения Н. Т. Антиповой, указавшей, что сущность обвинительной деятельности, являющейся функцией стороны обвинения, заключается в обосновании (соответственно стороной обвинения) утверждения о существовании определенного правового состояния фактами, полученными в установленном законом порядке, а также официального его закрепления в судебном решении [2, с. 18–19].

Необходимо также отдельно прокомментировать несколько сущностных характеристик обвинительной деятельности по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, к которым относятся: моменты начала и окончания, ее непосредственное содержание, а также круг субъектов осуществления.

Как известно, нормативное определение понятия «уголовное преследование» содержит указание на то обстоятельство, что такая процессуальная деятельность осуществляется в отношении подозреваемых и обвиняемых, то есть лиц с конкретным формальным процессуальным статусом, с момента возбуждения уголовного дела. Однако в отечественной уголовно-процессуальной науке широко распространено мнение о том, что уголовное преследование может осуществляться в отношении лица, не имеющего процессуального статуса и (или) до момента возбуждения уголовного дела (в отношении конкретного лица). Так, Н. И. Ревенко отмечает, что в практической деятельности распространены случаи проведения в отношении лица, не обладающего процессуальным статусом, следственных действий, направленных на собирание обвинительных доказательств. Данная позиция также нашла частичное отражение в решениях Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации [4, с. 14].

По мнению автора, следует согласиться с тем фактом, что уголовное преследование в некоторых случаях начинается до возбуждения уголовного дела (в отношении конкретного лица) и (или) когда такое лицо не имеет формального процессуального статуса. Наглядным примером может служить ситуация, в которой следователем, при наличии материалов, полученных в ходе оперативно-

розыскной деятельности, до возбуждения уголовного дела целенаправленно назначается судебная экспертиза, потенциально изобличающая конкретное лицо в совершении преступления.

Особенность обвинительной деятельности, в частности по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности как этапа уголовного преследования, состоит в том, что она всегда направлена на конкретное лицо, в отношении которого уже имеются обвинительные доказательства, дающие основания для наделения такого лица процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого. В данной связи справедливо будет заметить, что направленность уголовного преследования на лицо сконцентрирована именно в обвинительной деятельности. С момента появления в уголовном процессе лица, потенциально причастного к совершению преступления (на основании даже тех сведений, которые еще не являются процессуальными доказательствами), в его отношении соответствующими субъектами осуществляется уголовное преследование. С момента, когда субъектами уголовного преследования собраны доказательства, дающие основания объективно подозревать лицо в совершении преступления, такое лицо наделяется процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого. Если приоритетной целью всего уголовного преследования является изобличение виновного в совершении преступления, то целью обвинительной деятельности, в первую очередь, – вменение общественно-опасного деяния в вину лицу, то есть – его обвинение.

Учитывая все вышесказанное, обвинительная деятельность начинается непосредственно с момента возбуждения в отношении конкретного лица уголовного дела и появления у такого лица формального процессуального статуса.

Исходя из предложенного нами выше определения исследуемого термина, осуществление обвинительной деятельности может быть прекращено, когда вина лица в совершении преступления изобличена в установленном законом порядке.

Основываясь на том утверждении, что обвинительная деятельность представляет собой этап уголовного преследования, моментом ее окончания следует признать нормативно урегулированные основания прекращения уголовного преследования, предусмотренные ст. 24, ст. 25, ст. 251, ст. 27, ст. 28, ст. 281 УПК РФ.

Моментом прекращения обвинительной деятельности в отношении конкретного лица также следует признать вступление приговора суда в законную силу. Необходимо также отметить, что обвинительная деятельность присуща и экстраординарным стадиям уголовного процесса, так как в рамках апелляционного, кассационного

производства, в надзорной инстанции, а также при возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств продолжается деятельность, изобличающая виновность лица в совершении преступления, а значит, итоговый обвинительный тезис может быть скорректирован (что также подтверждается позицией Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации).

Определяя содержание обвинительной деятельности, вновь необходимо отметить ее зависимость от более объемного уголовного преследования. Так, по аналогии с уголовным преследованием и в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законами, в зависимости от характера и тяжести преступления, обвинительная деятельность может осуществляться в публичном, частно-публичном и частном порядке. Форма обвинения имеет особое значение для обвинительной деятельности, учитывая сказанное об ее «исходном рубеже», так как во всех случаях она предопределена инициатором обвинительной деятельности. Таким образом, вид обвинительной деятельности по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности соответствует виду уголовного преследования, установленному для конкретного состава преступления законодателем в ст. 20 и 23 УПК РФ.

Вышесказанное позволяет также определить круг субъектов, уполномоченных на осуществление обвинительной деятельности. По мнению автора, ее субъектами надлежит считать лиц, которые законодателем уполномочены на осуществление уголовного преследования, то есть прокурора, руководителя следственного органа, следователя и дознавателя, на которых возложена обязанность осуществления уголовного преследования (в соответствии со ст. 21 УПК РФ), потерпевшего, его законного представителя и представителя, правомочных участвовать в уголовном преследовании (ст. 22 УПК РФ), а также органа дознания, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания, полномочия которых позволяют осуществлять процессуальную деятельность по изобличению лица, виновного в совершении преступления [3]. Применительно к уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности особым субъектом является специальный потерпевший – руководитель коммерческой организации (или иной в соответствии со ст. 23 УПК РФ), по заявлению или с согласия которого может быть возбуждено уголовное дело о преступлении, предусмотренном гл. 23 УК РФ. По мнению В. А. Андреянова, обвинительная деятельность осуществляется только субъектами обвинения, но не всегда стороной обвинения. Кроме того, В. А. Андриянов отрицает возмож-

ность отнесения к субъектам обвинительной деятельности гражданского истца, поскольку данный участник уголовного судопроизводства никоим образом не касается реализации обвинения [1, с. 5].

Таким образом, обвинительная деятельность по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности обладает рядом специфических черт, влияющих не только на ее результативность, но и на общую эффективность уголовного судопроизводства по уголовным делам рассматриваемой категории.

Список литературы:

1. *Андреянов В. А.* Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации: дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2009. 208 с.
2. *Антипова Н. Т.* Государственное обвинение в суде: проблемы законодательного регулирования и практики: дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2004. 225 с.
3. *Малахова А. Е.* Субъекты обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 г. Москва: Академия управления МВД России, 2023.
4. *Ревенко Н. И.* Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 18 с.
5. *Сардарян Н. Т.* Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 185 с.

Елизавета Алексеевна Манакова,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: monaliza070600@yandex.ru

Возможности получения криминалистически значимой информации из Росфинмониторинга как инструмент информационно-аналитического обеспечения расследования преступлений, являющихся элементами транснационального наркотрафика

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с получением криминалистически значимой информации из Росфинмониторинга в рамках информационно-аналитического обеспечения расследования преступлений, являющихся элементами транснационального наркотрафика.

Ключевые слова и словосочетания: криптовалюта; преступления; являющиеся элементами транснационального наркотрафика; взаимодействие; информационно-аналитическое обеспечение; получение криминалистически значимой информации; Росфинмониторинг.

С уверенностью можно сказать, что цифровизация полностью видоизменила нашу жизнедеятельность, причем как с положительной стороны (развитие науки, разработка инновационных технологий), так и с отрицательной (появление новых способов совершения преступлений). Особенно, по нашему мнению, наибольшему видоизменению подвергся транснациональный наркотрафик.

Крупный сбыт наркотических средств, психотропных веществ из рук в руки заменился на сбыт посредством теневого сегмента сети Интернет. В целях анонимизации своей личности участники таких крупных «сделок» расплачиваются за товар с помощью криптовалюты. Процесс по установлению ее движения крайне затруднен ввиду применяемой технологии блокчейна. Впоследствии перечисленные на электронный кошелек денежные средства «отмываются» от преступных действий. Данное обстоятельство подпадает под такой состав преступления, как легализация доходов, под которым понимается придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом,

полученными в результате совершения преступления (ст.ст. 174, 174.1 УК РФ).

В связи с вышеизложенным правоохранительные органы испытывают определенные трудности по расследованию данного вида преступлений в части установления крупных сбытчиков и производителей наркотических средств, психотропных веществ или самих организаторов транснационального наркотрафика.

Теория информационно-аналитического обеспечения расследования преступлений, будучи прямо не закрепленной в теории криминалистики, хотя предпосылки ее существования обозначались такими выдающимися учеными-криминалистами, как Р. С. Белкин, А. Ф. Волынский, призвана всячески предоставлять субъекту расследования – следователю криминалистически значимую информацию и необходимое криминалистическое оборудование. Источниками получения такой информации, по нашему мнению, могут выступать следующие направления оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел: экспертно-криминалистическое, оперативно-розыскное, а также возможности иных ведомств, в том числе на комплексной основе.

В данной статье мы хотели бы подробнее остановиться на возможностях иных ведомств, а в части легализации преступных доходов от наркопреступлений этим ведомством будет выступать Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

Правовой основой подобного взаимодействия является Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹, а также межведомственный приказ от 21 августа 2018 г. № 511/244/541/433/1313/80, которым утверждена Инструкция по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем.

В соответствии с данной Инструкцией правоохранительные органы могут подавать соответствующие запросы в Росфинмониторинг. На основании запроса, содержащего соответствующие обоснования в части возникновения подозрения проверяемых лиц в причастности к легализации (отмыванию) денежных средств или иного

¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

имущества как на территории Российской Федерации, так и на территориях иностранных государств, при наличии в нем реквизитов, конкретизированных финансовых операций за рубежом, Росфинмониторинг запрашивает необходимую информацию в подразделении финансовой разведки иностранного государства и с согласия последнего, по получении информации, передает ее в правоохранительные органы.

Важно отметить, что для направления запроса следователю, в ходе производства допроса подозреваемого, необходимо узнать адрес кошелька, по которому подозреваемый направлял электронные средства платежа. Помимо этого, если у следователя имеется информация о номере банковской карты лица, куда были перечислены денежные средства, путем направления запроса в Росфинмониторинг возможно установить информацию об авиаперелетах, лицах, проживающих с подозреваемым, и др.

Среди достаточного обширного перечня полномочий Росфинмониторинга следует отметить, что он запрашивает и получает в установленном порядке информацию об операциях (сделках) клиентов и о бенефициарных владельцах клиентов организаций, осуществляющих операции (сделки) с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей, а также информацию о движении средств по счетам (вкладам) клиентов кредитных организаций. Как отмечает С. С. Нечушкин¹, в настоящее время в Российской Федерации существует порядка 8–9 кредитных организаций, которые постоянно участвуют в операциях по незаконному обороту наркотиков. На основе установленного взаимодействия из кредитных организаций в Росфинмониторинг поступают определенные коды, характеризующие операции, связанные с активами по незаконному обороту наркотиков. Исходя из статистики, за 2019 г. в Росфинмониторинг поступило 2029 кодов, за 2020 г. – 13 336.

Ю. В. Гаврилин отмечает, что «кроме того, сотрудники Росфинмониторинга могут быть допрошены в качестве специалистов. При этом подлежат выяснению способы совершения финансовых операций и иных сделок с денежными средствами и иным имуществом, включая цифровые валюты, свидетельствующие о легализации (отмывании) доходов, полученных от незаконной деятельности, а также способах финансирования такой деятельности» [1, с. 57].

¹ Нечушкин Степан Сергеевич – ведущий консультант отдела мониторинга рисков Управления по противодействию отмывания доходов Росфинмониторинга.

В данном контексте важно отметить, что вопрос привлечения специалиста к стадии досудебного или судебного производства особо важен, однако в то же время достаточно проблематичен. Действительно, специалистами по криптовалюте по делам в сфере незаконного оборота наркотиков могут выступать юристы Росфинмониторинга, однако, во-первых, на всю Россию их приходится всего лишь порядка 20 человек, во-вторых, в силу того, что в УПК РФ нет такого следственного действия как допрос специалиста, по нашему мнению, необходимо вести речь о получении заключения специалиста. В дальнейшем показания специалиста могут быть реализованы в суде.

Говоря об информативности процесса расследования данных преступлений, нас заинтересовала проводимая этим органом так называемая инициативная работа. Индикаторами проверок (показателями для проверки) в рамках инициативной работы выступает следующее:

- частота совершения операций;
- сумма единичных транзакций;
- общая сумма поступления денежных средств на банковскую карту или электронное средство платежа;
- процент денежных средств, выведенный в наличный оборот;
- географическая привязка (совершает транзакции гражданин РФ или иностранный гражданин).

По статистике сотрудников Росфинмониторинга, результаты таких проверок показывают, что 50 % выявленных лиц имеют судимость за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, а другие 50 % имеют какие-либо связи с последними.

Вытекающим из проведенной работы будет зафиксированное сообщение о подозрительной деятельности. Помимо этого, Росфинмониторинг составляет схемы, в которых отражены преступные связи, и направляет их в МВД. По нашему мнению, данная информация является важной информационной составляющей для следователя. Особенно если есть соответствующая база подобной информации, где каждый следователь имеет доступ.

Механизмом, используемым преступниками при обороте криптовалюты, выступает полная анонимизация транзакций («миксеры»), однако в настоящее время разработан определенный механизм противодействия, которым выступает специальное программное обеспечение.

По мнению Ю. В. Гаврилина, среди методов и средств установления владельцев криптокошельков можно использовать как штатные обозреватели блокчейна конкретной криптовалюты (btc.com,

etherscan.io/, xrpcharts.ripple.com/#/graph, explorer.bitcoin.com/bch, litecoinblockexplorer.net/, steexp.com/, explorer.dash.org/insight/, explorer.zcha.in/, localmonero.co/blocks), так и универсальные обозреватели, позволяющие проводить более глубокие исследования, а также анализировать несколько видов криптовалюты в одном окне. В числе таких универсальных обозревателей стоит упомянуть: blockchair.com, tokenview.com, blockchain.com, bitaps.com и live.blockcypher.com.

При этом, отмечает профессор, как штатные, так и универсальные обозреватели блокчейна криптовалют имеют ряд существенных недостатков, которые делают их трудно-применимыми в практической деятельности по расследованию преступлений.

Во-первых, большинство обозревателей не имеет встроенных систем визуализации данных в графическом формате. Текстовое же представление информации, в силу ее значительного объема, практически невозможно подвергнуть неавтоматизированному анализу.

Во-вторых, это отсутствие возможности постановки на контроль (отслеживание активности) определенных криптокошельков, что часто бывает необходимо в интересах расследования.

В-третьих, функциональные возможности общедоступных обозревателей криптовалют весьма ограничены в вопросе отнесения отдельных криптокошельков к биржам, обменникам или иным сущностям [1, с. 28].

Нами был проведен дополнительный анализ существующих программных продуктов, лидером среди которых, как отмечают специалисты, является «Chainalysis» (производство США) – сервисы мониторинга операций на блокчейне, работающие на основе механизмов, отслеживающих цифровую идентификацию пользователей криптовалют. Другое разработкой является «Crystal» (производство Нидерланды, офис в Москва-сити) – разработан для использования правоохранительными органами и финансовыми учреждениями, с целью выявления подозрительных операций в сети Bitcoin. ГУНК МВД России использовал данное программное обеспечение в пробном периоде.

Как видим, вышеуказанные «флагманские» разработки принадлежат не самым дружественным нам странам, и к вышеуказанным проблемам можно добавить фактическое отсутствие возможности приобретения и использования их Российскими правоохранителями. В этой связи следует более детально изучить отечественный аналог – «Прозрачный блокчейн», разработанный Росфинмониторингом совместно с ФИАН¹. Данный сервис позволяет осуществить

¹ Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН России.

мониторинг операций на блокчейне Bitcoin, на основе разметки участников криптовалютной среды.

Пример работы с сервисом «Прозрачный блокчейн»:

- 1) вводим бит-коин адрес;
- 2) получаем следующую информацию:
 - первое упоминание;
 - последнее упоминание;
 - всего получено;
 - всего потрачено;
 - остаток;
 - информация о кошельке (например – [харо.com](https://charo.com) (зарегистрирована в Гибралтаре));
 - распределение транзакций;
- 3) направление запроса в подразделение финансовой разведки Гибралтара;
- 4) подразделение финансовой разведки Гибралтара направляет запрос в биржу [харо.com](https://charo.com);
- 5) биржа [харо.com](https://charo.com) устанавливает владельца.

В данном сервисе удобна вкладка «Граф», благодаря которой выстраивается проанализированная схема.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что высказанные замечания Ю. В. Гаврилина относительно недостатков рассмотренных им технологий блокчейна устранимы с помощью рассмотренных нами программ.

Говоря об информационно-аналитическом обеспечении расследования, нам важно выяснить, имеется ли у следователя непосредственный доступ к данным продуктам. Сервис «Прозрачный блокчейн» функционирует на базе Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД МВД) в «Личном кабинете правоохранителя». Доступ к нему имеет не только ГУНК, но и любые желающие сотрудники МВД России при прохождении определенной процедуры на получение доступа.

К сожалению, практика показывает, что в силу загруженности следственные подразделения не выступают инициаторами по получению данного продукта либо вовсе не знают о нем. В данном контексте важно уяснить, что современные подобные продукты (программное обеспечение, сервисы, техническое оборудование) призваны поспособствовать снижению той самой загруженности, повышению результативности и снижению сроков расследования преступлений. В крайнем случае доступ следователя к этим сведе-

ниям может поспособствовать получению если не доказательственной, то ориентирующей информации.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можем сделать вывод о том, что взаимодействие МВД с Росфинмониторингом является важным обеспечительным процессом по расследованию преступлений, являющихся элементами транснационального наркотрафика.

Список литературы:

1. *Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. Установление владельцев криптовалютных кошельков при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств: учебное пособие.* Москва: Академия управления МВД России, 2022. 76 с.

**Использование информационных технологий в деятельности
оперативных подразделений органов внутренних дел в рамках
оперативно-розыскного противодействия преступлениям
коррупционной направленности, совершаемым в сфере закупок
для государственных и муниципальных нужд**

Аннотация

В статье излагаются взгляды автора о перспективах использования информационных технологий в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) в рамках оперативно-розыскного противодействия преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Автор приходит к убедительным выводам о том, что в настоящее время в оперативных подразделениях ОВД назрела острая потребность в разработке, апробации и принятии на снабжение современных инструментов в виде информационных технологий, а также необходимость нормативного урегулирования указанной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: органы внутренних дел; оперативно-розыскное противодействие; информационные технологии; инструменты; преступления коррупционной направленности; сфера закупок для государственных и муниципальных нужд.

Влияние глобализационных процессов на Россию неминуемо инспирировали трансформацию экономики, бизнес-процессы, способы коммуникации людей, характер социальных связей, технологические тренды, институты государственной власти, что не могло не затронуть экономическую и коррупционную преступность. Указанные изменения не обошли стороной и оперативно-розыскную науку, которая является главным источником как теоретических познаний, представленных в виде концептуальных основ [3, с. 26] рассматриваемой деятельности, так и практических идей [5, с. 48], рекомендуемых оперативным подразделениям ОВД в целях повышения эффективности борьбы с преступностью.

В этой связи одной из категорий преступлений, оказывающей, на наш взгляд, неблагоприятное воздействие на развитие стра-

ны, являются деяния коррупционной направленности, совершаемые в контрактной системе в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (далее – контрактная система в сфере закупок). Отмеченные преступления под масштабным влиянием технической архитектуры закупочных процессов представляют сегодня непосредственные угрозы – киберугрозы, что неизбежно может привести к подрыву национальной¹ и экономической² безопасности Российской Федерации без надлежащего внимания со стороны оперативных подразделений ОВД.

Принимая во внимание новые вызовы и угрозы современной преступности, представители Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России, Министерство) в 2021 г. разработали и утвердили ряд ведомственных документов стратегического планирования по выработке государственной политики в области борьбы с противоправными деяниями, определяющих угрозы, цели, задачи, принципы, приоритетные направления, а также ожидаемые результаты. Так, к основным вызовам и угрозам экономической безопасности относится высокий уровень коррупции в экономической сфере. Кроме этого, в принятых документах отражены преступные деяния, выходящие на первый план, к которым отнесены преступления в сфере IT-технологий – связанные с криптовалютой и кибератаки. Стоит отметить, что к блоку ожидаемых результатов причислена деятельность по разработке новых и совершенствование существующих форм и методов выявления, пресечения, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений экономической и коррупционной направленности.

Из этого следует, что поиск наиболее действенного инструмента [11, с. 16–17] оперативно-розыскного противодействия рассматриваемым деяниям, по справедливому утверждению П. И. Иванова, во многом обусловлен: реализацией национальных проектов (программ); либерализацией уголовной политики в сфере экономики; недопустимостью давления на бизнес; глобализацией; цифровизацией экономики; распространенностью преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; слиянием экономической преступности с коррупционной; трансграничным, международным характером преступлений экономической направленности; многообразием способов их совершения

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

и сокрытия, а также тем, что криптовалюта стала выполнять двоякую роль, будучи предметом и средством преступления [4, с. 85]. Также ряд авторов объективно выделяют одно из ключевых обстоятельств, свидетельствующее о том, что контрактная система находится в числе тех государственных механизмов, которая подвержена коррупции, так как через эту систему под патронажем должностных лиц ежегодно расходуются многомиллиардные бюджетные средства [2, с. 113].

Следовательно, государственные и муниципальные органы, вовлеченные в контрактную систему «благодаря» усилиям чиновничьего аппарата, нередко становятся источником приложения осваиваемых бюджетных средств. Указанные коррумпированные органы выступают индикаторами или первичным звеном в создании благоприятных условий для совершения преступлений рассматриваемой категории и преследуют только одну цель – «преступная нажива» [7, с. 128].

За последнее несколько лет, в свете информатизации контрактной системы, преступления, совершаемые в этой сфере, динамично развиваются, а лица, их подготавливающие и совершающие, все чаще используют информационно-коммуникационных технологии. В ходе проведенного исследования, изучения общей и специальной литературы, а также анализа аналитических обзоров [8–10] среди преступлений названной категории преобладают: дача и получения взятки, где предметом преступления выступает криптовалюта; ограничение конкуренции, где одним из способов совершения противоправных действий является применение аукционных роботов для заключения и реализации антиконкурентных соглашений (цифровых картелей); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, или легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления при помощи офшорных счетов, криптовалют, «дропов» и др.

Принимая во внимание изложенное, а также результаты анализа архивных материалов проверок по исследуемому вопросу, мы пришли к убедительному выводу, что одним из результативных инструментов оперативно-розыскного противодействия рассматриваемых преступлений являются информационные технологии (далее – ИТ). Применение ИТ в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) не рассматривается как нечто новое. Использование указанных технологий ОВД в борьбе с преступностью в самом широком смысле – это устоявшийся факт. Однако развитие ИТ, равно как и появление новых способов совершения преступлений рассматриваемой категории, предусматривает постоянное совершенствование не только нормативно-правовой базы указанной дея-

тельности, но также организационно-тактических форм противодействия рассматриваемым преступлениям.

Не вдаваясь в глубокий анализ понятия ИТ, отметим, что законодатель интерпретирует это как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов¹. Однако проведенное исследование показало, что ИТ, стоящие на вооружении МВД России, которые бы выступали действенным инструментом противодействия преступлениям рассматриваемой категории, в настоящее время применяются ограниченно либо вовсе отсутствуют. Тем не менее, часть упомянутых по тематике исследования проблемных вопросов в некоторой степени были решены. Согласно документам МВД России в период с 2020 по 2021 гг. Министерством были проведены мероприятия по проверке и утверждению новых аппаратно-программных комплексов и внедрению программного обеспечения, предназначенного для сбора и анализа информации из открытых источников как об объекте интереса, так и о поведении группы объектов. Среди таких программ были следующие:

1. Программный комплекс мониторинга и анализа социальных сетей и онлайн-СМИ «Демон Лапласа» (LD 3.0), позволяющий осуществлять поиск информации в открытых информационных источниках социальных сетей, онлайн-СМИ, выявлять аккаунты, публикующие противоправный контент, а также визуализировать их виртуальные связи.

2. АПК «Виток-OSINT» – эффективный инструмент проведения поисково-аналитических мероприятий, способный отображать сведения по заданным параметрам из подключенных к нему источников информации.

3. АПК «FindFace», предназначенная для анализа и распознавания биометрических данных. Точность распознавания (степень схожести) составляет от 76 до 79 %.

4. АПК «Insider Telegram» позволяет идентифицировать пользователей мессенджера «Telegram», а также существенно сократить время поиска информации.

5. Система «Крибрум. Объекты» позволяет производить мониторинг и анализ действий аккаунтов в социальных медиа [6, с. 156–157].

Представленные аппаратно-программные комплексы, программные обеспечения, наряду с иными ведомственными базами данных, несомненно, служат «дополнительным подспорьем» для

¹ Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I–II). Ст. 3448.

решения задач ОРД ОВД. Однако, на наш взгляд, проблемный (частный) вопрос применения ИТ в рамках оперативно-розыскного противодействия преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в контрактной системе в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, остается не решенным. Так, ознакомившись с техническими характеристиками представленных выше программ и некоторых других, мы пришли к обоснованным выводам, что в большей части представленные инструменты разрешают общие вопросы, не углубляясь в особенности рассматриваемых преступлений, например: поиск слеодообразующих признаков в виртуальном пространстве – в процессе проведения электронных аукционов на электронных торговых площадках; выявление коррупционных связей между заказчиком и исполнителем государственного или муниципального контракта в момент создания цифрового картеля или легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, и ряд других отличительных черт.

Обращаясь к зарубежному опыту применения ИТ правоохранительными органами в борьбе с указанной категорией преступлений (Армения, Грузия – используют автоматизированную систему декларирования доходов должностных лиц, включая тех, кто выступает заказчиком работ и услуг для государственных нужд; Бразилия – применяет автоматизированную систему на основе искусственного интеллекта, которая оценивает риски по 225 признакам и выявляет факты мошенничества в процессе государственных закупок; Великобритания – использует систему и механизмы «Big Data» на основе искусственного интеллекта, анализирующая возможные коррупционные риски при осуществлении государственных закупок и др.), можно констатировать высокую эффективность использования указанных разработок, где принципиальным связующим звеном выступает автоматизированный поисковый алгоритм. По данным исследования, примерно 5 % принимаемых сотрудниками оперативных подразделений зарубежных стран решений основаны на анализе внутренних баз данных, в то время как оставшиеся 95 % решений требуют поиска и анализа информации из публичных источников, таких как социальные сети, интернет и биометрические данные¹.

На наш взгляд, для выполнения задач ОРД, включая положения, изложенные в ведомственных документах стратегического

¹ Информация о дисциплине OSINT. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Разведка по открытым источникам](https://ru.wikipedia.org/wiki/Разведка_по_открытым_источникам) (дата обращения: 11.11.2023 г.).

планирования по выработке государственной политики в области борьбы с преступностью, оперативным подразделениям ОВД при разработке и тестировании ИТ необходимо учитывать положительный опыт зарубежных стран в данной области.

В связи с этим с целью оптимизации деятельности оперативных подразделений ОВД по противодействию преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в контрактной системе в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, оперативным сотрудникам следует ежегодно, а также с учетом обострения оперативной обстановки в том или ином территориальном органе ОВД, формировать заявки на проведение мероприятий по разработке, апробации и принятию на снабжение конкретных инструментов ИТ (включая разработанных в рамках организации научного обеспечения МВД России), которые бы осуществляли поиск, анализ и фиксацию оперативно-значимой информации по объекту интереса, например:

- программа для ЭВМ «Система анализа файлов и документов, установление их взаимосвязей и аффилированных лиц в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд» [13, с. 1], которая представляет собой автоматизированную поисковую систему, предназначенную для установления файлов по заданным наименованиям документов на различных носителях информации. Использование программы позволяет ответить на вопрос о наличии на устройствах файлов, документов и их взаимосвязи (аффилированности) между заказчиком – должностным лицом, ведающим вопросами организации закупочной деятельности, и исполнителем – непосредственным подрядчиком, выполняющим государственный или муниципальный контракт;

- программа для ЭВМ «Автоматическое формирование запросов по установлению движимого, недвижимого имущества и близких родственников» [1, с. 1], является поисково-аналитической системой по установлению движимого, недвижимого имущества и близких родственников;

- программа для ЭВМ «Поисково-аналитическая система по массиву зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием криптовалюты» [14, с. 1], позволяет в режиме реального времени производить конвертирование криптовалюты, использованной при совершении преступления, в национальную валюту Российской Федерации. Функциональные возможности системы: хранение информации о виде использованной криптовалюты и ее стоимости на момент совершения преступления; конвертирование значений о стоимости криптовалюты с использованием

актуальных сведений из сети Интернет. Результатом поиска по массиву данных является выявление совпадений и закономерностей по преступлениям, совершенным с использованием криптовалюты;

- программа для ЭВМ «Система изучения и корреляции объектов информации» [12, с. 1] является автоматизированной поисковой системой, развернутой на основе массива данных о преступлениях, не установленных лицах по нераскрытым преступлениям и информации, получаемой из различных источников. Результатом поиска информации по местам совершения преступлений, способу их совершения, объектам преступных посягательств, приметам разыскиваемых лиц и совершенных преступлений является установление их взаимосвязи;

- инструменты сетевого анализа могут быть использованы для получения данных из единой информационной системы, средств массовой информации, электронных торговых площадок и других различных открытых источников, отображающих информацию о закупочной деятельности, целью которого будет выявление сделок, нарушающих правила конкуренции (в том числе сделок, где применяются аукционные роботы и создаются цифровые картели);

- инструменты предиктивной аналитики могут быть применены для анализа данных и выявления закономерностей, позволяющих предположить, что преступная деятельность заказчиков, исполнителей или контрольно-надзорных (счетных) органов в контрактной системе в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд может произойти в будущем. Это будет способствовать предотвращению преступлений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, оперативными подразделениями ОВД на всех этапах закупочной деятельности и более эффективно распределять ресурсы.

Таким образом, на основе анализа функциональных возможностей изученных и представленных инструментов ИТ можно заключить, что для полного решения проблемных вопросов по повышению эффективности оперативно-розыскного противодействия преступлениям рассматриваемой категории автором предлагается:

1. Внедрить принятые на снабжение ИТ путем создания соответствующей цифровой платформы в каждом оперативном подразделении ОВД.

2. На уровне центрального аппарата МВД России предусмотреть специализированный реестр разработанных, апробированных и внедренных программ в оперативно-служебную деятельность оперативных подразделений ОВД с целью их систематизации и предо-

ставления открытого доступа к имеющимся сведениям оперативным сотрудникам для подготовки и проведения ОРМ.

3. Создать единый защищенный контур в ИСОД МВД России¹ в интересах оперативных подразделений МВД России (с организацией работы администраторов на стороне оперативных подразделений) [6, с. 158].

В заключение отметим, что уже сегодня достигнутый научно-технический провыв по разработке, апробации, внедрению и принятию на снабжение в МВД России ИТ позволяет оперативным подразделениям ОВД своевременно решать задачи ОРД. Однако, как показало проведенное исследование, необходимость совершенствования деятельности по оперативно-розыскному противодействию преступлениям рассматриваемой категории не вызывает сомнений. Наряду с этим отечественный и зарубежный опыт использования ИТ в практике борьбы с преступностью позволил сделать вывод о том, что современные ИТ заключают в себе огромные потенциальные резервы повышения эффективности деятельности оперативных подразделений ОВД. Использование ИТ как процесс общего качественного улучшения технологии обработки информации существенно повышает оперативность и результативность ОРД в борьбе с преступностью.

Список литературы:

1. Данько В. А. Автоматическое формирование запросов по установлению движимого, недвижимого имущества и близких родственников // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ RU 2022610398.

2. Ефанов С. И. О некоторых аспектах выявления коррупционных преступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел в сфере государственных и муниципальных закупок / С. И. Ефанов, А. А. Агеенков // Юридическая наука. 2019. № 12.

3. Иванов П. И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2 (63).

4. Иванов П. И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64).

¹ Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России.

5. *Иванов П. И.* Частная теория организации оперативно-розыскной деятельности в системе общей теории (в порядке постановки проблемы) // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 3 (60).

6. *Кубасов И. А.* Внедрение перспективных систем мониторинга и анализа больших данных, полученных в сети Интернет, для обеспечения деятельности оперативных подразделений МВД России / И. А. Кубасов, Л. А. Лекарь // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67).

7. *Марсаков И. С.* Организованная преступность и коррупция в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (оперативно-розыскной аспект) // Актуальные вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции, 12 октября 2023 г. Москва: Академия управления МВД России, 2023.

8. О состоянии преступности в Российской Федерации и тенденциях ее развития с отражением количественных и качественных показателей, характеризующих криминальную ситуацию в Российской Федерации в сфере борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Аналитический обзор с предложениями ВНИИ МВД России. 2023. 29 с.

9. Организация оперативно-розыскной деятельности подразделений ЭБиПК органов внутренних дел в сфере противодействия преступным посягательствам на бюджетные средства, выделенные на выплаты и пособия // Аналитический обзор с предложениями ВНИИ МВД России. 2022. 46 с.

10. Организация оперативно-служебной деятельности подразделений ЭБиПК ОВД в сфере борьбы с преступлениями, связанными с хищениями бюджетных средств, выделенных на реализацию национальных проектов (программ) и Федеральных проектов // Аналитический обзор с предложениями ВНИИ МВД России. 2023. 41 с.

11. *Павличенко Н. В.* Функциональное становление и юридическое закрепление оперативно-розыскного инструментария в России / Н. В. Павличенко, А. И. Тамбовцев // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2022. № 4 (26).

12. *Парфенов А. В., Лемех Р. М., Харитонов А. А., Павличенко Н. В.* Система изучения и корреляции объектов информации // Сви-

детельство о государственной регистрации программы для ЭВМ RU № 2022683698.

13. *Парфенов А. В., Марсаков И. С.* Система анализа файлов и документов, установление их взаимосвязей и аффилированных лиц в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ RU 2023665214.

14. *Парфенов А. В., Саркисян Г. Г., Булгаков С. С., Вергелес Э. Р.* Поисково-аналитическая система по массиву зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ RU 2023686727.

Классификация поручений следователя: виды и основания

Аннотация

В статье рассматриваются различные основания классификации поручений следователя: по характеру, форме, процессуальному оформлению, срокам исполнения, стадии уголовного процесса и другим критериям. Предлагаемый перечень оснований классификации поручений призван обогатить теоретические и практические аспекты данной темы.

Ключевые слова и словосочетания: поручение; следователь; классификация поручений; формы поручений; виды поручений; процессуальные акты.

В научной литературе практически не уделяется внимание классификации поручений следователя, ранее данная тема не являлась отдельным предметом исследования. В работах ученых можно встретить лишь частичное изучение вопросов, связанных с различными классификациями поручений следователя. Тем не менее их разработка имеет значение в теории уголовного судопроизводства, поскольку позволяет эффективнее использовать вышеуказанный институт в правоприменительной практике. Говоря о поручениях следователя, можно предположить, что их классификация имеет практическую важность и способствует оптимальному выбору необходимого вида поручения в зависимости от конкретной следственной ситуации.

В научных работах часто встречается выделение различных видов поручений в зависимости от их содержания. При этом сами авторы рассматриваемой классификации в качестве критерия деления поручений на виды называют их «характер и распространенность». Так, в соответствии с рассматриваемым критерием М. А. Нагоева выделяет следующие поручения:

- по собиранию и проверке доказательств;
- по реализации прав отдельных участников уголовно-процессуальной деятельности;
- о принятии мер процессуального принуждения;

- о производстве розыскных действий;
- по выполнению процессуальной обязанности следователя о принятии мер к выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления [2, с. 95].

Е. А. Аверьянова и Т. В. Соколова также в основу классификации поручений закладывают их содержательный характер, но при этом не перечисляют все виды поручений, а выделяют лишь два, которые, по мнению указанных исследователей, являются основными:

- поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- поручения о производстве отдельных следственных действий [1, с. 144].

Следующий вид классификации, который можно определить на основе анализа научных источников, – деление поручений на виды в зависимости от формы, в которой они даны. Несмотря на то что законодательно определена необходимость составления поручений в письменной форме, некоторые исследователи полагают допустимым первоначально дачу поручений устно, с последующим их процессуальным оформлением письменно. Подобный подход предлагает П. В. Седельников [3, с. 24], и в целом нами данная позиция разделяется. Соответственно, с точки зрения указанного исследователя, все поручения могут быть подразделены на:

- данные в письменной форме органу дознания;
- данные в устной форме органу дознания с последующим их процессуальным оформлением письменно.

Также П. В. Седельников отмечает возможность составления поручений следователя как отдельного процессуального акта и в рамках какого-либо иного постановления, приводя в пример положения ч. 1 ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) о том, что если местонахождение подозреваемого, обвиняемого неизвестно, следователь поручает его розыск органам дознания, о чем указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление. Также им обращено внимание на распространенную практику указания в резолютивной части постановления о производстве следственного действия, что его осуществление поручается определенному органу дознания [3, с. 25]. Действительно, анализ уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что достаточно часто следователи не выносят поручение в виде отдельного процессуального акта. Так, по уголовному делу, приостановленному по основанию п. 2 ч.1 ст. 208 УПК РФ и впоследствии направленному в суд по обвинению Е., обвиняемого в совершении убийства Т., в постановлении о приостановлении предварительного следствия,

в его резолютивной части содержался пункт «Поручить розыск Е. сотрудникам уголовного розыска ОУР...»¹. По уголовному делу по обвинению Ж. в совершении разбойного нападения в постановлении о выемки у свидетеля М. браслета и цепочки, похищенных у Г., следователь указал, что производство данного следственного действия поручено Л². Аналогичным образом было поручено производство такого следственного действия, как обыск, в гараже у С., подозреваемого в краже транспортного средства О³. Таким образом, одним из критериев классификации поручений может выступать деление их на виды в зависимости от процессуального оформления, в соответствии с которым допустимо выделить:

- оформленные отдельным процессуальным актом – поручением следователя;
- отраженные в иных процессуальных актах – постановлениях следователя.

Также в рассматриваемой научной статье П. В. Седельникова можно обнаружить упоминание о том, что следователь может, «чтобы излишне не увеличивать текстуальную часть поручения» [3, с. 27], предоставить необходимую для исполнения органом дознания поручения информацию в виде приложений к поручению, которые могут представлять собой копии протоколов следственных действий, справок, рапортов, фотоснимков похищенного имущества, лиц, которых необходимо установить, и т. д. Это позволяет выделить еще один критерий классификаций поручений следователя – содержащие приложения и не содержащие таковые. Прикладное значение данной классификации поручений может заключаться в формировании у следователя осознания возможности прилагать к поручению необходимые документы и предметы. К примеру, в том случае, когда имеется видеозапись лица, личность которого требуется установить, целесообразно приложить к соответствующему поручению данную видеозапись, это в большей степени будет способствовать эффективному исполнению поручения, чем, к примеру, описание внешности данного лица в текстовой части поручения. Так, по уголовному делу по факту хищения денежных средств с банковского счета карты, принадлежащей В., следователем была изъята видеозапись с банкомата, на которой был запечатлен преступник

¹ Уголовное дело № 1- 29/ 2021 // Архив Ленинского районного суда г. Владивостока за 2021 г.

² Уголовное дело № 1- 69/ 2022 // Архив Ленинского районного суда г. Владивостока за 2022 г.

³ Уголовное дело № 1- 33/ 2021 // Архив Первомайского районного суда г. Владивостока за 2021 г.

в момент снятия денежных средств с карты В. Приложение изъятной видеозаписи к поручению следователя об установлении личности похитителя позволило в короткие сроки выяснить, что кражу совершил И., являющийся знакомым В¹.

Еще одна классификация поручений следователя, которая может быть определена на основе анализа приведенного труда П. В. Седельникова, связана со сроком исполнения поручений следователя. Законодательно он определен лишь для поручений, направляемых в порядке ст. 152 УПК РФ для производства следственных и иных действий в другом месте, такой срок составляет 10 суток. Относительно иных видов поручений законодатель никаких сроков не указывает, но практика свидетельствует о том, что зачастую сами следователи указывают в поручении срок, в который оно должно быть исполнено. Возможно, это обусловлено тем, что ранее, когда законодательно были закреплены образцы процессуальных бланков, в поручении предусматривалось указание срока его исполнения. В то же время во многих поручениях отсутствует указание какого-либо срока. Это позволяет выделить такие виды поручений, как:

- срочные;
- бессрочные.

Помимо приведенных видов классификаций, определенных на основе изучения отдельных научных трудов, посвященных поручениям следования, на основании анализа действующего законодательства и практики направления поручений можно предложить еще ряд критериев деления всех поручений следователя на определенные виды. Исходя из положений п. 4 ч. 3 ст. 38, ч. 1 ст. 144 УПК РФ, следователь вправе дать поручение органу дознания как по материалу проверки по сообщению, так и по уголовному делу, что позволяет подразделить все поручения на выносимые:

- до возбуждения уголовного дела (в ходе проверки сообщения о преступлении);
- после возбуждения уголовного дела (в ходе расследования).

Анализ ч. 1 ст. 152 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что при необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь может поручить их органу дознания или следователю. На основании данной нормы можно предложить классифицировать все поручения следователя в зависимости от их исполнителя. Соответственно, возможно выделить поручения:

¹ Уголовное дело № 1-114/ 2021 // Архив Советского районного суда г. Владивостока за 2021 г.

- направляемые для исполнения следователю;
- направляемые для исполнения органу дознания.

Исходя из правоприменительной практики, можно выделить поручения следователя, в зависимости от времени направления, которые могут быть классифицированы на:

- первоначальные поручения (направляемые впервые по материалу проверки или уголовному делу);
- повторные поручения (направляемые в случае неисполнения и ненадлежащего исполнения первоначального поручения).

В рамках анализа классификаций поручений следователя полагаем возможным отметить существование тех, которые принято именовать международными, что позволяет классифицировать поручения следователя в зависимости от территориальности на международные и внутригосударственные. Последние, в свою очередь, могут быть подразделены на направляемые:

- в рамках одного территориального образования;
- в рамках одного субъекта Российской Федерации;
- в другой субъект Российской Федерации.

Следователи могут направлять поручения в орган дознания в рамках своего ведомства (к примеру, когда следователи органов внутренних дел поручают оперуполномоченным уголовного розыска провести оперативно-розыскные мероприятия по установлению очевидцев преступления, его исполнителей и т. д.) или в иные ведомства (например направление следователями ОВД поручений по делам о преступлениях террористической направленности в ФСБ, следователями Следственного комитета в орган внутренних дел и т. д.). Таким образом, в зависимости от ведомственных взаимоотношений инициатора и исполнителя поручения полагаем возможным подразделить их на:

- внутриведомственные;
- межведомственные.

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Классификация поручений следователя возможна по различным основаниям. Полагаем, что в качестве основных критериев выделения видов отдельных поручений возможно назвать следующие: содержание (характер поручаемых действий); форма поручения; процессуальное оформление (в виде отдельного документа либо в рамках других постановлений); сроки исполнения; стадия уголовного судопроизводства; исполнитель; время направления поручений; территориальность; ведомственные взаимоотношения инициатора и исполнителя поручения.

Данный перечень критериев классификации поручений следователя не является исчерпывающим, однако позволяет охватить наиболее значимые основания выделения видов поручений – и таким образом ориентировать следователя на выбор наиболее оптимального из них в зависимости от конкретной ситуации, складывающейся по расследуемому уголовному делу.

Список литературы:

1. *Аверьянова Е. А., Соколова Т. В.* Поручение следователя органу дознания: проблемы правоприменительной практики // Юридическая наука в современном мире: актуальные проблемы и перспективы развития: сборник статей по материалам всероссийского круглого стола. Уфа, 2021.
2. *Нагоева М. А.* Понятие отдельного поручения следователя // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17.
3. *Седельников П. В.* Поручение следователя органу // Законодательство и практика. 2017. № 1 (38).

Елена Викторовна Попова,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: elena.popova.list@gmail.com

Цифровые финансовые активы как доказательство при расследовании преступлений в инвестиционной сфере

Аннотация

В статье рассматривается место цифровой информации, полученной при расследовании преступлений в инвестиционной сфере, в современной системе доказательств в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: *инвестирование; цифровые денежные средства; привлечение денежных средств; мошенничество; не вещественные доказательства.*

Большая часть преступлений в инвестиционной сфере совершается посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий. Реализация преступного умысла направлена не только в отношении наличных (безналичных) денежных средств, но также и на цифровые финансовые активы.

Цифровые финансовые активы наряду с наличными или безналичными денежными средствами признаются предметом преступления, поскольку обладают такими признаками, как ликвидность, являются средством сохранения или накопления стоимости, а также являются полноценным платежным средством, эмиссия которых осуществляется только в электронном виде. Существенной особенностью цифровой валюты является то, что посягательство может быть осуществлено не только на завладение самой денежной единицей в корыстных целях, но также и на интеллектуальные права, которые представляют сущность цифровых финансовых активов.

Цифровые финансовые активы являются своеобразным эквивалентом традиционных форм денежных средств. Точкой демаркации между наличными (безналичными) денежными средствами и цифровыми финансовыми активами является в первую очередь форма представления денежных знаков. Цифровые финансовые активы представлены исключительно в электронной форме, тогда как денежные средства выступают в двух формах: наличная и безналичная. Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона № 259 ФЗ «О циф-

ровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 259) учет цифровых финансовых активов осуществляется исключительно в информационной системе в виде записей способами, доступными для такой системы. Денежные средства, наличные или безналичные, аккумулируемые в системе банков, представляют собой национальную валюту, учитываемую на открытом банковском счету.

Обратим внимание на термины «денежные средства» и «цифровые финансовые активы». В п. 1 ст. 1 Федерального закона № 259 закреплено, что под цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Вместе с тем в п. 3 этой же статьи закреплено, что под цифровой валютой понимается совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей какого-либо государства. В отношении цифровой валюты отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора информационной системы, который только обеспечивает соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществляет в их отношении действия по внесению (изменению) записей в такую информационную систему. Хотя оборот цифровых финансовых активов, в том числе в качестве эмиссионных ценных бумаг, удостоверенных цифровыми финансовыми активами, регламентируется в соответствии с законодательством Российской Федерации, но, в отличие от эмиссии национальной валюты, не является централизованным [3].

Нормативно закрепленного определения термина «денежные средства» на сегодняшний день в Федеральном законе № 161 не представлено. В статье 140 Гражданского кодекса Российской

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 250-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

Федерации¹ (далее – ГК РФ) закреплено, что рубль является законным платежным средством, платежи на территории страны осуществляются путем как наличных, так и безналичных расчетов, в том числе посредством цифровых рублей, однако дефиниция также отсутствует. Все же возникает вопрос – являются ли цифровые финансовые активы, цифровая валюта денежными средствами или же нет? Можно ли рассматривать соотношение денежных средств и цифровую валюту подобно денежным средствам и наличным (безналичным) единицам как общее и частное, представленное в различных формах?

До момента возникновения норм, разрешающих поставленные вопросы, рассмотрим сущность цифровых финансовых активов для того, чтобы определить, к какой группе доказательств, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, они могут быть отнесены. Цифровые финансовые активы в общем виде представляют собой электронный сигнал, записанный в блокчейн и отражающий транзакцию с использованием такой валюты. Изменение в записи транзакции при использовании технологии блокчейн невозможно для самостоятельного блока, поскольку вся «цифровая книга», формирующая блокчейн, состоит из совокупности тех самых блоков, взаимосвязанных между собой и обеспеченных криптографической системой безопасности, – изменение кода в одном блоке невозможно без внесения изменений в другой блок, а также без взаимодействия двух субъектов-участников транзакции с использованием цифровой валюты.

С точки зрения доказательственной информации, процесс хищения цифровой валюты оставляет за собой большое количество такой информации, в которой, безусловно, заинтересованы органы, осуществляющие предварительное расследование, однако представленной в форме цифровых символов, то есть цифровой (электронной) информацией. В этой связи с начала XXI века существенное развитие получила концепция системы доказательств, включающей в себя цифровые (электронные) данные, которые формируются, обрабатываются и передаются по каналам электронной связи и доступны для восприятия человеком посредством использования электронно-вычислительной техники. Ключевым вопросом является отнесение цифровой информации к конкретному виду доказа-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Ч. 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельств, представленных на сегодняшний день Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Анализ ч. 2 ст. 74 УПК РФ и корреспондирующих норм показывает, что материальный носитель, на который записана какая-либо цифровая информация, в уголовном судопроизводстве относится к группе вещественных доказательств (ст. 81 УПК РФ) или же к иным доказательствам (ст. 84 УПК РФ) в тех случаях, когда носитель отвечает сущностным критериям этих видов доказательств. Такими критериями являются:

1. Использование в качестве средства совершения преступления.
2. Сохранение на себе следов преступлений.
3. Представление собой предмета преступного посягательства.
4. Использование в качестве средства для обнаружения преступления и установления обстоятельств по уголовному делу.
5. Содержание в себе сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [3].

Положения гражданского и гражданско-процессуального законодательства в смысле использования электронных доказательств являются более толерантными к мировой цифровизации и допускают использование электронной информации в качестве доказательств. Также электронные доказательства используются в административном и арбитражном процессах. Например, если обратиться к общим положениям Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – АПК РФ), то, согласно ст. 75 АПК РФ, *документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также документы, подписанные электронной подписью* в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, *допускаются в качестве письменных доказательств* в случаях и порядке, которые предусмотрены АПК РФ, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором. Аналогичное положение содержится и в ст. 71 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – ГПК РФ). При этом, проводя параллель с уголовным судопроизводством, отдельные процессуалисты предлагают рассматривать электронный документ

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в качестве письменного доказательства [2], хотя, рассматривая представленную позицию, остаются сомнения относительно сохранения сущности такого вида доказательств именно как электронного. В этой связи невозможно не разделить позицию Т. В. Сахновой относительно способов получения доказательств в гражданском процессе, не учитывающих развитие современных технологий и ограниченных показаниями физических лиц, а также аудио- и видеозаписями [5], поскольку уголовно-процессуальный кодекс ограничен аналогичными средствами получения доказательств.

Постепенная «цифровизация» положений уголовно-процессуального законодательства представлена введением положений, касающихся изъятия электронных носителей информации (ст. 164.1 УПК РФ), порядка использования электронных документов в ходе судебного заседания (ст. 474.1 УПК РФ), однако вопрос об использовании электронной информации остается лишь на уровне научных дискуссий.

Как уже было отмечено, цифровые финансовые активы не имеют физического выражения. Вред от хищения цифровой валюты или завладения интеллектуальными правами признается реальным, поскольку цифровые финансовые активы выступают полноценным средством платежа, хотя полностью они не охвачены правовым регулированием со стороны государства.

Весьма противоречивым является наличие нормативных положений, допускающих существование цифровой валюты и вместе с тем отсутствие правового механизма, полноценно защищающего владельца цифровых активов в случаях, когда произошло преступление, направленное на их завладение или незаконное использование, поскольку приобщению в качестве доказательств в таком случае будут выступать только документы и вещественные доказательства, подтверждающие причиненный вред, а следы, оставленные преступными действиями, будут преобразованы в те виды доказательств, которые допускает современный уголовно-процессуальный закон.

Сегодня не существует возможности введения в уголовный процесс цифровой информации как прямого доказательства факта внесения изменения записи в блокчейн кроме как в виде показаний субъекта допроса или результатов производства иных процессуальных действий, хотя эта информация содержит в себе данные о лице, которое осуществило те или иные действия, связанные с цифровой валютой, при этом позволяющая установить реальную сумму цифровых активов, использованных в транзакции.

С. П. Ворожбит считает, что «в зависимости от того, какие из данных, сохраненных в электронной форме, имеют доказа-

тельствственное значение, то есть содержат сведения, необходимые для установления обстоятельств дела, будет зависеть отнесение их к письменным, вещественным доказательствам, аудио- или видео-записи» [4]. Запись цифровой информации на материальный носитель не должна преобразовывать один вид доказательств в другой, поскольку интерес представляет не носитель, а то, что на нем содержится. Скриншот экрана электронно-вычислительной техники, подтверждающий структурные изменения на электронном счете, лишь отражает их, позволяет закрепить сведения, в последующем используемых в качестве доказательств.

Подход к использованию цифровой информации уже нельзя назвать «традиционным» в силу развития технических устройств. Считаем, что наиболее актуальной является позиция А. Т. Боннера, согласно которой автор разделил средства доказывания на «традиционные», т. е. средства, которые известны процессуальному законодательству, и «нетрадиционные», включающие в себя аудио- и видеоинформацию [1]. Происходит экстраполяция представленной позиции по отношению к цифровым следам, которые пока не подлежат оценке как самостоятельного доказательства в уголовном судопроизводстве.

Вопрос фиксации и использования цифровой информации, по нашему мнению, может быть решен посредством пересмотра уголовно-процессуального подхода к видам доказательств и форм их фиксации, а также смыслового разграничения между носителем информации и непосредственно информацией, признаваемой доказательством, что для расследования преступлений, в которых те или иные действия совершены в отношении цифровых финансовых активов, является наиболее актуальным. Таким образом, наиболее верным решением развития системы доказательств, используемых в уголовном судопроизводстве, представляется введение концепции не вещественных доказательств, включающих в себя цифровую информацию о совершенном преступлении, а также правила их получения, фиксации и использования в доказывании.

Список литературы:

1. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. Москва, 2015.
2. Вершинин А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. Москва, 2000.

3. *Вехов В. Б.* Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2013. № 10.
4. *Ворожбит С. П.* Электронные средства доказывания в уголовном и гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2011.
5. *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса. Москва, 2014.

**Особенности собирания цифровой информации как отдельного
способа получения доказательств в ходе проведения
следственных действий по уголовному делу**

Аннотация

В статье рассматривается состояние научных исследований способов собирания доказательной информации, в частности цифровой, значимых для уголовного судопроизводства. Автором ставится вопрос: не является ли собирание цифровой информации отдельным способом получения доказательств во время уголовного судопроизводства?

В работе делается вывод о целесообразности и необходимости выделения в отдельные следственные действия такие, как «цифровой (электронный) обзор информационной среды» и «цифровое (электронное) копирование», с проработкой и определением особых процессуальных правил и стандартов, содержание которых учтет современные изменения, которые произошли в обществе, а также в информационном пространстве.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовный процесс; следственные действия; следственный судья; специальные следственные действия; цифровая информация, цифровые (электронные) доказательства.*

По своей природе уголовно-процессуальное доказывание является познавательной деятельностью, следствием осуществления которой является формирование субъективного образа объективной действительности о событии прошлого. По своему характеру оно представляет собой деятельность со сложной структурой и должно рассматриваться:

1) как установление и исследование обстоятельств дела, входящих в предмет доказывания (ст. 90 Уголовного процессуального кодекса Кыргызской Республики [1] (далее – УПК КР), то есть деятельность соответствующих государственных органов и участников процесса по собиранию (формированию), проверке и оценке доказательств, с одной стороны;

2) как логическая формулировка и обоснование определенного тезиса, выводов в процессуальных решениях в уголовном судопроизводстве – с другой стороны.

Следовательно, собирание и формирование доказательств в уголовном судопроизводстве осуществляются субъектами доказывания (стороной обвинения и стороной защиты) в особой процессуальной форме. Субъект доказывания, устанавливающий через доказательства обстоятельства в уголовном судопроизводстве, переходит от восприятия отдельных фактов, информации о них во время проведения процессуальных действий (чувственно-практический аспект познания) к логическому осмыслению воспринятого (гносеологический аспект познания).

С. А. Шейфер, который особенно интересовался проблемами следственных и других процессуальных действий как установленных законом способов доказывания, считал, что эти проблемы вместе с другими аспектами доказательной деятельности составляют «сердцевину» уголовного процесса на протяжении его развития [9, с. 12].

Современное законодательство предусматривает структуру доказывания, которая включает в себя собирание, проверку и оценку доказательств (ст. 90 УПК КР). Такая нормативная конструкция следует из информационной теории доказательств В. Я. Дорохова, где под доказательствами понимались сведения (информация), доказывание отождествлялось сугубо с познавательной деятельностью [7, с. 13].

Структура процесса доказывания должна включать в себя различные элементы, которые свойственны как информационному, так и другим подходам к теории доказательств: собирание, закрепление, проверку, оценку, логическое обоснование и тому подобное.

Начальный элемент доказывания – собирание доказательств, свойственный для познавательной деятельности следователя, дознавателя, судьи, заключается в нахождении, восприятии и фиксации в установленном законом порядке сведений, имеющих значение для уголовного судопроизводства. Следовательно, чтобы любые сведения могли быть использованы в уголовном судопроизводстве, их надо собрать, то есть тем или иным путем получить в распоряжение субъекта доказывания (следователь, дознаватель, следственный судья и т. д.), именно в качестве доказательств выделить из всего значительного объема фактических данных по признаку их значения для дела. Собирание доказательств – это достаточно устоявшаяся категория, поддерживаемая большинством ученых [2, с. 1857–1858; 6, с. 383], как элемент доказывания закреплена нормативно в ст. 91 УПК РФ.

Научно-технический прогресс в последние несколько десятилетий привел к возникновению новых видов преступлений, средой которых стало информационное (кибернетическое) пространство. Также развитие информационных технологий обусловило ситуацию, когда большая часть личной информации стала храниться в электронном (цифровом) виде на цифровых устройствах хранения и обработки информации (персональные компьютеры, серверы, жесткие диски, флэш-носители и т. п.), которые стали способны (в рамках небольших пространственных границ, контуры которых совпадают с физическими границами этих цифровых устройств) хранить большие объемы личной информации [12, р. 26].

Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве стало одним из наиболее перспективных направлений раскрытия и расследования преступлений [5, с. 202]. Следовательно, значение цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве становится очевидным.

Специальные следственные действия (гласные и негласные), представляющие собой наиболее совершенный механизм получения доказательной информации и отражения ее в материалах уголовного дела, являются основным способом сбора цифровых доказательств. Процедура каждого из них детально урегулирована законом. Однако собирание (получение) цифровой информации и цифровых носителей информации на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки недостаточно урегулирован. Кроме того, законодателем до сих пор не разработаны необходимые процессуальные гарантии по защите граждан от чрезмерной заинтересованности со стороны правоохранительных органов во время проведения процессуальных действий.

В результате проведенного мониторинга новелл УПК КР установлено, что цифровая информация и цифровые носители информации могут быть получены в рамках процедур изъятия во время обыска (ст. 212 УПК КР), осмотра (ст. 172 УПК КР), истребования документов и предметов (ч. 3 ст. 91 УПК КР) и специальных следственных действий (гл. 31).

Извлечение цифровой информации во время проведения обыска и осмотра должно осуществляться путем ее копирования из информационного пространства или цифрового носителя информации и проходить в несколько этапов:

- 1) извлечение (копирование) цифровой информации с места ее обнаружения на цифровой носитель информации;

- 2) предъявление выявленной цифровой информации понятым, специалисту и другим участникам следственных действий;

3) отражение в протоколе следственных действий времени, места и обстановки выявленной информации;

4) упаковка и опечатывание цифровых носителей информации, содержащих искомую цифровую информацию.

Однако, в отличие от процедур изъятия вещей и документов, вышеозначенная процедура изъятия цифровых носителей информации во время обыска и осмотра законодателем не формализована и не определена, что может привести к злоупотреблениям, в частности со стороны правоохранителей, которые в случае получения доступа к тому или иному цифровому носителю информации становятся владельцами личной значимой информации (тексты сообщений в социальных сетях, пароли систем электронных платежей и т. д.).

Обычно сохранение сведений в физической форме в виде письменных документов или на любом другом материальном носителе информации всегда позволяло точно определить, где именно находятся те или иные сведения, которые могут иметь доказательное значение для уголовного судопроизводства. Однако современные цифровые технологии позволяют: подключение электронных устройств к глобальной сети Интернет, к другим информационно-телекоммуникационным сетям и системам; постоянно находиться с ними на сетевой связи и осуществлять обмен информации как в режиме «запрос – ответ», так и в «фоновом» (автоматическом) режиме без непосредственного участия пользователя.

То есть информация на смартфонах может храниться не только физически на самом устройстве, но и в так называемых «облачных» хранилищах (iCloud, Dropbox, Google диск и др.). В то же время рядовому пользователю не будет очевидна разница, где находится искомая информация, на локальном машинном носителе информации или в сети (в «облачном» хранилище).

В таких ситуациях с процессуальной точки зрения непонятно, до какого предела допускается аналогия физического предмета (вещи) и цифрового устройства (компьютера, ноутбука, электронной книги и т. п.), поскольку предмет может содержать только то, что в него положили, а компьютер может обратиться к данным, которые не содержатся в его памяти и машинных носителях информации, а находятся, например, на серверах, расположенных за рубежом [11, р. 31].

Поэтому в настоящее время можно поставить под сомнение принадлежность и достоверность цифровых доказательств, собранных (полученных) во время проведения такого следственного действия, как осмотр персонального компьютера. Под осмотром понимается

лишь визуальное обследование местности, помещения или вещи, которые находятся в свободном доступе, без активного поискового воздействия на них. Однако органами, которые проводят следственные действия в форме осмотра, в рамках этого мероприятия проводятся операции по открытию папок с файлами и самих файлов, изучению их содержимого и свойств, которые по своей сути являются целенаправленным поиском информации, то есть обыском – принудительным действием, санкционированным следственным судьей, по выявлению сведений, имеющих доказательственное значение для уголовного судопроизводства, которые интересуют следствие, а также их конфискации.

УПК КР не дает четкого ответа, необходимо ли получать постановление суда на проведение обыска мобильного телефона или другого цифрового устройства задержанного. В ст. 16 УПК КР предусмотрено, что вмешательство в тайну переписки, телефонных разговоров, телеграфной и другой корреспонденции, других форм общения возможно лишь на основании судебного решения. Учитывая вышеуказанные противоречия процессуальных норм, становится непонятным, какой из них должен руководствоваться правоохранитель, осуществляя изучение содержимого мобильного телефона во время обыска задержанного.

Особого внимания заслуживает именно обзор информационной среды цифрового носителя информации. В процессе этого процессуального действия может возникнуть необходимость в фиксации и копировании информации, которая на нем содержится. По мнению ученых и экспертов, копирование информации необходимо проводить только во время судебной экспертизы в лабораторных условиях с целью обеспечения ее принадлежности и достоверности [10, с. 123–124].

Следовательно, возникают закономерные вопросы, свойственны ли «обзору информационной среды» и «копированию цифровой информации» признаки самостоятельных следственных действий, не является ли собирание цифровой информации отдельным способом получения доказательств во время уголовного судопроизводства?

Для ответа на них необходимо указать критерии, по которым было бы возможно определить новое следственное действие. Рассматривая механизм формирования следственных действий и способы получения доказательств в уголовном процессе, С. А. Шейфер отмечает, что новое следственное действие должно соответствовать:

а) общим принципам уголовного судопроизводства как системы более высокого уровня;

б) общим принципам функционирования системы (оригинальность, приспособляемость для достижения специфической цели определенными приемами отражения следов) [8, с. 90].

В то же время С. А. Пашин, анализируя состояние и перспективы уголовно-процессуального законодательства, пришел к выводу, что оно под влиянием научно-технического прогресса должно развиваться в следующих направлениях:

- расширение границ допустимости доказательств и появление новых фактических данных;
- расширение круга следственных действий, появление дополнительных гарантий прав и свобод во время их производства;
- использование хотя бы в далеком будущем экспертных систем при принятии процессуально важных решений [3, с. 73].

Ученый считает целесообразным предусмотреть комплекс следственных действий, которые аналогичны допросу, обыску, изъятию вещей и следственному эксперименту, но связаны с изучением машинной информации, которые используют интеллект машинных систем. М. С. Сергеев, соглашаясь с С. А. Пашиным, предлагает установить особый порядок возбуждения уголовного дела на основании сообщений, размещенных в сети Интернет, а также выделить в отдельные следственные действия «электронный обзор информационной среды» и «электронное копирование» [4, с. 180–182, 204–205].

По его мнению, особенностями их производства являются:

- «место» проведения – информационная среда;
- методы и способы производства – специальные, характерные только для работы с цифровыми доказательствами;
- объект исследования, полученные сведения – электронная (цифровая) информация.

Исходя из вышесказанного, учитывая гносеологическую и правовую природу цифровых доказательств, этот перечень было бы целесообразно дополнить следующими положениями:

- орудия производства – специальные средства получения, исследования и оценки полученных цифровых данных (поскольку воспринять цифровую информацию можно только с помощью специальных цифровых приборов отображения и обработки информации);
- субъекты производства – обязательное привлечение к работе с цифровыми доказательствами специалистов, обладающих специальными знаниями в сфере информационно-цифровых технологий;
- условия сохранения полученных массивов данных – для гарантированного сохранения цифровых доказательств необходимо обеспечить специальные условия: отсутствие в ближайшем окружении цифрового хранилища магнитных и электрических полей,

отсутствие значительных колебаний напряжения и тока, стабильный температурный режим, отсутствие механических потрясений, ограничение непосредственного физического доступа к носителям цифровой информации, защита ближайшего окружения хранилища для предотвращения удаленного воздействия магнитными и электрическими полями на целостность цифровой информации.

Выводы.

Следовательно, с учетом специфической «нематериальной» природы электронных (цифровых) доказательств, которые:

- а) существуют в искусственно созданной информационной среде;
- б) имеют особый статус оригинала и могут существовать в таком статусе в нескольких местах;
- в) воспринимаются и исследуются с помощью специальных программно-технических средств;
- г) хранятся на соответствующем носителе информации, в оперативной (временной) памяти ЭВМ или канале связи.

Усматривается целесообразным выделить в отдельные следственные действия «электронный обзор информационной среды» и «электронное копирование», отделить собирание (получение) электронной информации как отдельный способ получения доказательств во время уголовного судопроизводства, с проработкой и определением особых процессуальных правил и стандартов, содержание которых учтет современные изменения, которые произошли в обществе, а также в информационном пространстве.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.02.2024) . URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/2086/ru> (дата обращения: 10.10.2023).
2. *Облога А. В., Короленко И. И.* Понятие и способы собирания доказательств // Столыпинский вестник. 2023. № 4.
3. *Пашин С. А.* Применение электронно-вычислительной техники и доказательственное право // Право и информатика. 1990.
4. *Сергеев М. С.* Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном праве: отечественный и зарубежный опыт: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. 322 с.
5. *Чернышов В. Н., Лоскутова Е. С.* Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 5.

6. Чомаев Р. А. Собираение доказательств: понятие, содержание и место в структуре доказывания // Молодой ученый. 2022. № 18 (413).
7. Шейфер С. А. Понятие доказательства как предмет научной дискуссии // Вестник ОмГУ. 2008. № 1.
8. Шейфер С. А. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // Уголовное право. 2002. № 3.
9. Шейфер С. А. Собираение доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 112 с.
10. Шушеначев А. В. Правовое регулирование сбора цифровой информации с целью ее представления как доказательства в расследовании преступлений // Юридическая наука. 2023. № 1.
11. Adam M. The iphone meets the fourth amendment // UCLA Law Review. 2008. Vol. 27. P. 27-58.
12. Kessler G. Judge' Awareness, Understanding, and Application of Digital Evidence. Miami: Nova Southeastern University, 2010. 182 p.

Арина Сергеевна Пристромова,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: derevo873@gmail.com

Судебно-медицинская экспертиза как элемент системы криминалистического обеспечения расследования преступлений

Аннотация

В статье проанализирована роль и значение судебно-медицинских экспертиз в криминалистическом обеспечении расследования преступлений, обозначены основные перспективы ее использования.

Ключевые слова и словосочетания: *судебная медицина; криминалистика; судебно-медицинская экспертиза; доказательство; судебно-медицинский эксперт; заключение эксперта; назначение судебно-медицинской экспертизы; криминалистическое обеспечение.*

Уголовно-процессуальное законодательство обязывает устанавливать при расследовании уголовного дела такие обстоятельства, которые возможно выяснить только благодаря привлечению лица, которое обладает знаниями в области судебной медицины. Данные обстоятельства указаны в ст. 196 УПК РФ (установление причины смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, психическое или физическое состояние подозреваемого или обвиняемого при различных обстоятельствах, психическое или физическое состояние потерпевшего, возраст подозреваемого/обвиняемого или потерпевшего). Это обусловлено спецификой отдельных категорий дел, в рамках которых судебная экспертиза позволяет установить вред, который нанес правонарушитель жертве, и, как следствие, правильно квалифицировать содеянное. Именно по этой причине к судебно-медицинской экспертизе часто относятся только как к исследованию, которое позволяет провести грамотную квалификацию. По нашему мнению, данный подход является неправильным, однако на практике чаще всего происходит именно так.

Конечно, это не означает, что закон ограничивает нас в использовании знаний медицинского эксперта. Следовательно, дознаватель, прокурор или суд (судья) имеют возможность на обращение к знаниям в области судебной медицины и по другим вопросам, которые требуют разрешения по делу. К таким вопросам, например, можно отнести

установление состояния здоровья подозреваемого/обвиняемого при решении вопроса о назначении ему меры пресечения [2, с. 360].

Именно в связи с вышесказанным необходимо определить, какое место занимает судебно-медицинская экспертиза в криминалистическом обеспечении расследования преступлений.

Судебно-медицинские знания широко используются в криминалистической технике при подготовке методических рекомендаций по обнаружению, сохранению, закреплению, изъятию следов преступления, определению орудий преступления и т. д. Эти знания используются в таких отраслях криминалистической техники, как исследование следов (трасология), исследование холодного оружия, учение о внешних признаках человека и др.

Так, новейшие достижения в области судебной медицины помогают в криминалистической тактике – при планировании следственных действий, расследования в целом, при разработке возможных версий произошедшего. Важными они являются и при тактике проведения отдельных следственных действий – при назначении судебно-медицинской экспертизы, проведении разных видов осмотра (места происшествия, трупа, документов, вещей), при разработке тактических приемов при проведении невербальных следственных действий, освидетельствования, следственного эксперимента и т. д).

В разделе криминалистической методики медицинские знания способствуют разработке и использованию частных криминалистических методик расследования преступлений против личности.

Именно по этой причине видится целесообразным рассматривать судебно-медицинскую экспертизу как один из элементов криминалистического обеспечения расследования преступлений.

Как мы знаем, тактику проведения отдельных следственных действий изучает раздел «криминалистическая тактика». Поэтому необходимо рассмотреть судебно-медицинскую экспертизу в рамках криминалистической тактики. Рассматривая судебно-медицинскую экспертизу в качестве следственного действия, необходимо отметить, что общее понимание судебной экспертизы в рамках криминалистической тактики учеными рассматривалось именно как тактика проведения следственного действия: «назначение и проведение судебной экспертизы» [1, с. 56].

Однако данный вопрос является спорным и вызывает множество дискуссий. Начиная с того, стоит ли назначение и проведение судебной экспертизы в целом относить к следственным действиям. Ряд ученых, таких как Н. С. Алексеев, В. М. Галкин, И. Ф. Крылов, Ю. К. Орлов, относят судебную экспертизу к следственным действиям, Другие придерживаются иной точки зрения (А. А. Эйсман, И. М. Лузгин и др.),

отмечая, что «экспертиза – это особая, автономная форма осуществления познавательной деятельности, отличающаяся от следственных действий тем, что знания извлекает не следователь, а эксперт».

Мы соглашаемся с мнением второй группы ученых. Ведь, по сути, следователь принимает участие в данном действии только в момент назначения экспертизы, а саму познавательную функцию осуществляет эксперт. При этом надо отметить тот факт, что решение вопроса о назначении экспертизы носит тактический характер и может занимать достаточно длительное время (сбор материалов, постановка вопросов, формулирование постановления, решение вопроса о назначении комплексной или комиссионной экспертизы).

Принимая во внимание тот факт, что судебно-медицинскую экспертизу проводит Бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Российской Федерации, говорить о том, что производство судебно-медицинской экспертизы – это следственное действие затруднительно и вызывает множество противоречий. Как уже отмечалось ранее, проведение экспертизы осуществляет эксперт, именно он является ключевым лицом при осуществлении познавательной деятельности. Следователь хотя и может присутствовать при ее проведении, но на ее ход и результаты он никак не может повлиять.

Именно поэтому мы придерживаемся точки зрения, что «производство судебно-медицинской экспертизы» нельзя рассматривать в качестве отдельного элемента криминалистического обеспечения и криминалистики в целом. Ее производство полностью возлагается на судебно-медицинского эксперта, который в своей деятельности руководствуется знаниями в области медицины, химии и других естественных наук, использует при проведении исследования именно методы этих наук. С другой стороны, эксперт при производстве экспертизы может выстраивать версии произошедшего события, но это будет являться лишь его субъективным мнением [5, с. 64].

Нельзя не согласиться с мнением Р. А. Кокорева, который в своем диссертационном исследовании отметил, что при расследовании преступлений помощь экспертов (специалистов), обладающих специальными знаниями в области медицины, значительно сокращает время получения криминалистически значимой информации, необходимой для фиксации преступной деятельности и способствует быстрому и эффективному расследованию данных преступлений [3, с. 62].

По мнению Н. С. Колесниковой, «закключение эксперта – важный элемент в системе криминалистически значимой информации, поскольку может служить средством проверки имеющейся криминалистически значимой информации, а также может содержать относительно новую криминалистически значимую информацию, то есть являться

средством ее получения, а также быть средством решения криминалистических и процессуальных задач следователя и суда» [4, с. 63].

Считаем, что судебно-медицинская экспертиза относится к данным экспертным исследованиям, которые формируют большой потенциал для полного, всестороннего расследования по уголовному делу.

Мы полностью разделяем точку зрения вышеперечисленных авторов и полагаем верным утверждение, что судебно-медицинская экспертиза – важный элемент криминалистического обеспечения расследования преступлений не только по делам, по которым ее назначение является необходимым согласно требованию законодательства, но и по иным категориям дел, где без ее проведения, по мнению следствия или суда, нельзя обойтись. Применение судебно-медицинской экспертизы расширяет круг вопросов, решаемых криминалистикой: установление возможной обстановки криминального события, установление времени причинения повреждений, установление причинно-следственной связи между причиненным вредом и наступившими последствиями, установление возможности избрания в отношении подозреваемого/обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу при подтверждении факта наличия у него заболеваний и множество других вопросов.

Список литературы:

1. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учебное пособие для вузов: в 3-х т. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2001.

2. *Жумаканова Н. А.* Правовые основы обязательного назначения и производства судебной экспертизы в уголовном процессе РФ // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов в двух томах, 18–20 ноября 2021 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2022. Т. 1.

3. *Кокорев Р. А.* Использование медицинских знаний в расследовании преступлений против личности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Кокорев Роман Александрович. Москва, 2017. 244 с.

4. *Колесникова Н. С.* Заключение судебного эксперта в системе криминалистически значимой информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Колесникова Наталья Сергеевна. Москва, 2019. 258 с.

5. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. Москва, 1997.

Виктория Сайдуллоевна Реброва,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: vivivierma@yandex.ru

**Обеспечение прав и законных интересов участников
уголовного судопроизводства при производстве дознания
в сокращенной форме**

Аннотация

В статье рассмотрены основные вопросы, касающиеся обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при производстве дознания в сокращенной форме, а также акцентировано внимание на особенностях доказывания и условиях применения упрощенного порядка производства по уголовным делам, в частности, при признании подозреваемым своей вины.

Ключевые слова и словосочетания: *сокращенное дознание; обеспечение прав личности; расследование преступлений; признание вины.*

4 марта 2013 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральным законом № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» законодателем введена гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме», предусматривающая упрощенный порядок производства по уголовным делам. Такая форма сокращенного дознания отличается от общего порядка некоторыми особенностями, главными из которых является ускоренный срок производства по уголовным делам, а также различия в пределах доказывания. Данная законодательная новелла была обусловлена в первую очередь процессуальной экономией сил и средств при расследовании очевидных преступлений небольшой и средней тяжести, что позволяет провести аналогию с ранее существовавшей продолжительный период времени протокольной формой подготовки материалов. Однако упрощенный порядок производства по уголовным делам вызвал ряд научных дискуссий в юридической литературе относительно обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при упрощенной форме предварительного расследования. Для анализа отдельных спорных вопросов относительно обеспечения прав и законных

интересов участников уголовного судопроизводства разберем некоторые положения рассматриваемой главы.

Стоит обратить внимание, что законодателем предусмотрено на возможность упрощенного производства по уголовным делам в отношении полного перечня составов преступлений, по которым производство предварительного следствия не обязательно (в отличие от протокольной формы подготовки материалов, применявшейся по ограниченному кругу преступлений небольшой тяжести, предусмотренных ст. 414 УПК РСФСР 1960 г.). При этом законодатель не допускает производство дознания в сокращенной форме в отношении менее защищенных категорий граждан, что можно рассматривать как дополнительные процессуальные гарантии.

Отдельно хотелось проанализировать положение статьи, устанавливающей обязательное условие применения упрощенного порядка при признании подозреваемым своей вины. В юридической литературе высказаны мнения о том, что в данном случае не исключена возможность реализации принципа «признание вины – царица доказательств» [1], что, с нашей точки зрения, совершенно не обосновано. Во-первых, ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме подается дознавателю после разъяснения защитником правовых последствий упрощенного порядка расследования. Соответственно, ставятся под сомнение не только правомерные действия сотрудников правоохранительных органов, но и компетентность лица, призванного осуществлять юридическое консультирование. Во-вторых, подозреваемому (обвиняемому) законодателем предоставлено право отказаться от указанной формы расследования вплоть до удаления суда в совещательную комнату. В этом случае вполне очевидно, что неправомерные действия должностных лиц могут спровоцировать отрицательный показатель в деятельности территориального подразделения в виде возвращения уголовного дела для производства дополнительного дознания в ординарном порядке. В-третьих, доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления виновности лица, а наличие признательных показаний рассматривается как рядовое доказательство в совокупности с иными доказательствами и материалами уголовного дела.

При производстве дознания в сокращенной форме порядок доказывания по уголовным делам имеет свои особенности. Ст. 73 УПК РФ определяет общий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию. Однако данный перечень для упрощенного порядка расследования немного сужен положениями ст. 226.5 УПК РФ. На первый взгляд может показаться, что дознавателю предоставле-

ны некие законодательные «льготы», освобождающие от установления ряда существенных обстоятельств при производстве по уголовным делам. В некоторых источниках юридической литературы высказаны мнения о том, что существенной проблемой производства по уголовным делам, расследование по которым производилось в сокращенной форме дознания, является фактическое исключение из предмета доказывания обстоятельств, которые могут послужить причиной освобождения от уголовной ответственности и наказания [2]. Несмотря на обоснованные претензии к законодательной конструкции положений анализируемой статьи, с указанным мнением мы не согласимся. Установление органами предварительного расследования, независимо от формы производства по уголовным делам, оснований уголовной ответственности, в том числе события преступления, предполагает доказывание обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния. Данные обстоятельства, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством как составляющие элементы предмета доказывания, являются антиподом события преступления. Доказанность первых исключает наличие вторых [3]. К тому же законодатель, компенсируя изъятие обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, из положений рассматриваемой статьи, предусматривает их обязательное включение в содержание обвинительного постановления. Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодателем сужен не предмет, а пределы доказывания, что, в свою очередь, и является сутью производства расследования в упрощенном порядке.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что упрощенный порядок производства по уголовным делам, во-первых, не ограничивает права и законные интересы участников уголовного процесса, во-вторых, обеспечивает скорейший доступ граждан к правосудию. Производство дознания в сокращенной форме обеспечивается необходимой системой процессуальных гарантий, позволяющих сторонам в любой момент отказаться от указанной формы производства. Дознание в сокращенной форме как упрощенная форма расследования, может применяться по уголовным делам, не представляющим правовой и фактической сложности, требующих меньших затрат и процедур.

Список литературы:

1. *Заводских Ю. С.* Проблемы соблюдения прав подозреваемого (обвиняемого) при производстве дознания в сокращенной форме //

Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, 2015.

2. *Калугин А. Г.* Проблемы доказывания при осуществлении производства по уголовному делу в сокращенных формах // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н. С. Алексеева, 28–29 июня 2014 г. Санкт-Петербург: ЦСПТ, 2015.

3. *Лазарева В. А., Ярыгина Л. А.* Сокращенная форма доказывания: предмет и пределы доказывания // Уголовное судопроизводство. 2017. № 3.

**Характер и степень общественной опасности преступлений
экстремистской направленности, совершаемых с использованием
информационно-телекоммуникационных технологий**

Аннотация

Статья посвящена актуальным проблемам, возникающим при изучении характера и общественной опасности преступлений, связанных с распространением экстремистской информации посредством информационно-телекоммуникационных технологий, вопросам применения института малозначительности к данным деяниям.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовно-правовая характеристика преступлений экстремистской направленности; расследование преступлений экстремистской направленности; малозначительность деяний экстремистской направленности; распространение экстремистской информации; характер и степень общественной опасности преступлений экстремистской направленности.*

В современной правоприменительной практике достаточно остро стоит вопрос правовой оценки противоправных деяний в целях четкого отграничения преступлений от фактов, не представляющих существенной опасности для общества и государства. Это важно не только с точки зрения корректной трактовки действий виновного, но и, в случае наличия признаков преступления, решения вопроса об определении подследственности и планирования процесса расследования. В силу достаточно объемного определения преступления, содержащегося в действующем российском законодательстве, необходимо четкое и обоснованное разделение данного понятия на классы в зависимости от тех или иных оснований. Одним из критериев обобщения противоправных деяний выступает группировка в зависимости от характера и степени общественной опасности.

В действующем уголовном законодательстве данная схема ранжирования выступает основной. Не стало исключением и включение преступлений экстремистской направленности в гл. 29 УК РФ. Традиционно под характером общественной опасности деяний

понимается именно объект преступного посягательства, определение которого становится основополагающим для правильной квалификации преступления в дальнейшем.

Однако достаточно дискуссионным является вопрос определения степени общественной опасности преступных деяний. В научной сфере мнения авторов относительно понятия степени общественной опасности достаточно различны. Так, И. А. Солодков считает, что степень общественной опасности – это «обусловленная характером общественной опасности, а также обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, иными обстоятельствами, характеризующими личность виновного, злонамеренность лица, выражающая уровень потенциальной возможности совершения им нового посягательства на объекты, поставленные под охрану уголовным законом» [6, с. 9]. О. А. Михаль подходит к определению данного понятия несколько категоричнее и предлагает ввести в законодательство новую категорию – «общественная вредность», что, с его точки зрения, «позволит установить истинное понятие степени общественной опасности» [2, с. 21]. Как справедливо указывает В. В. Хилjuta, «характер и степень общественной опасности в настоящее время четко определены законодателем, и представляют собой некую обобщенную модельную характеристику, на основании которой правоприменитель определяет категорию конкретного преступления на основании типовой санкции уголовно-правовой нормы» [7, с. 53]. Стоит учитывать, что применение какой-либо типовой санкции к каждому составу преступления просто невозможно в силу различия деяний, а также наличия или отсутствия квалифицирующих признаков. Именно в решении вопроса об индивидуальном определении степени общественной опасности относительно того или иного преступления и возникают проблемные ситуации, требующие дополнительного освещения.

Наиболее остро стоит вопрос определения степени общественной опасности тех преступлений, при правовой оценке которых проблематично определить предмет преступного посягательства. К такого рода общественно опасных деяний можно отнести преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, которые непосредственно связаны с распространением запрещенной информации среди неопределенно большого круга лиц, что, в свою очередь, приводит к проблемам с определением наличия признаков состава преступления.

По мнению Р. С. Белкина, «без определения признаков составов преступлений, содержащихся в уголовном праве, невозможна

разработка методик их расследования, ибо, например, прежде чем решить вопрос, какими путями установить событие преступления, нужно знать, какое событие следует установить, каковы его элементы, то есть признаки состава преступления» [1, с. 72]. Учитывая, что процессы уголовно-правовой оценки деяния и расследования преступления непосредственно связаны, отсутствие четкого алгоритма применения института малозначительности к совершенным деяниям приводит к снижению эффективности борьбы с преступлениями экстремистской направленности в целом.

Процесс определения степени общественной опасности тесно связан с исключением применения института малозначительности к противоправному деянию. Применительно к преступлениям экстремистской направленности, О. Е. Руева отмечает, что «в Российской Федерации сложилась ситуация, когда даже малозначительные деяния признаются экстремистскими преступлениями» [5, с. 37]. Данное замечание справедливо, и отражает современное состояние применения правоприменителем института малозначительности к указанной категории преступлений.

В пункте 8.1 постановления Пленума Верховного Суда от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» (далее – ПП ВС РФ от 28.06.2011 № 11) указано, что при правовой оценке действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по соответствующим признакам (ст. 282 УК РФ), деяние следует признавать малозначительным, то есть не представляющим общественной опасности, учитывая, в частности, размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию¹. Внесение данного пункта в ПП ВС РФ от 28.06.2011 № 11 позволило определить исчерпывающий перечень критериев, однако, в силу их абстрактности, не решило вопрос субъективности оценки общественной опасности деяний, связанных с распространением экстремистской информации посредством информационно-телекоммуникационных технологий со стороны правоохранительных органов и суда. Отсутствие универсального подхода к изучению данной категории дел с точки зрения наличия признаков малозначительности привело к тому, что в Российской

¹ О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации правоприменительный материал, связанный с привлечением лиц к уголовной ответственности, должным образом не выработан.

Обобщая проанализированные судебные акты, можно отметить, что признавая деяния экстремистской направленности малозначительными, суды чаще всего акцентируют свое внимание на том, что круг лиц, ознакомившихся с запрещенной информацией за определенный период времени, недостаточно широк (пример формулировки: «...за указанный период времени, как можно судить из представленных материалов, видеоролик имеет 10 просмотров, вследствие чего данный материал массового распространения не получил [3]»). По своей сути, практика использования количества пользователей, ознакомившихся с материалами, признанными экстремистскими, в качестве аргумента при обосновании наличия признаков малозначительности, выглядит логичной и закономерной, однако имеются примеры, когда данный факт судом не учитывается и совершенное деяние не признается малозначительным (пример формулировки: «...учитывая объект – общественные отношения в сфере противодействия экстремистской деятельности, и цель установления ответственности за нарушения указанной статьи – защита конституционных прав и свобод человека и гражданина, нравственности, общественного порядка, совершенное правонарушение по характеру не может быть признано малозначительным, несмотря на небольшое количество просмотров [4]»). Возникает такая ситуация, когда доводы, используемые судом в подтверждение наличия признаков, исключающих преступность деяния и в обосновании невозможности применения института малозначительности, не имеют четкой взаимосвязи друг с другом, что и приводит к проблемам в установлении степени общественной опасности деяний, связанных с распространением экстремистской информации посредством информационно-телекоммуникационных технологий.

Резюмируя, стоит отметить, что в настоящее время при решении вопроса о степени общественной опасности преступлений экстремистской направленности возникает две основные проблемы, а именно: неопределенность понятийно-категориального аппарата и сложности при решении вопроса о применении института малозначительности к указанной категории преступлений.

В этой связи необходимо четко обозначить, какие именно моменты необходимо учитывать при решении вопроса о наличии признаков состава преступления. Так, деяние, связанное с распространением экстремистской информации посредством информаци-

онно-телекоммуникационных технологий, не может быть признано малозначительным в случаях:

1. Если оно сопровождалось действиями, направленными на увеличение реальной аудитории реципиентов размещенной информации (неоднократная пересылка, параллельное вовлечение лиц в деятельность экстремистской организации и т. п.);

2. Если распространение экстремистской информации повлекло существенный «отклик» со стороны пользователей, выразившийся в копировании и последующей рассылке данной информации третьими лицами.

3. Если распространение информации вызвало общественный резонанс, привело к проведению массовых мероприятий, несанкционированных гражданских акций.

В части дополнения законодательного акта, целесообразно распространить действия п. 8.1. ПП ВС РФ от 28.06.2011 № 11 не только на оценку действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по соответствующим признакам (ст. 282 УК РФ), но и на все преступления экстремистской направленности, связанные с публичным распространением информации.

Таким образом, процесс определения характера и степени общественной опасности преступлений экстремистской направленности является довольно дискуссионным и тесно связан не только с расширением понятийно-категориального аппарата, но и с решением вопроса о применении института малозначительности к указанной категории преступлений.

Список литературы:

1. *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика: учебник для вузов / под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. Москва: НОРМА-ИНФРА, 1999. 990 с.

2. *Михаль О. А.* Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4.

3. Постановление Курчатовского районного суда г. Челябинска Челябинской области от 3 сентября 2020 г. по делу № 5-1549/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kurchatovskii-raionnyi-sud-g-cheliabinska-cheliabinskaia-oblast/?page=17> (дата обращения: 10.10.2023).

4. Решение Пермского краевого суда от 30 марта 2017 г. по делу № 12-198/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-permskii-kraevoi-sud-permskii-krai/> (дата обращения: 10.10.2023).
5. *Ручева Е. О., Вражнов А. С.* Проблемы формулирования дефиниций в преступлениях экстремистской направленности // Российский следователь. 2019. № 4.
6. *Солодков И. А.* Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 214 с.
7. *Хилута В. В.* Определяет ли общественная опасность классификацию и категоризацию преступлений в уголовном праве? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 1.

**Некоторые вопросы исследования подписей, выполненных
от имени других лиц, содержащих признаки необычного
выполнения**

Аннотация

В статье рассмотрены актуальные вопросы исследования подписей, выполненных от имени других лиц, содержащих признаки необычного выполнения и предложены перспективные варианты решения судебно-экспертных задач, развитие которых может повысить эффективность расследования преступлений, совершаемых в финансовой сфере.

Ключевые слова и словосочетания: почерковедческая экспертиза; подпись от имени другого лица; двухэтапность; подлинная подпись; исследование подписи; идентификационная значимость признака; безбуквенная транскрипция; детализация признаков.

Для успешного расследования преступлений в финансовой сфере во многих случаях решающее значение имеют результаты судебно-почерковедческих экспертиз, количество которых с каждым годом неуклонно растет. При этом подписи как объект судебно-экспертных исследований являются неотъемлемой частью многих документов, включая договоры, соглашения, банковские операции и иные юридические документы. На современном этапе актуальными являются проблемы формирования доказательственной базы на основе почерковедческого исследования подписей, выполненных от имени других лиц *в условиях, когда первый этап исследования подписи¹ по ряду объективных причин провести невозможно*. Значительное количество почерковедческих экспертиз назначается при расследовании уголовных дел, возбужденных по фактам мошенничеств, краж и незаконного предпринимательства, где объектами

¹ Двухэтапность отражена в ряде специальных источников [2; 3; 5; 8; 9] и предполагает исследование подписи от имени существующего лица в определенной методической последовательности:

- 1) решение вопроса о подлинности подписи;
- 2) установление исполнителя неподлинной подписи.

исследования являются подписи, выполненные от имени других лиц. При этом в силу различных причин не предоставляются образцы подписей и почерков лиц, от имени которых значатся исследуемые подписи, а имеются только сравнительные почерковые материалы предполагаемых исполнителей. Кроме того, в качестве причин, по которым невозможно решение некоторых вопросов, как показывает проведенный анализ заключений, а также анкетирование экспертов экспертно-криминалистических подразделений, названы следующие факторы: а) простота выполнения исследуемых подписей, ограничивающая объем графического материала, что не позволяет выявить комплекс идентификационных признаков, необходимый для решения поставленных вопросов; б) наличие в спорных подписях признаков необычного выполнения, в результате чего эксперту сложно дать однозначную оценку выявленным в подписях и почерках совпадениям и различиям; в) несопоставимость сравниваемых подписей [7]. Поэтому в современной судебно-экспертной практике актуальной является разработка методологии оценки идентификационной значимости признаков в подписях, выполненных от имени других лиц, как содержащих, так и не содержащих признаков необычного выполнения, *в том числе в условиях невозможности проведения первого этапа исследования подписи.*

При исследовании объектов такого рода следует учитывать, что в одном случае предоставляется спорная подпись, не содержащая признаков необычного выполнения, в другом – подпись, выполненная под влиянием каких-либо «сбивающих» факторов, которые ограничивают объем содержащейся в ней идентификационной информации.

Вопросы, связанные с возможностью установления исполнителя спорной подписи (*от имени существующего лица*), не содержащей признаков необычного выполнения, были рассмотрены ранее. При этом были освещены существующие проблемы и предложены пути их решения [6]. В настоящей статье будут рассмотрены некоторые вопросы сравнительного исследования подписей от имени других лиц, содержащих признаки необычного выполнения, с подписями и почерками предполагаемых исполнителей, минуя первый этап исследования.

При наличии признаков необычного выполнения следует обратить внимание на их локализацию, а также на то, являются они постоянными либо носят фрагментарный характер. Анализ диагностических признаков позволяет эксперту выдвинуть наиболее перспективные версии. Как правило, признаки необычного выполнения, носящие постоянный характер, свидетельствуют о том, что спорные подписи выполнены под влиянием естественных «сбивающих» факторов, а вот фрагментарное проявление признаков необычного

выполнения может свидетельствовать как о выполнении исследуемых подписей под влиянием естественных «сбивающих» факторов, так и под влиянием искусственных, связанных с намеренным изменением своего письменно-двигательного навыка (далее – ПДН) [4, с. 6]. На данном этапе невозможно оценить выявленные признаки, они необходимы для решения вопроса о достаточности сравнительного материала и возможности проведения дальнейшего сравнительного исследования с подписями и/или почерками предполагаемых исполнителей. Признаки в подписи могут претерпевать различные изменения, однако в некоторых случаях возможно установить индивидуальную или близкую к ней совокупность, достаточную для положительного вывода, либо выявить существенные различия, которые будут положены в обоснование отрицательного вывода об исполнителе спорной подписи, содержащей признаки необычного выполнения.

Рассматривая подпись как часть ПДН исполнителя, можно сделать вывод, что при проведении данного почерковедческого исследования эксперт судит об отдельных его свойствах, основываясь на анализе их проявлений в спорной подписи, выполненной от имени другого лица, содержащей признаки необычного выполнения¹. Учитывая, что подпись зачастую является кратким почерковым объектом, в котором трудно установить пределы вариационности и устойчивость признаков, эксперту следует это сделать при изучении материала, предоставленного в качестве образцов подписей и/или почерков предполагаемых исполнителей. Объекты такого рода являются, как правило, малообъемными. При их исследовании необходимо принимать во внимание проявление всех свойств подписного почерка исполнителя ввиду того, что подпись формируется на основе уже имеющегося ПДН [3; 5].

При наличии в спорной подписи диагностических признаков, выраженных фрагментарно, в том числе тех, которые могут быть обусловлены подражанием (*тупые точки начала и окончания движений, замедление темпа, мелкая извилистость и др.*), проведение сравнительного исследования возможно при условии наличия в ней достаточного объема графической информации². В таких подписях

¹ Решение вопроса по подписям, находящимся в стадии формирования, в каждом конкретном случае принимается экспертом индивидуально, исходя из наличия необходимого объема значимой в идентификационном плане информации.

² Исключением являются подписи, выполненные в медленном темпе со снижением, как правило, координации движений 1-й группы, в результате которых наблюдается нарушение динамического стереотипа, либо подписи, кратность штрихов которых невозможно определить, ввиду чего они зачастую бывают непригодны для идентификационного исследования.

особое внимание следует уделить участкам, выполненным в относительно быстром темпе, так как именно они выполняются автоматизированными движениями, вследствие чего именно на них следует искать отображение ПДН предполагаемого исполнителя. Кроме того, для более полного и объективного исследования подписи требуется провести ее детализацию на отдельные элементы, каждый из которых представляет собой ценный в идентификационном плане материал. Почерковедческое исследование следует проводить с учетом принципа блочного строения почерка, который эффективен при исследовании таких объектов, так как позволяет найти устойчивые проявления ПДН, характеризующие почерк (подпись) в целом, что способствует более объективной оценке выявленных идентификационных признаков.

В таких подписях могут сохраняться характерные особенности, которые и определяют возможность их дальнейшего идентификационного исследования. Устойчивыми являются: а) топографические признаки; б) нажим; в) характерная манера соединения букв или элементов, не образующих букв с последующими; г) наличие, а также форма и направление рефлекторных штрихов; д) местоположение точек начала и окончания движений; е) абсолютная и относительная протяженность надстрочных и подстрочных элементов и др. Перечисленные признаки следует учитывать при оценке выявленных совпадений и различий. При этом ПДН предполагаемого исполнителя должен быть устойчивым и относительно независимым от условий выполнения.

Оценка выявленных признаков является наиболее сложным этапом данного исследования ввиду того, что необходимо учитывать возможность появления некоторых признаков вследствие влияния различных условий и «сбивающих» факторов, а также в результате сходства или естественной вариационности подписей и / или почерков предполагаемых исполнителей. Для достоверной оценки, как утверждает Р. С. Белкин, в результате которой у эксперта формируется окончательное внутреннее убеждение о правильности данного им вывода [1], следует изучить подписи (почерк) предполагаемых исполнителей во всех вариантах за максимально большой промежуток времени.

На основании изложенных данных и сложившейся практики производства почерковедческих экспертиз возможно выделить несколько актуальных и перспективных направлений научно-исследовательских разработок в этой области: выявление и детализация идентификационных признаков в подписях, выполненных от имени других лиц, как содержащих, так и не содержащих признаков необычного выполнения, имеющих безбуквенную транскрипцию,

а также разработка методологии оценки их идентификационной значимости. Реализация указанных предложений будет способствовать увеличению объема доказательной информации, полученной в ходе производства судебно-почерковедческой экспертизы в целях обеспечения полноты, всесторонности и объективности расследования преступлений, совершаемых в финансовой сфере.

Список литературы:

1. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: в 3-х т. Москва: Юристъ, 1997. Т. 2.
2. *Винберг Л. А., Шванкова М. В.* Почерковедческая экспертиза: учебник для вузов МВД РСФСР / под ред. проф. Р. С. Белкина. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1977. 208 с.
3. Методика исследования подписей: методическое пособие для экспертов / под ред. проф. В. Ф. Орловой. Москва: РФЦСЭ, 1997. 238 с.
4. Методика решения судебно-почерковедческих диагностических задач / А. А. Куприянова. 2-е изд. Москва: Наука, 2006. 61 с.
5. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В. В. Серегина. Волгоград: ВА МВД России, 2015. 340 с.
6. *Рослова О. Е.* О возможности установления исполнителя спорной подписи, не содержащей признаков необычного выполнения, из числа предполагаемых лиц при отсутствии образцов подписей лица, от имени которого она значится // Экспертная практика. 2023. № 94.
7. *Рослова О. Е., Владимиров В. Ю.* Актуальные вопросы, связанные с возможностью установления исполнителя исследуемой подписи из числа предполагаемых исполнителей при отсутствии образцов подписей лица, от имени которого она значится. 2023.
8. *Рубцова И. И., Волкова С. В., Коршиков А. П., Бондаренко П. В., Сысоева Л. А.* Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В. В. Мартынова. Москва: ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с. Ч. 1.
9. *Федорович В. Ю., Бондаренко Р. В., Гулина Е. Г., Орлова Т. В., Усков И. Н.* Почерковедение и почерковедческая экспертиза: криминалистическое исследование подписи: учебное пособие для вузов / под общей редакцией В. Ю. Федоровича. Москва: Юрайт, 2022. 142 с.

Александр Александрович Синекин,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: aleksandr.9696@mail.ru

Реализация принципа справедливости на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы и пути решения

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о значении реализации принципа справедливости для потерпевшего, выраженной в праве на доступ к правосудию на стадии возбуждения уголовного дела. Анализируются причины, влияющие на достижение справедливости для потерпевшего. Предлагаются решения для обеспечения доступа к правосудию.

Ключевые слова и словосочетания: *справедливость; приговор суда; стадия возбуждения уголовного дела; правоохранительные органы.*

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ) права и свободы человека и гражданина признаются «высшей ценностью» и «гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и охраняются законом»¹.

Общественные отношения в сфере охраны прав и свобод человека регулируются Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), в котором установлены основания и принципы уголовной ответственности за совершение преступления. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает порядок реализации норм УК РФ, а также аспекты защиты интересов и прав потерпевших, в отношении которых совершено преступное деяние, и защита лиц от необоснованного, незаконного обвинения и осуждения.

С целью восстановления нарушенных прав правоохранительные органы обязаны обеспечить возможность гражданину реализо-

¹ Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, а также изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования от 01.07.2020) // Рос. газета. 1993. № 237. 25 дек.

вать свое право на доступ к правосудию как средству достижения справедливости в уголовном судопроизводстве.

Анализ положений Конституции РФ позволяет утверждать, что понятие *справедливости* в ней прямо не закреплено. Однако содержание этого понятия трактуется в ст. 6 УК РФ, согласно которой меры и наказание, применяемые к лицу, совершившему общественно опасное деяние, должны быть «справедливыми, то есть соответствовать характеру преступления и личности виновного», а также косвенно зафиксировано в УПК РФ в виде упоминаний о защите прав и интересов потерпевших от преступлений, а также защите лиц от незаконного, необоснованного обвинения и осуждения и назначения виновным справедливого наказания.

Необходимо отметить, что *справедливость* для виновного в совершении преступления реализуется в виде приговора суда, который должен соответствовать перечисленным выше требованиям. Однако определение *справедливости для потерпевшего* в нормативно-правовых актах в настоящее время отсутствует.

В постановлениях Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ) сформулировано, что справедливость для потерпевшего реализуется в следующем: 1) правосудие осуществляется только судом посредством судопроизводства и признается таковым при соответствии требованиям справедливости и обеспечении восстановления в правах¹; 2) для обеспечения справедливого решения в отношении потерпевшего решения суда должны основываться на обстоятельствах, отраженных в материальном и процессуальном праве².

Представляется, что справедливость уголовного судопроизводства для потерпевшего заключается в надлежащей возможности реализации его права на доступ к правосудию. Реализация *справедливости для потерпевшего* основывается на нормативно-правовых актах, которые и определяют уголовно-процессуальную деятельность правоприменительных органов по обеспечению защиты прав

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. И. Тихомоловой [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 15 октября 2018 г. № 36-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сугробова Дениса Александровича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 154 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного суда Рос. Федерации от 14 января 2016 г. № 96-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и свобод человека, пострадавшего от преступного посягательства, выраженную в возможности предоставления последнему права на доступ к правосудию с целью получения справедливого судебного решения, в котором будут восстановлены ранее нарушенные преступлением права.

При анализе научных трудов Б. Я. Гаврилова [1], Л. В. Головки [2], В. Ю. Стельмаха [3], А. Ю. Чуриковой [4] в сфере уголовного судопроизводства выявлено, что вопрос о значении надлежащей возможности для граждан реализовать свое право на доступ к правосудию в рамках стадии возбуждения уголовного дела не разрешен в полной мере. Для реализации данного права правоприменительными органами осуществляется предварительная процессуальная проверка, итогом которой является решение об отказе в возбуждении уголовного дела или о возбуждении уголовного дела.

В настоящее время стадия возбуждения уголовного дела не получила единого подхода к своему определению. По мнению В. Ю. Стельмаха, целесообразность этой стадии проявляется в том, что производимая доследственная проверка сообщения о преступлении, в рамках стадии возбуждения уголовного дела, позволяет отграничить преступные деяния от неправомерных и сосредоточить внимание органов предварительного расследования на преступлениях [3, с. 34]. Л. В. Головка считает, что стадия возбуждения уголовного дела – это своеобразный «фильтр», который не позволяет возбудить уголовное дело по информации, заведомо не содержащей в себе признаки преступления. Это позволяет обезопасить лиц от необоснованного государственного преследования [2].

Вместе с тем Б. Я. Гаврилов отмечает, что при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела нарушаются права порядка 5 млн пострадавших на их доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба [1]. Аналогичное мнение высказывает А. Ю. Чурикова [4].

Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что требование о справедливом применении положений УПК РФ для обеспечения лицам права на доступ к правосудию не всегда реализуется в полной мере, о чем свидетельствуют выявленные Прокуратурой Российской Федерации в 2018–2022 гг. нарушения законности¹ (см. табл. 1, 2).

¹ Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 28.11.2023).

Таблица 1

Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства						
Год Показатель		2018	2019	2020	2021	2022
Всего выявлено нарушений закона		5 159 080	5 139 782	5 086 896	5 172 609	5 217 038
в том числе	при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях	3 730 794	3 627 932	3 491 902	3 464 543	3 417 399
Отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела		2 225 641	2 035 927	1 809 511	1 586 926	1 419 601
Возбуждено уголовных дел по результатам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела		165 646	162 445	165 099	155 152	157 917

Таблица 2

Характер разрешенных заявлений, жалоб и иных обращений (без дубликатов)						
Год Показатель		2018	2019	2020	2021	2022
По вопросам надзора за исполнением законов и законностью правовых актов		1 174 518	1 166 001	1 096 982	1 322 878	1 896 496
в том числе	на нарушения закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях	425 580	457 718	421 724	436 925	480 156

Анализ представленных статистических данных (см. табл. 1, 2) позволяет утверждать: количество нарушений действующих норм законодательства при осуществлении уголовного судопроизводства на досудебных стадиях на протяжении последних пяти лет остается на стабильно высоком уровне. Сравнив показатели 2018–2022 гг., мы обнаружили тенденцию к увеличению на 57 958 фактов количества нарушений рассматриваемого вида. Однако доля фактов, связанных с приемом, регистрацией и рассмотрением сообщений о преступлениях, с 2018 г. постепенно снижается. Так, подобных фактов в 2022 г. стало меньше на 313 395 (по сравнению с 2018 г.).

В настоящее время отмечается устойчивая тенденция к снижению количества отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Так, в 2018 г. этот показатель составлял 2 225 641 факт. Однако в 2022 г. (с постепенным снижением на протяжении следующих лет) этот показатель составлял 1 149 601 факт. Очевидно, что количество постановлений рассматриваемого вида уменьшилось в течение пяти лет почти на 36 %. Но при явной динамике снижения указанного выше показателя количество возбужденных дел по итогам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела остается почти неизменным на протяжении пяти исследуемых нами отчетных периодов.

Особенно интересным представляется сравнение между собой показателей в 2018–2022 гг., свидетельствующее об увеличении количества обращений в рамках общего показателя по разрешенным заявлениям, жалобам и иным обращениям по вопросам надзора за исполнением законов и законностью правовых актов, в которых отмечается увеличение общего количества обращений на 721 978 фактов (или на 64 % по сравнению с 2018 г.). В рамках данных показателей в течение пяти лет прослеживается тенденция к увеличению количества разрешенных заявлений, жалоб и иных обращений на стадии приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях (с 425 580 до 480 156 фактов, т. е. на 12,8 %).

Таким образом, в ряде случаев стадия возбуждения уголовного дела является *«барьером»*, ограничивающим право на доступ к правосудию, тем самым *принцип справедливости* не реализуется должным образом. На наш взгляд, проблема возможности реализации прав лиц, получивших вред от преступного посягательства, на стадии возбуждения уголовного дела может быть вызвана влиянием ведомственной системы оценивания деятельности правоохранительных органов, а также сложившейся правоприменительной практикой.

При возбуждении уголовного дела лица, производящие процессуальную проверку, обращают внимание на «судебную перспективу» такого уголовного дела или на перспективу его прекращения по нереабилитирующим основаниям. В случае прекращения по реабилитирующим основаниям уголовного дела, проводится проверка для выяснения оснований, которые стали поводом для возбуждения уголовного дела.

Факты прекращения производства по возбужденному уголовному делу или вынесения судом оправдательного приговора расцениваются в системе правоохранительных органов как негативный статистический показатель работы, что в дальнейшем влечет санк-

ционные действия на лиц, производивших расследование уголовного дела. Аналогичная ситуация возникает, когда суд возвращает уголовное дело на дополнительное расследование.

По мнению представителей науки уголовно-процессуального права, ликвидация так называемой стадии возбуждения уголовного дела, может стать решением данного вопроса.

Однако представляется целесообразным проработать вопрос решения данной проблемы непроцессуальными средствами, а именно путем применения комплекса мер организационного характера, направленных на изменение подходов и критериев к оцениванию деятельности правоохранительных органов.

Список литературы:

1. *Гаврилов Б. Я.* Современное досудебное производство по уголовным делам требует реформирования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2.
2. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. Москва, 2017. 1280 с.
3. *Стельмах В. Ю.* Правовая сущность стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2020. № 3 (73).
4. *Чурикова А. Ю.* К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела и роли в ней прокурора // Право: история и современность. 2020. № 2.

Анна Владимировна Соколова,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: annasokolova.2000@mail.ru

Искусственный интеллект как эффективный инструмент в рамках судебно-экспертной деятельности

Аннотация

Развитие цифровизации различных отраслей науки, прикладного использования искусственного интеллекта стремительно набирает темп. На сегодняшний день мы наблюдаем значительный прогресс человеческого общества в данном направлении и его стремление идти дальше. Однако существует ряд нерешенных вопросов в изучении данного явления – что есть интеллект? Почему искусственный? Помимо этого, бытует мнение, преувеличивающее значение искусственного интеллекта, что порождает весьма рискованные предложения, например по наделению его правовым статусом физического лица, которые нельзя оставлять в том виде, в котором они существуют.

Ключевые слова и словосочетания: *искусственный интеллект; естественный интеллект; самообучение; психика; средство; инструмент.*

Ни для кого не секрет, что цифровизация на сегодняшний день охватывает различные сферы нашей жизнедеятельности. Существует множество программных обеспечений, сервисов, систем, выполняющих те или иные функции. Судебно-экспертная деятельность не является исключением. Так, ряд экспертиз производится с использованием определенных программных обеспечений, автоматизированных систем и т. д. В качестве примера можно привести судебную компьютерно-техническую экспертизу, в которой используются различные программные средства, при помощи которых осуществляется поиск, мониторинг и анализ криминалистически значимой информации на компьютерных устройствах. Например, программное обеспечение Belkasoft Evidence Center помогает изучать мобильные устройства, выполнять поиск, решать аналитические задачи, составлять отчеты. Автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система «ПАПИЛОН» предназначена для ведения дактилоскопических учетов, проверок изъятых следов

рук путем сравнения с теми следами и отпечатками рук, которые уже содержатся в массиве дактилоскопического учета. Безусловно, данный прорыв в техническом обеспечении в целях облегчения выполнения ряда действий, обработки большего количества информации, ее сохранения носит позитивный характер при соблюдении необходимых требований. Не стоит забывать и о науке, которая не стоит на месте, а, напротив, идет далеко вперед.

Вопрос искусственного интеллекта рождает многочисленные взгляды и мнения на его природу. Так, А. А. Бессонов в одной из своих работ освещает проблему использования алгоритмов искусственного интеллекта при расследовании серийных преступлений [1], благодаря которым устанавливаются закономерности между такими показателями, как расстояние от места преступления до места жительства лица, его совершившего, количество нанесенных жертве повреждений и наличие у лица психического заболевания и прочее, что помогает при установлении лица, совершившего преступление, и обстоятельств по делу. Стоит отметить тот факт, что не так давно активно стали совершаться преступления, где орудием выступают цифровые технологии. Это способствовало развитию так называемой, цифровой криминалистики, ряду таких направлений, как «исследования в сфере криминалистической техники, предназначенной для поиска, фиксации и изъятия цифровых следов» [2]. Следом возникают вопросы: что есть цифровой след? Тождествен ли он следу, оставленному в виртуальной среде? Помимо этого, в поле зрения научных дискуссий бытует вопрос о наделении искусственного интеллекта определенным правовым статусом. В данном случае, по мнению автора, стоит обратиться к мнению Е. А. Мотовой: что «ИИ наделяют человеческими способностями думать, чувствовать, совершенствовать свои знания, т. е. очеловечивают его» [3].

Важно понимать, что представляет собой искусственный интеллект, соответствует ли естественному интеллекту. Изначально Джон Маккарти определял искусственный интеллект как «науку и инженерное дело, направленные на создание интеллектуальной машины, в особенности интеллектуальных компьютерных программ» [5]. В. К. Финн считает, что «ИИ – направление исследований компьютерной науки, в котором разрабатываются средства имитации усиления умственной активности человека... При этом отдельные способности естественного интеллекта реализуют компьютерные – интеллектуальные системы» [4]. Еще в 1950 г. Аланом Тьюрингом был поставлен острый философский вопрос «Может ли машина мыслить?» [6]. В результате появилось два мнения – гипотезы сильного и слабого интеллекта, согласно которым силь-

ный искусственный интеллект – «такая программа будет не просто моделью разума; она в буквальном смысле слова сама и будет разумом, в том же смысле, в котором человеческий разум – это разум» [7] (на сегодняшний день таких программ нет), и слабый ИИ выступает как средство/инструмент решения ряда задач.

По каким же критериям искусственный интеллект не соответствует естественному?

Естественный интеллект – это прежде всего качество психики. Психика, в свою очередь, представляет собой свойство высокоорганизованной живой материи (мозг). Одна из особенностей естественного интеллекта заключается в самообучении. К искусственному интеллекту это категорически не применимо. Искусственный интеллект базируется на алгоритмах, заранее заданном программировании, в то время как интеллект человека основан на когнитивных процессах, включая обучение, понимание, решение проблем, восприятие и эмоции. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что интеллект человека и искусственный интеллект несопоставимы – интеллект не может быть искусственным, что, в свою очередь, сразу наталкивает на мысль о ложной необходимости в его «очеловечивании», наделении правового статуса, признании правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. «Искусственный» интеллект – это средство/инструмент для решения поставленных человеком задач, не более.

«Отождествить» естественный и искусственный интеллекты, на наш взгляд, представляется единственно возможным способом, который подразумевает признание человека как высшего по своему развитию живого существа биороботом, что является неразрешимой задачей на основе современных фундаментальных положений философии и практически всех естественных наук.

Таким образом, наиболее оптимальным представляется отнесение искусственного интеллекта к категории эффективного инструмента познания человеком любых процессов и явлений, частным вариантом которых является криминалистически значимая информация, обрабатываемая в ходе судебно-экспертной деятельности.

Список литературы:

1. Бессонов А. А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2 (78).

2. Бессонов А. А. Искусственный интеллект как орудие преступлений и средство их расследования // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 г. Москва: Академия управления МВД России, 2023.

3. Мотова Е. А. Правовой аспект использования искусственного интеллекта в сфере противодействия коррупции // Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Д. Р. Алимова, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина и др.; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. Москва: Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.

4. Финн В. К. Искусственный интеллект: Методология, применения, философия. Москва: Красанд, 2011. 448 с. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_1779961#395 (дата обращения: 10.10.2023).

5. McCarthy J. What is artificial intelligence? URL: <http://wwwformal.stanford.edu/jmc/whatisai/> (дата обращения: 10.10.2023).

6. Turing Alan (October 1950), «Computing Machinery and Intelligence», Mind T. LIX (236): 433–460.

7. Джон Серль Разум мозга – компьютерная программа? URL: <https://psychosearch.ru/teoriya/psikhika/338-searle-john-razum-mozgakompyuternaya-programma> (дата обращения: 10.10.2023).

Андрей Юрьевич Сологубов,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: solo123q@yandex.ru

**Сущность уголовно-процессуальных обращений
в досудебном производстве
как правового средства защиты прав и законных интересов**

Аннотация

Уголовно-процессуальные обращения представляют собой главенствующее правовое средство защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса на досудебных стадиях. Они позволяют участникам уголовного судопроизводства, отстаивающим личный интерес по уголовному делу, взаимодействовать в форме жалоб, заявлений, ходатайств и иных видов процессуального обращения с органами предварительного расследования. Их сущность заключается в том, что они являются способом указания на незаконные действия или решения органов следствия и дознания, а также на действия других участников уголовного процесса. Помимо этого обращения способствуют обеспечению справедливости и законности уголовного судопроизводства, а также предотвращению злоупотреблений и процессуальных нарушений в процессе расследования уголовных дел органами предварительного расследования.

Ключевые слова и словосочетания: защита прав и законных интересов; право на обращение; виды обращений; прошение; требование; просьба.

В настоящее время в науке уголовного процесса наблюдается отсутствие исследований в области уголовно-процессуальных обращений в целом, сущности таких обращений в частности.

Защита прав и свобод человека и гражданина является одной из основных составляющих правового государства. Уместно привести суждение И. Н. Кондрата, заявляющего, что соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, которая определяет назначение, содержание и формы правоохранительной деятельности государственных органов [2, с. 31].

В различных судопроизводствах, таких как административном, гражданском, арбитражном и уголовном, существуют механизмы, обеспечивающие защиту и восстановление нарушенных прав. Такие

механизмы гарантируют соблюдение законности, обеспечивают справедливость и защищают права участников в данных производствах. В свою очередь уголовное судопроизводство по отношению к иным обладает высокой степенью государственного принуждения, носит повышенный юрисдикционный характер, в процессе затрагиваются конституционные права граждан, поэтому указанный механизм должен реализовываться в достаточно высокой степени.

По своему уголовно-процессуальному смыслу обращения, которые включают в себя заявления, жалобы, ходатайства и иные виды (требования, просьбы, замечания и возражения), выступают процессуальными средствами взаимодействия с лицом, ведущим производство по делу. То есть они являются тем сущностным универсальным элементом, позволяющим реализовывать, защищать, восстанавливать нарушенные права и законные интересы в рамках расследуемого уголовного дела. О. А. Максимов отмечает: «... ходатайства и жалобы в уголовно-процессуальном регулировании имеют одинаковое назначение. Они направлены на приведение в «действующее», «рабочее» состояние имеющегося у обращающегося права и, тем самым, направлены на организацию уголовно-процессуальной деятельности» [6, с. 107]. Однако помимо указанных, заявления являются «маховиком», который запускает в действие череду уголовно-процессуальных правоотношений. «Ходатайства и жалобы – не единственная форма обращения граждан, общественных организаций, трудовых коллективов в органы, ведущие уголовное судопроизводство» [4, с. 66], как пишет П. А. Лупинская, и с ней нельзя не согласиться. Наряду с ними она выделяет заявления и письма граждан, содержащие сведения о необоснованности процессуальных решений и других нарушений закона при производстве по уголовному делу. Впрочем, существо заявлений подлежит рассматривать более расширенно.

Итак, группу заявлений разделим на 2 блока:

- в первую входят заявления о конкретном волеизъявлении (заявление о преступлении, заявление о явке с повинной, заявление об отводе и т. д.). Именно такие заявления порождают правоотношения. Так, заявление о преступлении является полноценным поводом к началу этапа предварительной проверки, что образует определенный набор прав и обязанностей у лиц, непосредственно вовлеченных в нее. Однородные правоотношения порождает и заявление о явке с повинной, является добровольным обращением лица о совершенном им преступлении в правоохранительные органы. Аналогично можно утверждать и об отводах, целью которых выступает отстранения субъектов уголовного процесса от участия в нем,

помимо прочего, это играет немаловажную роль в определении процессуального статуса и обеспечении прав участников процесса.

- вторую составляют заявления, поданные в ходе различных процессуальных действий, именуемые возражениями участников уголовного судопроизводства против действий должностных лиц, которые не несут под собой существа обращения, а лишь констатируют определенный факт. К примеру, замечания к протоколу в ходе следственных действий. Лицо выявляет какую-либо неточность фразы, уточняет более точное время или же указывает на ошибку в ходе фиксации следователем (дознавателем) установочных данных лица, участвующего в ходе такого действия.

Приходим к выводу, что цель первой группы – призыв к органам предварительного расследования изучить существо обращения и по итогу принять конкретное решение (возбудить уголовное дело, разрешить отвод и т. д.). Изрядно схожую цель преследуют ходатайства и жалобы, которые направлены на защиту (восстановление) нарушенных прав, реализацию прав и законных интересов.

А. А. Давлетов и Р. Ш. Асанов отмечают, что публичный характер досудебного производства, в котором следователь самостоятельно направляет ход расследования, принимает решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, вынуждает участвующих лиц обращаться к нему с различными прошениями в защиту своих законных интересов [1, с. 8]. Такие прошения выражаются в виде различных просьб и требований. В научной литературе на протяжении долгого времени идут споры: «просьба или требование?». К примеру, С. В. Рудакова указывает на жесткую конкуренцию, возникающую между понятиями «просьба» и «требование» [7, с. 147].

По нашему мнению, обращение состоит в волеизъявлении участника уголовного судопроизводства, обличенное в процессуальную форму и выраженное в прошении, которое в зависимости от сущности носит просительный или требовательный характер. Однозначно утверждать о просьбе или же о требовании считаем нецелесообразным. Существуют нормы, закрепляющие, к примеру, ходатайства, которые подлежат удовлетворению априорно. В качестве примера можно привести ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, заявленное стороной защиты или потерпевшим после возбуждения уголовного дела (п. 1.2. ч. 1 с. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Указанное положение носит частный случай выражения сущности ходатайства через требование по отношению к общему массиву ходатайств, где сущностью является просьба.

Отдельные виды обращений выделены и закреплены в отдельные группы норм в УПК РФ, что говорит о высоком уровне значимости данного института. На это указывает и О. А. Максимов, заявляя, что универсальность института ходатайств и жалоб для всего уголовного судопроизводства подчеркивается прежде всего его нахождением в общих положениях Кодекса [5, с. 26].

Институт обращений необходимо понимать как единый правовой институт, к использованию которого могут прибегать участвующие в уголовном процессе частные лица независимо от их процессуального статуса с целью реализации своих прав и законных интересов в ходе производства по уголовному делу [3, с. 90].

И. В. Шепелин выделяет особую роль обращений, которая, по его мнению, состоит в активной гражданской позиции защиты прав на досудебных стадиях производства по уголовному делу [8, с. 109]. Действительно, определяя значение обращений, нельзя не отметить и то, что право на их заявления не ограничено во времени, такое право может быть реализовано в любой момент производства по уголовному делу.

Эффективное рассмотрение обращения позволяет обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства. Подача и рассмотрение обращений способствуют защите прав и законных интересов каждого участника судопроизводства, а также улучшению качества правосудия в целом. Это включает в себя защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого, а также потерпевшего, свидетелей и других участников на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

В завершение отметим: обращения являются ключевым институтом досудебного производства, который способствует достижению назначению уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. *Давлетов А. А., Асанов Р. III.* Ходатайства и иные обращения участников досудебного производства к следователю / Российский следователь. 2021. № 5.
2. *Кондрат И. Н.* Защита прав человека как системообразующая мера уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2013. № 6.
3. Курс уголовного процесса / [Арутюнян Анна Аветиковна и др.]; под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2017. 1278 с.

4. *Лутинская П. А.* Ходатайства и жалобы // Проблемы кодификации уголовно процессуального права: сборник статей. Москва, 1987.
5. *Максимов О. А.* Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2023. 595 с.
6. *Максимов О. А.* Ходатайство как способ защиты прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство: существенные черты // Мировой судья. 2019. № 2.
7. *Рудакова С. В.* Уголовно-процессуальное обжалование и ее система в отечественном досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук / Рудакова Светлана Викторовна. Краснодар, 2023. 564 с.
8. *Шепелин И. В.* Правовая природа и сущность обращений граждан на досудебных стадиях уголовного процесса // Современное право. 2013.

Михаил Юрьевич Степушов,
слушатель
Академия управления МВД России
E-mail: stepuchsov2016@mail.ru

**Проблемы совершенствования организации внешнего
взаимодействия при расследовании преступлений в сфере
экономической деятельности**

Аннотация

Автором рассматриваются важные вопросы организации внешнего взаимодействия органов предварительного расследования с контролирующими органами в части борьбы с экономической преступностью. Обращается внимание на то, что между взаимодействующими органами возникает немало проблем, в том числе управленческого свойства, которые негативно сказываются на качестве расследования уголовных дел экономической направленности. Предлагаются общие рекомендации по повышению эффективности такого взаимодействия, а также рассматриваются основные формы осуществления внешнего взаимодействия и их закрепление.

Ключевые слова и словосочетания: *внешнее взаимодействие органов предварительного расследования; экономическая преступность; предварительное расследование; формы взаимодействия; противодействие преступности; орган предварительного расследования; управленческое воздействие.*

Одним из приоритетных направлений государственной политики является вопрос обеспечения экономической безопасности. Научное сообщество и государственные органы совместными усилиями пытаются реализовать задачи, отмеченные в «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 [7]. Все это требует приложение общих усилий и особых форм сотрудничества органов различной отраслевой принадлежности.

При организации внешнего взаимодействия органов предварительного расследования с контролирующими и надзорными органами возникает немало проблем, в том числе и проблем управленческого свойства, которые негативно сказываются на качестве расследования уголовных дел экономической направленности, на своевременности и объективности привлечения виновных лиц к

уголовной ответственности и полноте возмещаемого ущерба. На это постоянно обращается внимание в научной литературе [3].

Источниками указанной проблематики можно определить разные обстоятельства объективного и субъективного толка. В числе объективных предпосылок проблем первое место занимает отсутствие адекватной нормативной базы, четко и непротиворечиво регламентирующей порядок совместных действий и обмена информацией между взаимодействующими органами. В значительной мере проблемы внешнего взаимодействия усугубляются особенностями организации и структуры некоторых государственных органов, их внутренними традициями и деловыми обыкновениями. К трудностям субъективного свойства можно отнести обстоятельства, порождаемые некомпетентностью и злонамеренностью сотрудников, их предвзятым отношением к органам расследования, что может выражаться в явном и скрытом саботаже, например в затягивании сроков предоставления сведений, и т. д.

Очевидно, что преодоление этих проблем предполагает устранение или сведение к минимуму причин, их порождающих. Для этого необходимо задействовать весь арсенал законных средств, в том числе и средств специфического управленческого воздействия (со стороны руководителей органов предварительного расследования) на активизацию и повышение эффективности взаимодействия.

Эффективность управленческого воздействия руководителя органа расследования во многом обуславливается знанием им правовой основы взаимодействия. Знание своих прав и обязанностей по взаимодействию, предусмотренных УПК РФ и ведомственными инструкциями, не исчерпывает необходимого информационного базиса. Успешность мероприятий по внешнему взаимодействию в не меньшей мере может определяться нормами, задающими направления и отдельные аспекты сотрудничества в нормативных актах взаимодействующих организаций. Это помогает избежать конфликтов и спорных ситуаций, расширяет источники мотивации взаимодействующих субъектов.

Так, например, рассматривая взаимоотношения следственных и налоговых органов, необходимо иметь представление о юридических нюансах, вытекающих из ведомственных источников и обзоров правоприменительной практики. Например, письмо ФНС России от 19.11.2012 № АС-4-2/19400 «О направлении материалов в следственные органы» определяет, какой перечень документов налоговые органы могут направлять в следствие в целях дальнейшего расследования уголовных дел о налоговых преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198–199.2 УК РФ [5]. В свою очередь, данный

перечень устанавливается протоколом № 1 от 6 марта 2012 г. № 221-15-12/ММВ-27-2/4 к Соглашению от 13.02.2012 об осуществлении взаимодействия между ФНС и Следственным комитетом России.

Примечательно в этом плане письмо ФНС России от 23.04.2014 № СА4-14/7872 «О доведении рекомендаций по взаимодействию территориальных налоговых органов с правоохранительными органами», которое направлено на разъяснение сотрудникам налоговой инспекции различных аспектов взаимодействия с правоохранительными органами, касающихся совершения преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, при регистрации индивидуальных предпринимателей и юридических лиц [4].

Сфера внешнего взаимодействия изобилует различными нюансами. Поэтому руководитель органа расследования должен знать и разъяснения высших судебных органов. Так, Постановление ФАС Поволжского округа от 10.04.2013 по делу № А57-16464/2012 гласит, что налоговые органы не могут направлять следователю материалы налоговой проверки в тот период, когда арбитражным судом проводятся обеспечительные меры в виде приостановления действия решения, принятого по итогам проверки [11].

Знание этих ведомственных запретов крайне важно для прочности доказательственной базы. В Московском округе ФАС постановлением от 22.05.2013 по делу № А4087900/12-107-469 признал неправомерными действия налоговой инспекции по выдаче справки о текущем состоянии расчетов по налоговым платежам, в которой были указаны сведения о наличии недоимки, однако не указано, что налогоплательщик утратил возможность ее взыскания по причине истечения сроков принудительного взыскания. Суд постановил, что указание в данной справке недостоверной информации является нарушением прав и законных интересов налогоплательщика [10]. Постановлением ФАС Уральского округа от 10.04.2013 № Ф09-2590/13 по делу № А60-35256/2012 суд посчитал незаконными действия налогового органа по предоставлению следователю справки о состоянии расчетов по налогам и сборам, где была указана сумма задолженности по взносам на обязательное пенсионное страхование, возможность взыскания которых также была утрачена [12].

Задача руководителей органов расследования заключается в том, чтобы своевременно инициировать разработку межведомственных нормативных документов, которые бы уточняли правовую базу взаимодействия, создавали четкие юридические критерии для обеих сторон взаимодействия. Это позволяет избегать неправомерных действий, повышать качество взаимодействия. В этой связи следует отметить соглашение «О создании межведомственных

рабочих групп», утвержденное совместным приказом МВД России, ФНС России и СК России от 03.09.2013 № ММВ-7-4/306/61/663@ [6]. Деятельность таких групп направлена, главным образом, на уточнение различных проблемных моментов, возникающих при сотрудничестве вышеуказанных органов при противодействии преступлениям экономической направленности.

Весьма актуальна руководящая и направляющая роль руководителя органа предварительного расследования в обеспечении мероприятий, направленных на возмещение вреда и возможную конфискацию имущества.

На практике в случае возбуждения уголовного дела экономической направленности в отношении неустановленного лица все равно, как правило, уже известно, какие лица будут его предполагаемыми фигурантами в дальнейшем. В связи с этим формальные препятствия для направления в соответствующие надзорные органы запросов об имуществе, принадлежащем указанным лицам, отсутствуют, несмотря на то, что они на этот момент могут еще не иметь никакого процессуального статуса. Руководитель органа расследования может организовать такие запросы в рамках предварительной проверки или же дать соответствующие указания следователю.

Таким образом, на момент задержания фигурантов по основаниям и в порядке, установленном ст. 91 и 92 УПК РФ, либо избрания в отношении них меры пресечения, что влечет приобретение ими статуса подозреваемого, у следователя уже будет в наличии информация об имуществе, что позволит немедленно обратиться в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество.

В том же случае, когда уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица, ситуация выглядит более интересной. Уголовно-процессуальный закон не содержит прямого указания на то, необходимо ли незамедлительно уведомлять об этом лицо, в отношении которого оно возбуждено. Существует лишь предусмотренная п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ обязанность следователя вручить подозреваемому копию постановления о возбуждении уголовного дела, однако, исходя из смысла статьи, это должно произойти на первом следственном действии с его участием, которое может произойти по истечению определенного времени с момента возбуждения уголовного дела. Таким образом, в принципе, у следователя в данном случае также имеется определенный временной промежуток для направления запросов в вышеуказанные органы и получения на них ответов. И здесь опять может помочь вмешательство руководителя органа предварительного расследования.

Дело в том, что в рамках управленческой этики взаимодействия должно осуществляться на паритетных началах, уважающих управленческую иерархию. Поэтому запрос в рамках внешнего взаимодействия, обращенный к руководителю органа, должен исходить тоже от руководителя. В нашем случае от руководителя органа предварительного расследования или даже от руководителя высшего ранга (если орган расследования является структурным элементом). Как верно отмечает А. Ф. Лубин, «следователь, в отличие от руководителей административной сферы, обладает меньшим набором рычагов управления, потому что ни один из участников взаимодействия по отношению к нему не находится в служебной зависимости» [2].

Важную роль в деятельности по расследованию преступлений экономической направленности играет взаимодействие следователя с таким органом, как Министерство юстиции РФ, у которого в подведомственности находится ряд экспертных учреждений, проводящих различные виды экспертиз [9]. Наиболее часто по анализируемым преступлениям приходится назначать почерковедческие экспертизы с целью установления принадлежности рукописного текста или подписей определенному лицу. Заключение таких экспертиз являются существенными доказательствами по делам, где фигурируют документы, отражающие те или иные хозяйственные операции (договора, товарные накладные, счета-фактуры, акты), а лица, которым предположительно принадлежат подписи в этих документах, уклоняются от дачи показаний.

Нередко при поручении проведения экспертизы конкретному эксперту возникает ситуация, когда для дачи объективного заключения необходимо предоставление дополнительных материалов в виде свободных или условно-свободных образцов почерка и подписи лица, в связи с чем эксперт направляет следователю соответствующий запрос, на время его исполнения приостановив производство экспертизы. Следователь в этом случае должен принять меры по получению дополнительных материалов, а если это не представилось возможным, дает эксперту необходимый ответ. Все это порождает затягивание срока проведения исследования, поэтому на практике более опытные следователи стараются в постановлении о назначении экспертизы сразу указывать об отсутствии в его распоряжении иных материалов, необходимых для производства экспертизы, чтобы избежать получения от эксперта запроса.

Важно также рассмотреть направления возможного совершенствования взаимодействия органов расследования с Росфинмониторингом, поскольку от его качества во многом зависит эффек-

тивность расследования уголовных дел экономической направленности, в том числе связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем. Как известно, Росфинмониторинг не является правоохранительным органом, поэтому его возможности во многом скованы, и он в основном может лишь проводить краткое «расследование» по запросам, направляемым из органов следствия или оперативных подразделений, после чего направлять соответствующие ответы.

Между тем, как отмечает Р. Жубрин, далеко не всегда информация поступает следователю оперативно. Зачастую при этом проходит определенный промежуток времени, что является недопустимым по причине наличия законодательно установленных процессуальных сроков расследования уголовных дел [1]. Во многом такое затягивание связано с отсутствием у территориальных управлений Росфинмониторинга возможностей самостоятельного поиска информации по поступающим запросам. Кроме того, иногда анализ ответов на запросы говорит о том, что сотрудники надзорного органа подходят к их исполнению формально, лишь путем принятия информации к сведению. Встречаются также и случаи укрывательства от учета информации, поступившей из Росфинмониторинга в правоохранительные органы, путем игнорирования ее регистрации или не приобщения к другим делам оперативного учета.

По некоторым уголовным делам органы следствия вообще не направляют в Росфинмониторинг запросы по финансовым операциям, а если направляют, то эти запросы не содержат достаточного количества информации для проведения необходимых проверочных мероприятий.

Если же Росфинмониторинг направляет в правоохранительные органы материалы о возможном совершении преступления, то зачастую их рассмотрение сопровождается волокитой, поскольку необходимо установить неправомерное происхождение имущества, являющегося предметом сомнительных сделок. Кроме того, орган следствия, принимая решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, а также о приостановлении или прекращении возбужденного дела, далеко не всегда делает это обоснованно.

Все указанное говорит об однозначном наличии необходимости совершенствования механизмов взаимодействия следственных органов с Росфинмониторингом, и происходить это должно, прежде всего, на нормативном уровне. В настоящее время действует совместный приказ Генпрокуратуры России № 309, МВД России № 566, ФСБ России № 378, ФСКН России № 318, ФТС России

№ 1460, Следственного комитета при прокуратуре РФ № 43, Росфинмониторинга № 207 от 05.08.2010 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем», положения которого уже во многом не являются актуальными [8]. В 2017 г. подготовлен проект нового приказа, однако до настоящего времени он не принят, что негативно сказывается на качестве совместной работы указанных ведомств. Кроме того, при необходимости следует проводить совместные совещания и встречи для устранения имеющихся проблем и вопросов, а также обсуждения содержания информации, передаваемой между органами. И основными фигурантами на этих совещаниях должны быть руководители органов предварительного расследования.

Существует и большое количество других проблемных аспектов, возникающих при взаимодействии органов расследования с контрольными и надзорными органами в рамках расследования преступлений экономической направленности. С каждым из указанных органов орган предварительного расследования взаимодействует в целях получения информации, имеющей значение для правильного и объективного расследования уголовного дела соответствующей направленности. Как правило, взаимодействие осуществляется в рамках направления соответствующих запросов либо допроса сотрудников по вопросам, находящимся в их компетенции. В любом случае для того, чтобы взаимодействие происходило в правильном направлении, руководитель органа предварительного расследования должен сам очертить круг той информации, которая ему требуется для расследования, и грамотно донести ее до соответствующего органа.

Расследование экономических преступлений зачастую сопряжено с острым дефицитом необходимых сведений. Особенно эта проблема актуальна применительно к информации, которую лицо, ведущее расследование по уголовному делу, не может получить самостоятельно в ходе проведения обычных следственных действий (допроса, обыска и т. д.), например, сведения об операциях по расчетным счетам физических и юридических лиц, информация об исчисленных и удержанных суммах налога, о регистрации и ликвидации организаций и индивидуальных предпринимателей, о движимом и недвижимом имуществе, принадлежащем лицу на праве собственности, в то время как данные сведения способны существенно повлиять на ход расследования уголовного дела и возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Для получения этих сведений орган предварительного расследования (и в первую очередь его руководитель) обязаны осуществлять внешнее взаимодействие с контролирующими и надзорными органами, деятельность каждого из которых связана с получением и обработкой определенного рода сведений. У всех субъектов взаимодействия должно быть понимание того, что именно на это следует обращать внимание еще на подготовительном этапе расследования преступления. В этом случае взаимодействие будет своевременным, а информация может быть использована максимально эффективно.

Список литературы:

1. *Жубрин Р.* Взаимодействие правоохранительных органов и Росфинмониторинга // Законность. 2007. № 11.
2. *Лубин А. Ф.* Взаимодействие субъектов расследования преступлений // Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики / под ред. В. Д. Грабовского, А. Ф. Лубина. Н. Новгород, 1995
3. *Лысов Д. С.* Подготовительный этап к расследованию экономических преступлений: особенности взаимодействия между правоохранительными и контрольными органами // Российский следователь. 2017. № 17.; *Аксенов Р. Г., Симанцов Ф. А.* К вопросу о принципах и формах взаимодействия следователя с общественными организациями и контролирующими органами при расследовании экономических преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 3 (13).
4. О доведении рекомендаций по взаимодействию территориальных налоговых органов с правоохранительными органами: письмо ФНС России от 23 апреля 2014 г. № СА-4-14/7872 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2014. № 21.
5. О направлении материалов в следственные органы [Электронный ресурс]: письмо ФНС России от 19 ноября 2012 г. № АС-4-2/19400. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. О создании межведомственных рабочих групп [Электронный ресурс]: приказ МВД России, ФНС России и СК России от 3 сентября 2013 г. № ММВ-7-4/306/61/663@ . Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем: приказ Генпрокуратуры России № 309, МВД России № 566, ФСБ России № 378, ФСКН России № 318, ФТС России № 1460, Следственного комитета при прокуратуре РФ № 43, Росфинмониторинга № 207 от 5 августа 2010 г. // Вестник Следственного комитета при прокуратуре РФ. 2010. № 3–4.

9. Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации: приказ Минюста Рос. Федерации от 20 декабря 2002 г. № 347// Рос. газ. 2003. 25 янв.

10. Постановление ФАС Московского округа от 22 мая 2013 г. № А40-87900/12-107-469 // Обзор арбитражной налоговой практики. 2013. № 4.

11. Постановление ФАС Поволжского округа от 10 апреля 2013 г. № А57-16464/2012 // Обзор арбитражной налоговой практики. 2013. № 6.

12. Постановление ФАС Уральского округа от 10 апреля 2013 г. № Ф09-2590/13 // Обзор арбитражной налоговой практики. 2013. № 7.

Павел Андреевич Тимченко,
адъюнкт
Академия Управления МВД России
E-mail: kakapa@mail.ru

К вопросу о проверке сообщений о преступлениях экономической направленности

Аннотация

В статье рассмотрены проблемные вопросы процессуального характера, возникающие при производстве проверки сообщения о преступлении по уголовным делам экономической направленности. Определены возможные пути оптимизации правоприменительной практики с учетом законности при производстве по уголовным делам и изложен ряд предложений по изменению действующего законодательства.

Ключевые слова и словосочетания: преступления экономической направленности; обыск; выемка; возбуждение уголовного дела; проверка сообщения о преступлении; судебная экспертиза; заключение эксперта; участники проверки сообщения о преступлении.

Проблема экономической безопасности и противодействия коррупции в Российской Федерации является одним из ключевых направлений деятельности правоохранительных органов, поскольку экономическое благополучие государства выступает прежде всего гарантом поддержания всей социальной сферы общества, не говоря уже о других, не менее важных отраслях жизни населения.

В связи с этим вопросами противодействия экономической преступности занимаются не только представители правоприменительной практики и научного сообщества, но и политические деятели, представители общества и государства.

Принимая участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России, Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что в условиях санкционного давления и принимаемых государством антикризисных мер особое внимание необходимо уделить защите экономики страны от противоправных посягательств.

Особое внимание обращалось на правоприменительную практику обоснованности возбуждения уголовных дел в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Акцентиро-

валось на том, что в случае, когда изначально отсутствует «судебная перспектива», не следует дестабилизировать деятельность трудовых коллективов и предприятий, однако не стоит забывать и о соблюдении законности¹.

Исходя из статистических данных судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации за январь – июнь 2023 г., за совершение ряда преступлений в сфере экономической деятельности осуждено 5 423 лиц, по преступлениям коррупционной направленности – 2 070 граждан².

При этом, исходя из данных ГИАЦ МВД России за 6 месяцев 2023 г., выявлено 67 395 преступлений экономической направленности, из которых по 46 225 (68,6 %) было принято решение о возбуждении уголовного дела, а по 6674 (10 %) принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а в 2022 г. было зарегистрировано 111 429 сообщений о преступлениях, по которым возбуждено 79 229 (71,1 %), отказано 18 277 (16,4 %)³.

Указанные тенденции свидетельствуют о том, что качество рассмотрения сообщений о преступлениях движется в сторону отрицательного показателя, что сказывается прежде всего на правоохранительной деятельности в целом.

Характеризуя в целом эффективность борьбы с преступностью, Б. Я. Гаврилов, с позиции ученого и правоприменителя, отмечает тот негативный факт, что само наличие стадии возбуждения уголовного дела в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ)⁴ повлекло за собой сокращение в два раза за период с 2006 по 2023 гг. количества возбужденных уголовных дел и увеличение, одновременно, за этот же период количества вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела при сокращении количества регистрируемых преступлений с 3 853 млн до 1 947 млн, что составляет 197,9 % [1].

¹ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД в городе Москва 20 марта 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/eve/ets/preside/et/tra/escrpts/deliberatio/70744> (дата обращения 12.11.2023).

² Статистические данные судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.22.2023).

³ Об утверждении и введении в действие формы федеральной статистики наблюдения № 1-Э: отчет по форме 1-Э, установленной приказом Генеральной прокуратуры России от 27 февраля 2017 г. № 89.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Однако существенных изменений, направленных на совершенствование порядка производства проверки сообщения о преступлении общеуголовной направленности, законодателем произведено не было.

Между тем Федеральным законом от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» внесены значительные изменения, касающиеся этапа проверки сообщения по уголовным делам экономической направленности, а именно п. 1.3 части 1 ст. 140 УПК РФ выделен новый повод для возбуждения уголовного дела, но по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 198–199.2 УК РФ, коим стали «материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела»¹.

Существенные изменения не обошли и порядка производства проверки, сообщения о преступлении, поскольку в новой редакции частями седьмой, восьмой и девятой ст. 144 УПК РФ разъяснен алгоритм производства проверки сообщения о преступлении по делам экономической направленности (ст. 199.3 и 199.4 УК РФ), из чего автором публикации делается вывод о том, что законодатель стоит на стороне совершенствования стадии возбуждения уголовного дела, а не ее полного реформирования.

В научном сообществе указанные изменения вызвали значительный резонанс. Так, П. Г. Сычёвым высказывалось мнение касемо «благих целей законодателя» в стремлении защитить лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, для этого необходимо учитывать и необходимость доработки системы разделения производства по уголовным делам экономической направленности на строго научной основе, дабы это повысило эффективность уголовного процесса в тех случаях, когда совершаются особо опасные преступления, наносящие серьезный вред экономической безопасности России [4].

При этом не стоит забывать о том, что, выделяя предпринимателей на фоне остальных граждан в рамках равенства всех перед законом, законодателем на легальной основе формируется так называемая «каста» людей, которые будут уверены в том, что при совершении ими противоправных действий экономической направленности

¹ О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1601.

производство по уголовному делу будет вестись в особом порядке с уклоном на оправдательную практику.

Особенности формирования состава преступления по экономическим преступлениям формируют перед правоприменителем ряд требований, дабы разграничить совершенное деяние как преступление и гражданско-правовое отношение.

Так, по ряду экономических преступлений необходимо изъятие предметов и документов, регламентирующих порядок деятельности юридического лица либо индивидуального предпринимателя для последующего успешного производства судебной экспертизы либо составления акта ревизии.

Однако вопрос о регламентации порядка изъятия предметов и документов, указанных в ст. 144 УПК РФ, законодателем до сих пор не решен, так как фактически указанные действия описаны ст.ст. 182 УПК РФ (обыск) и 183 УПК РФ (выемка), в связи с чем практикующим работникам органов предварительного расследования необходимо самостоятельно решать пробел в законодательстве, производя изъятие посредством осмотра места, предусмотренного ст. 176 УПК РФ, происшествия либо протоколом изъятия предметов и документов, предусмотренным ст. 27.10 КоАП РФ¹, о чем в своих работах неоднократно заявляют представители научного сообщества [5].

Между тем, как указывает Б. Я. Гаврилов, актуальность проблемы законности изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела также относится и к получению образцов для сравнительного исследования, в связи с назначением и производством судебной экспертизы, обусловлена и еще одним обстоятельством, не менее значимым с точки зрения признания судом заключения эксперта допустимым доказательством [2].

Ряд проблем, в особенности возникающий при производстве проверки сообщений о преступлениях экономической направленности, также касается производства судебной экспертизы и производства на основании требования, в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ, документальных ревизий, о чем в своих работах упоминает Н. С. Расулова, указывая на то, что действующая конструкция норм ст. 144, 195 и 198 УПК РФ регламентирует порядок производства и назначения судебных экспертиз [3].

При производстве судебной экспертизы, на этапе проверки сообщения о преступлении, правоприменитель фактически осу-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2002. № 1. (Ч. 1). Ст. 1.

ществляет свою деятельность в условиях, когда доказательства могут быть признаны недопустимыми, поскольку законодателем до сих пор не решен вопрос, возникающий в правоприменительной практике, касаясь ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, которая прямо указывает на то, что «если при возбуждении уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению».

При этом стоит учитывать позицию Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой если лицо на момент назначения и производства судебной экспертизы не имело статус подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего, то оно должно быть ознакомлено с соответствующими документами одновременно с признанием его таковым¹.

Аналогичной позиции придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации, однако указывается на наличие у органа предварительного расследования фактической информации о лице, причастному к преступлению. То есть «при отсутствии объективной невозможности» ознакомление является обязательным².

На наш взгляд, указанное противоречие правоприменительной практики и законодательства вызывает лишь гряду бюрократических издержек, которой приходится заниматься органам предварительного расследования при производстве проверки сообщений о преступлениях и непосредственно предварительного расследования.

При этом стоит учитывать, что ряд судебных экспертиз (как, например, по делам о наркотических веществах или оружии) невозможно произвести без частичного или полного уничтожения исследуемых объектов, что в последующем ставит под сомнение всю суть проводимого исследования.

Не говоря уже о том, что указанный пробел в законодательстве является одним из инструментов затягивания сроков расследования уголовного дела, поскольку некоторые судебные экспертизы,

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) // Рос. газ. 2010. № 296.

² По жалобе гражданина Авчинникова Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 5 февраля 2015 г. № 235-О. URL: <https://www.consulta.net.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&№=419635#rYztC5Uoz6zICKfM1> (дата обращения: 20.12.2023).

при значительном объеме материалов, направленных на исследование, применении продолжительных по времени методик исследования, а также при наличии в производстве у эксперта значительного количества экспертиз¹, могут проводиться длительное время, поскольку, фактически, законодательно не ограничены в сроках их проведения.

В качестве вывода автором публикации предлагается:

- первое, это прежде всего внести изменения в ст. 144, 182 и 183 УПК РФ, осуществив регламентацию порядок проведения изъятия предметов и документов в ходе проверки сообщения о совершении преступления таким образом, чтобы разрешить проведение этих следственных действий до принятия решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела;

- второе, это необходимость внесения в раздел VII УПК РФ нормы, регламентирующей правовой статус лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, где необходимо зафиксировать комплекс прав и обязанностей заинтересованных лиц в рамках указанной проверки (прежде всего регламентировав порядок ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключения эксперта);

- третье, это необходимость создания единой практической позиции касательно ознакомления участников проверки сообщения о преступлении с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта, дабы устранить все коллизии в законодательстве.

Список литературы:

1. *Гаврилов Б. Я.* Значение уголовно-процессуального законодательства в повышении эффективности борьбы с преступностью // *Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов XI Международной научно-практической конференции*, Могилев, 7 апреля 2023 г. Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2023.

2. *Гаврилов Б. Я.* К вопросу об эффективности судебно-экспертной деятельности в досудебном уголовном судопроизводстве // *Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической кон-*

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 27.09.2023) // *Рос. газ.* 2005. № 191.

ференции, Санкт-Петербург, 2 декабря 2022 г. / сост. А. Р. Акиев, Т. А. Бадзгарадзе. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023.

3. *Расулова Н. С.* Особенности назначения и производства судебной экспертизы по преступлениям в сфере экономики / Н. С. Расулова // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 4.

4. *Сычев П. Г.* Законодательные новации производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: политика Doing Business продолжается // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 17 ноября 2022 г. Москва: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2023.

5. *Шараева Я. А.* К вопросу об изъятии предметов и документов при проверке сообщений и заявлений о преступлениях / Я. А. Шараева, Ю. С. Мандрыка // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 1 (88).

**Соотношение признаков заинтересованности
в уголовном процессе, уголовном праве
и антикоррупционном законодательстве**

Аннотация

В статье рассматривается понятие «заинтересованности». Проведено сравнение со схожими понятиями в других отраслях права. Выделены признаки заинтересованности.

Ключевые слова и словосочетания: *заинтересованность; отвод; материальный интерес; моральный интерес.*

Понятие «заинтересованность» выступает ключевым при исследовании целого комплекса проблем уголовного судопроизводства. Особое значение разработка данного понятия приобретает в контексте изучения закономерностей уголовно-процессуальных правоотношений, связанных с отводом отдельных участников процесса. На наш взгляд, недостаточная научная разработанность данного понятия не позволяет отграничивать реальные факты заинтересованности должностных лиц от случаев злоупотребления стороной защиты правом заявлять отвод, когда фактические основания для этого отсутствуют. Полагаем, что выявление сущностных признаков заинтересованности будет способствовать более эффективной оценке обстоятельств, могущих повлечь отвод того или иного участника производства и принять законное и обоснованное процессуальное решение.

В нормах гл. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентирующих основания, порядок и круг лиц, подлежащих отводу, также как и в положениях ст. 5 УПК РФ, не содержится нормативного определения заинтересованности. В данном случае законодатель пошел по другому пути. В уголовно-процессуальных нормах закреплены обстоятельства, которые могут свидетельствовать о заинтересованности и одновременно являются основаниями для отстранения лица от участия в производстве по уголовному делу. При этом указанные обстоятельства дифференцированы на две категории: прямо закрепленные

в норме – *определенные* – участие судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя в производстве по данному уголовному делу в качестве потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или свидетеля, его близкое родство либо родство с любым из участников производства по данному уголовному делу и др.); *неопределенные* – дающие основание полагать, что указанные лица лично, прямо или косвенно заинтересованы в исходе данного уголовного дела [1].

Безусловно, закрепление в положениях закона даже открытого перечня оснований для отвода участника процесса дает определенные ориентиры для лица, принимающего соответствующее процессуальное решение. Однако это не дает ответа на вопрос: а что же такое «заинтересованность» в принципе?

Полагаем, что познание данного явления применительно к правовой сфере требует обращения к иным отраслям права, где используются его специфические качественные признаки.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в ряде статей оперирует термином «иная личная заинтересованность», что в ряде составов преступлений является одним из обязательных признаков для квалификации преступного деяния [2]. В УК РФ также, как и в УПК РФ, отсутствует нормативно закрепленное определение заинтересованности, однако в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 данное понятие разрывается через признаки понятий «иная личная заинтересованность» и «корыстная заинтересованность». Так, согласно п. 16 указанного постановления под иной личной заинтересованностью предлагается понимать: «стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.». В свою очередь под корыстной заинтересованностью понимается: «стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.)» [3]. Таким образом, определив сущность данных понятий, Верховный Суд РФ нацеливает судей на установление в той или иной степени конкретизированных обстоятельств, свидетельствующих о заинтере-

ресованности, которая выражается исключительно в личной выгоде имущественного или неимущественного характера.

Термин «заинтересованность» также рассматривается в антикоррупционном законодательстве: так, в ст. 10 Федерального Закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон «О противодействии коррупции») личная заинтересованность понимается в более узком смысле, а именно как «возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) лицом, и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми лицо, и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями» [4]. Другими словами, под личной заинтересованностью понимаются только те обстоятельства, при которых заинтересованное лицо либо его родственники могут получить материальную выгоду тем или иным способом. Также в ч. 1 ст. 10 данного федерального закона указано, что под конфликтом интересов стоит понимать такие ситуации, «при которых личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [4].

Таким образом, термин «заинтересованность» используется в различных отраслях права, однако в каждой из них данный феномен обладает собственными специфическими признаками, детерминированными самостоятельным предметом правового регулирования.

Заинтересованность в уголовном праве выступает как обязательный признак субъективной стороны некоторых составов преступлений, поэтому *первым* характерным признаком заинтересованности в сфере уголовных правоотношений является *преступность* такого рода «интереса». Совершение действий, не выходящих за рамки компетенции должностного лица, однако существенно нарушающих права других лиц, будут квалифицироваться как преступление. *Второй* признак «преступной» заинтересованности – преступной является ее *связь с совершением конкретных виновных, противоправных, общественно опасных, уголовно наказуемых деяний*. В отличие от заинтересованности в уголовном процессе, где наличие, к примеру, социальных связей, процессуального статуса или иных «статичных» фактов уже влекут процессуальные последствия,

в уголовном праве заинтересованность должна быть реализована в рамках определенного преступного умысла. *Третьим* признаком заинтересованности в уголовном праве может считаться ее *цель* – личная выгода имущественного или неимущественного характера. При этом стоит отметить, что выгода неимущественного характера хоть и не подразумевает приобретения каких-либо материальных благ, однако по своей сути заключается в улучшении собственного положения нематериальными средствами.

Отличительными признаками заинтересованности в антикоррупционном законодательстве являются: *приобретение исключительно материальной выгоды* при реализации лицом своего незаконного интереса, *вариативность неблагоприятных последствий* в случае совершения такого деяния, а также то, что правовые последствия возникают не только в связи с осуществлением незаконных действий лицом, но и просто *при наличии определенных обстоятельств*, закрепленных в Законе «О противодействии коррупции». Вариативность наказания заключается в применении к лицу не только санкций, предусмотренных УК РФ, но и иных видов юридической ответственности – административной, гражданско-правовой и дисциплинарной. Под определенными обстоятельствами, закрепленными в Законе «О противодействии коррупции», понимаются те запреты и ограничения, которые налагаются на лиц во исполнение требований данного закона, для обеспечения надлежащего, объективного и беспристрастного исполнения ими должностных (служебных) обязанностей. Таким образом, наличие таких фактов уже само по себе порождает правоотношения либо наступление юридических последствий для заинтересованного лица.

Полагаем, заинтересованность в уголовном процессе имеет определенные общие черты с заинтересованностью в антикоррупционном законодательстве. Обстоятельства, свидетельствующие о заинтересованности в указанных сферах правоотношений, учитываются «в статике», вне связи с теми или иными противоправными деяниями. Кроме того, заинтересованность в уголовно-процессуальных отношениях, так же, как и в «антикоррупционных», может служить предметом собственной оценки субъектом и основанием для принятия самостоятельного юридически значимого решений с целью предотвращения либо нивелирования социально нежелательных последствий, например решения о самоотводе. Последним и, возможно, самым значимым отличительным признаком уголовно-процессуальной заинтересованности является отсутствие материальной или иной выгоды. В противном случае характер и соответствующая квалификация заинтересованности будут рас-

смачивается в плоскости иных правоотношений – уголовных или антикоррупционных. Сущность заинтересованности в уголовном судопроизводстве заключается, как писал И. Я. Фойницкий, в том, что «всякий, заинтересованный в определенном исходе дела, есть как бы сторона в нем, для него данное дело становится его делом» [5, с. 290]. Поэтому такого рода интерес, на наш взгляд, связан не с материальной выгодой, а с определенными личными устремлениями и мотивами, основанными на иных ценностных установках потенциально или фактически заинтересованного в определенном исходе дела лица.

Подводя итог, необходимо отметить, что выявленные сущностные признаки понятия заинтересованности, весьма специфичные для различных отраслей правоотношений, позволяют рассматривать данное правовое явление в уголовном процессе в широком – комплексном и в узком – уголовно-процессуальном смысле. При этом среди особенных признаков уголовно-процессуальной заинтересованности следует выделить отсутствие у заинтересованного лица мотива извлечения материальной или иной выгоды и не наступление неблагоприятных для заинтересованного лица последствий при соблюдении установленной процедуры отвода.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.10.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.10.2023).
3. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 октября 2009 г. № 19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 10.10.2023).
4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 10.10.2023).
5. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Изд. 4-е. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1912. Т. 1. 577 с.

Понятие, сущность и содержание правового положения несовершеннолетнего

Анотация

Совершенствование уголовно-процессуального комплекса в части обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних невозможно при игнорировании органами предварительного расследования особенностей правового положения данной категории лиц. Недостаточная степень эффективности правовой защиты лиц, не достигших совершеннолетия, вызывает негативный общественный резонанс, в силу чего законодателем значительно повышено внимание к проблемам правового положения несовершеннолетних. Целью является раскрытие самого понятия правового положения несовершеннолетнего, сущности и его содержания с точки зрения автора публикации.

Ключевые слова и словосочетания: *несовершеннолетний; правовое положение; конституционный статус; правосубъектность; представительство; уголовно-процессуальный статус.*

Правовое положение личности, включая несовершеннолетнего, автор в своей публикации мыслит, как диалектическое единство «общего», «особенного» и «единичного» вне зависимости от *de futurum, de facto* и *de jure*, в связи с чем предлагается подробно рассмотреть указанные составляющие.

«Общее» правового положения субъекта права представляется некой системой в лице непосредственно государства, а также иных субъектов (граждане, лица без гражданства, беженцы, несовершеннолетние и др.). Государство в указанной концепции отражает конституционный статус личности, выражающийся в правилах, определяющих положение человека в обществе, регламентирующих его взаимоотношения с государством, его органами и другими гражданами.

Конституционный статус личности отражает объективно-существующую действительность и, как всякие правовые отношения, «коренится» в материальных отношениях. Он составляет основу

правового положения личности и, имея самостоятельное значение, данный статус в значительной мере реализуется путем издания дополнительных правовых установлений, относящихся к сфере текущего законодательства. Совершенствование конституционного статуса прямо и непосредственно сказывается на отраслевых статусах гражданина [3, с. 48].

Вышеуказанный статус охватывает основные, исходные характеристики государственного-правового положения личности, которыми являются: 1) гражданство; 2) правосубъектность; 3) основные права и свободы граждан; 4) обязанности; 5) гарантии их осуществления.

Гражданство, как принадлежность человека к определенному государству, есть необходимая предпосылка правообладания. Оно означает состояние, проявляющееся в отношениях личности с государством, и выражается, в частности, в обозначении их взаимных прав, обязанностей и ответственности. Российское государство обеспечивает правовой защитой не только граждан Российской Федерации, но и иностранцев, лиц без гражданства, однако в полном объеме права и обязанности устанавливает исключительно для российских граждан. С гражданством, как с необходимым условием правообладания, тесно связано определенное общественно-юридическое состояние, выразившееся в способности иметь права (правоспособность) и возможности самостоятельно осуществлять принадлежащие гражданину права и обязанности в полном объеме (дееспособность), в цивилистическом определении – правосубъектность.

В этой связи справедливым представляется мнение В. В. Шиমানовского, который отмечает, что комплекс проблем, связанных с уголовно-процессуальной дееспособностью, не получил достаточного обоснования в теории и закреплении в законодательстве [10, с. 60], на основании чего автор делает вывод о том, что признание несовершеннолетнего дееспособным в полном объеме является исключением, а не нормой. Например, факт объявления несовершеннолетнего эмансипированным влечет за собой изменение правового положения несовершеннолетнего лица исключительно в гражданских и некоторых семейных правоотношениях, но не в уголовно-процессуальных [7, с. 195].

Объем и содержание основных прав и свобод личности, закрепляемых Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция, Основной закон), характеризует политический режим государства, его отношение к гражданину как к личности. Предоставляя права и свободы, государство берет на себя обязанность обеспечить их защиту и возможность реализации. В главе второй Конституции

закреплены основные права и свободы человека и гражданина. Так, М. С. Строгович высказывал точку зрения о том, что свобода тоже есть некое право [8, с. 31].

Одновременно Конституция Российской Федерации прямо обращает внимание на неотделимость осуществления прав и свобод от исполнения обязанностей (ч. 2 ст. 15), так как они являются важным элементом конституционного статуса личности. Без наличия обязанностей статус личности нельзя представить также, как и правовые отношения. Действительно, Конституция закрепляет основные обязанности граждан, однако отдельные из них фиксируются в конституционных нормах совместно с правами и свободами ввиду невозможности их раздельного существования.

Переходя к исследованию гарантий конституционного статуса личности, автор отмечает, что в научном сообществе нет единого мнения относительно вопроса понимания правовых гарантий статуса личности. В частности Н. В. Витрук к гарантиям относит специальные правовые средства [1, с. 29], также существует точка зрения об отнесении к гарантиям всего порядка правового регулирования, принципов права, процессуальную форму.

Гарантиями конституционных прав и свобод личности выступают правовые средства, с помощью которых гражданам обеспечивается охрана и реальная возможность их использования. Например, гарантия права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22) обеспечивается установлением, содержащимся непосредственно в этой же норме, согласно которому никто не может быть подвергнут аресту, заключению под стражу и содержанию под стражей иначе как на основании судебного решения.

Регламентируя взаимоотношения государства и личности, наделяя граждан правами и возможностями, Конституция Российской Федерации и текущее законодательство закрепляют определенное положение личности в обществе, именуемое «правовым» [3, с. 48]. В конституционном праве основы правового положения личности зачастую понимаются как «общий (конституционный) статус» и «конституционно-правовой статус». Автор разделяет мнение Л. Н. Дегтяревой, которая поясняет, что применение понятия «основы правового положения личности» обусловлено спецификой отрасли конституционного права как ведущей в системе российского законодательства, заключающейся в сосредоточении основополагающих элементов, которые являются исходными для любого отраслевого статуса и, соответственно, игнорировать их невозможно [2, с. 9].

«*Особенное*» правового положения личности. Несовершеннолетний же, помимо конституционного статуса, наделен специальным правовым статусом, так как относится к определенной категории граждан. Его правовое положение, помимо общего правового статуса, могут дополнять особенности в связи с наличием у него каких-либо льгот, ограничений, прав и обязанностей. С учетом этих обстоятельств, несовершеннолетний имеет также и индивидуальный статус, характеризующийся наличием персональных прав и обязанностей в связи с возрастом, полом, семейным положением и т. д. Индивидуальный статус, в свою очередь, имеет определенные свойства, из которых можно выделить его изменчивость и динамичность.

По мнению автора, одним из главных критериев, отличающих несовершеннолетнего от иных субъектов уголовно-процессуального права, является его возраст. Международные правовые акты, как правило, определяют границу несовершеннолетия, составляющую достижение 18-летнего возраста, но зачастую можно встретить примечание «если иной возраст не установлен национальным законодательством» [6, с. 195].

С теоретико-правовой точки зрения и в подтверждение суждения автора, верным представляется утверждение Э. Б. Мельниковой, что несовершеннолетний – это «человек, не достигший определенного возраста, с достижением которого закон связывает его полную дееспособность, то есть реализацию в полном объеме провозглашенных человеку и гражданину конституцией и другими законами страны субъективных прав и юридических обязанностей» [5].

Сущность правового поля несовершеннолетнего гражданина регламентирует также и отраслевое законодательство, наделяющее его возможностью исполнения прав и законных интересов в деятельности тех или иных общественных отношений.

Таким образом, основу правового положения личности составляют конституционные правила взаимоотношений государства и гражданина, общества и личности, распространяющиеся на всех граждан, участвующих в уголовном процессе, независимо от их конкретной процессуальной роли. Определение их процессуальной роли сопровождается дополнительной регламентацией исходного положения субъекта права, в результате чего создается статус конкретного субъекта правоотношения [6, с. 195]. Исследование «*особенного*» в данной публикации сконцентрировано непосредственно на несовершеннолетнем гражданине, его правовой природе в целом, которая раскрывает сущность несовершеннолетнего с точки зрения права, при этом не вовлекая его в какие-либо правоотношения.

«Единичное» правового положения личности. Далее отметим, что неотъемлемой частью правового положения несовершеннолетнего субъекта уголовно-процессуального права являются принципы, предусмотренные не только конструкцией его конституционного статуса, но и принципы отраслевого законодательства. Законодательно закрепленные в Конституции РФ принципы в своей совокупности составляют правовую базу, положения которой конкретизируют общие государственно-личностные связи применительно к конкретной сфере государственно-правовой деятельности, в данном случае, и при возникновении уголовно-процессуальных отношений.

Несовершеннолетний субъект уголовно-процессуального права испытывает на себе влияние всех принципов уголовного процесса, выразившихся в гуманистическом отношении законодателя к личности несовершеннолетнего.

Правовое положение несовершеннолетнего обусловлено основанными на Конституции Российской Федерации принципами уголовного судопроизводства, так как они формируют его содержание и обеспечивают реализацию прав несовершеннолетнего в рамках закона. Данная связь обусловлена правовой сущностью и природой принципов уголовного судопроизводства, выступающих в роли исходных, основополагающих начал уголовного процесса, которые закреплены в нормах права, определяют структуру и жизнеспособность процесса и его отдельных институтов [7, с. 124]. В качестве одной из наиболее существенной гарантии в уголовном судопроизводстве выступает институт представительства.

Учитывая вышесказанное, автор разделяет точку зрения В. Н. Хропанюка, который отмечает, что представительству присущи все черты, которые, с точки зрения теории права, позволяют причислить его к правовому институту, поскольку своим содержанием он обладает комплексом юридических норм, регулирующих однородные и взаимосвязанные общественные отношения, складывающиеся в связи с оказанием одним лицом (представителем) юридической и (или) иной помощи другому лицу (представляемому) в защите его прав и отстаивании законных интересов в уголовном судопроизводстве [9, с. 213].

По своей правовой природе и совокупности признаков представительство воспринимают как систему, в структуру которой входят ее виды: законное и договорное. Наделение лица полномочиями законного представителя несовершеннолетнего связано с отсутствием у последнего дееспособности, а потому происходит на осно-

вании прямого указания закона и не зависит от воли и желания представляемого лица [4, с. 242].

Помимо законного действующим законодательством предусмотрено и договорное представительство участников уголовного судопроизводства. Основанием возникновения у лица полномочий договорного представителя выступает соглашение, в соответствии с которым определенное лицо принимает на себя обязанность по оказанию помощи участнику процесса в ходе производства по уголовному делу [10, с. 60]. Законодатель также четко «очерчивает» круг лиц, могущих быть представителями на договорной основе.

Являясь участником уголовно-процессуальных правоотношений, несовершеннолетний наделяется определенными правами, которые зависят от его процессуального статуса. Традиционный подход в теории уголовного процесса классифицирует участников судопроизводства, основываясь на дифференциации уголовно-процессуальных функций обвинения, защиты и правосудия. Кроме того, принято выделять участников, не имеющих самостоятельного правового интереса в исходе уголовного дела, – иных участников (например такой субъект правоотношения, как свидетель). С учетом этих обстоятельств, правовое положение позиционирует субъекта среди других участников уголовно-процессуальных отношений, влияя на характер их взаимодействия и позволяя сформировать действенную систему гарантий, обеспечивающих законность процессуальной деятельности [3, с. 48].

Рассмотрев правовое положение несовершеннолетнего как трехступенчатую систему указанных категорий, образующих структуру, элементы которой соотносятся как «общее», «особенное» и «единичное», автор приходит к выводу, что конституционный статус, являясь основой всего правового положения, определяет исходные начала отраслевого уголовно-процессуального статуса несовершеннолетнего субъекта правоотношения. На базе последнего осуществляется регулирование правового положения конкретных участников процесса.

Список литературы:

1. Витрук Н. В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав граждан. Москва, 1964.
2. Дегтярева Л. Н. Теоретико-правовые основы защиты конституционных прав и свобод несовершеннолетних в России: монография. Тамбов, 2017.

3. *Корнуков В. М.* Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1987. 48 с.
4. *Мартыненко С. Б.* Представительство несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: Санкт-Петербург, 2000.
5. *Мельникова Э. Б.* Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учебное пособие. Москва, 2000.
6. *Солонникова Н. В.* Проблемы процессуальной дееспособности несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве: досудебное производство: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Солонникова Нина Валерьевна. Краснодар, 2008. 195 с.
7. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Москва, 1968. Т. 1.
8. *Строгович М. С.* Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права. Москва, 1966.
9. *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права. Москва, 1993.
10. *Шимановский В. В.* Уголовно-процессуальная дееспособность и вопросы представительства на предварительном следствии // Эффективность уголовно-правовых и процессуальных норм в борьбе с преступностью: межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 1993.

Цифровые технологии vs «финансовых пирамид»

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы противодействия такому виду преступления, как мошенничество, совершенное по признаку создания «финансовых пирамид». Обосновываются перспективные направления применения цифровых технологий в борьбе с данным видом уголовно наказуемого деяния, а также использования результатов их применения следователем. Констатируется, что использование цифровых технологий способно качественно повлиять на выявление, предупреждение, пресечение и расследование указанного вида преступления.

Ключевые слова и словосочетания: *«финансовая пирамида»; мошенническое действие; следователь; цифровая технология; искусственный интеллект».*

В истории нашего государства 90-е г. XX в., несомненно, можно охарактеризовать временем колоссальных перемен. Это распад СССР, экономический и политический кризис в России, ряд локальных межэтнических конфликтов, значительный рост уровня преступности и многое другое. На этой почве происходит стремительное создание самых разнообразных способов совершения преступления, одним из которых становится новый вид мошеннических действий, совершаемый по принципу «финансовых пирамид», который получил массовое распространение как в России, так и за рубежом, и важно отметить, пользуется популярностью среди лиц, совершаемых преступления в экономической деятельности, и по сегодняшний день.

^{Ес}ли обратиться к генезису данного преступления в англоязычных странах, то там данный вид мошенничества получил название «Схема Понци». В начале XX в. в США итальянский эмигрант Чарльз Понци занял деньги у знакомого и основал Компанию по обмену ценных бумаг, выдавая долговые расписки и обязуясь на каждые полученные 1 000 долл. через три месяца выплачивать 1 500 долл. Спустя год один из знакомых Понци подал на него иск в суд в связи с тем, что он не делился с ним прибылью компании, но иск был отклонен. Пере-

пуганные вкладчики стали массово выводить деньги, в результате чего Пирамида рухнула, а 17 тыс. человек суммарно потеряли несколько млн долл.¹

Для американцев данные цифры выглядели ужасающими, однако они и представить себе не могли, с чем столкнутся граждане России, начиная с 90-х гг. и по сегодняшний день. Существует множество примеров функционирования «финансовых пирамид» в нашей стране (ИЧП «Тибет», АО «Тандем», «Хопёр-инвест», бизнес-клуб «Рубин», нанесший ущерб более 100 тыс. гражданам в размере нескольких десятков млрд руб. и др.), однако самой популярной является крупнейшая в истории организация такого типа под названием «МММ», по результатам финансовых мошенничеств которой пострадало до 15 млн человек, а потери составили до 80 млрд долл.

В настоящее время усматривается тенденция сохранения большого числа «финансовых пирамид» (см. табл. 1) и, как следствие, обманутых граждан, которые в период кризисных явлений пытаются разрешить вопрос о сохранности своих сбережений. Этим пользуются недобросовестные предприниматели, которые после привлечения денежных средств граждан не выполняют обязательства по выплате процентов и возврату вкладов. А полученные от вкладчиков денежные средства похищают, зачастую даже не делая вид ведения какой-либо предпринимательской деятельности [1, с. 93].

Таблица 1

**Количество выявленных «финансовых пирамид» в России
в период с 2019–2023 гг.²**

Год	2019	2020	2021	2022	2023
Количество преступлений	240	222	871	2017	2944

Анализ статистических данных, представленный в таблице, позволяет сделать вывод о продолжающемся росте таких преступлений более чем в 12 раз, начиная с 2019 по 2023 гг. Необходимо также указать и на обстоятельство, что на расследование деятельности хотя бы одной «финансовой пирамиды» уходят месяцы, а иногда и годы. В качестве примера стоит привести пример расследо-

¹ 10 крупнейших финансовых пирамид в истории России. URL: <https://journal.tinkoff.ru/short/russian-pyramids/> (дата обращения: 24.12.2023).

² Финансовые пирамиды. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 25.12.2023).

вания дела о «финансовой пирамиде», выявленной в Удмуртии. ФК «ГИД» действовала с 2014 по 2018 г., за это время более, чем у 150 потерпевших было похищено свыше 200 млн руб. В деле фигурирует 120 томов с различными доказательствами. Приговор винным по этому делу был вынесен только осенью 2023 г. Другое уголовное дело о разоблачении «финансовой пирамиды» Life is good, от действий которой с 2014 г. пострадали 18 тыс. человек, а общая сумма ущерба достигла 15 млрд руб. МВД России пресекло работу компании только весной 2022 г. Было арестовано четверо непосредственных участников мошеннических действий, еще пятеро объявлены в розыск. А на одного из основателей Life is good возбудили 13 уголовных дел¹.

Таким образом, несмотря на существование более 30-летнего исторического опыта «финансовых пирамид», в Российской Федерации так и не выработано достаточно эффективных способов и методов для выявления, пресечения, а затем и расследования данного рода преступлений. Вполне логично, что неспособность правоохранительных органов обеспечить экономическую безопасность российских граждан, с одной стороны, вызывает недоверие общества, а с другой стороны, формирует убеждение у преступников об их безнаказанности, что позволяет им продолжать преступную деятельность.

К изложенному следует пояснить, что изучению феномена «финансовых пирамид» посвятили свои труды ряд ученых, такие как В. Ю. Белицкий, Д. Р. Дюсембаева [3], А. М. Зубарева [4], В. О. Лапин [5], Л. В. Яковлева, В. В. Яковлев [6] и другие.

Говоря же о таком экономическом явлении как «финансовая пирамида», необходимо сказать, что же она из себя представляет. Так, по нашему мнению, В. Ю. Белицким дано наиболее развернутое определение «финансовой пирамиде», под которой он понимает преступление, способом которого является привлечение финансовых средств от физических и юридических лиц (инвесторов, вкладчиков и пр.) с созданием иллюзии продуманности и обоснованности инвестиционной деятельности и обещанием быстрого обогащения, с осуществлением последующих выплат денег, а равно предоставления имущества не в результате собственной экономической деятельности, а за счет новых финансовых поступлений от вкладчиков, так как собственного имущества заемщика недостаточно для удов-

¹ ЦБ в 2023 году помог инициировать 125 уголовных дел по финансовым пирамидам. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19972701> (дата обращения: 25.12.2023).

летворения всех имущественных требований вкладчиков, что влечет причинение им материального ущерба [2, с. 75].

Важно сказать, что расследование таких преступлений – действительно очень трудоемкий и затратный процесс в силу различных факторов: обширный круг потерпевших; весьма длительный срок проведения судебно-бухгалтерских экспертиз; сложность в установлении суммы материального ущерба; качественная маскировка преступниками «финансовых пирамид» под профессиональные бизнес-модели или же онлайн-игры; короткий срок их существования (3–6 месяцев) и т. д. В связи с чем делается вывод о том, что расследовать такие преступления крайне сложно, поэтому необходимо создать механизм пресечения функционирования «финансовых пирамид» на начальном этапе, а также вести активную просветительскую деятельность среди населения, информировать о признаках таких схем и негативных материальных последствиях участия в таковых, как это сделано на примере с телефонными мошенничествами.

Стоит обозначить, что качественным инструментом в борьбе с «финансовыми пирамидами» могут стать набравшие в последние пять лет различные цифровые технологии на примере технологий «искусственного интеллекта», способные использовать современные методы для профилактики, выявления, пресечения и предотвращения мошеннических схем с финансовыми активами.

Так, «искусственный интеллект» способен автоматически, на основе исторических данных и признаков «финансовых пирамид», выявлять потенциальные мошеннические схемы такого рода на ранних стадиях, например частые подозрительные переводы денежных средств в неустановленное время на неизвестные счета компаний или лиц, не входящих в реестр вкладчиков. Например, Smart Engines разработала способ проверки документов с помощью «искусственного интеллекта», который находит следы мошеннических манипуляций с точностью до 100 %¹, не дающий злоумышленникам совершать преступления с помощью поддельных документов. Видится перспективным создание похожего сервиса, способного контролировать создание компаний на предмет совершения ею мошеннических действий с финансовыми активами вкладчиков. Иными словами, необходимо через программное обеспечение на основе «искусственного интеллекта» проводить мониторинг за

¹ В России создан искусственный интеллект, который не даст преступникам зарабатывать на поддельных документах. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-02-21_iskusstvennyj_intellekt_1 (дата обращения: 25.12.2023).

деятельностью организации, связанной с привлечением денежных средств или иного имущества.

Как отмечает Марат Сафиулин – управляющий Федеральным фондом по защите прав вкладчиков и акционеров и организатор проекта «СтопПирамида», пирамиды стали дешевыми, они могут создаваться десятками под самые разные специфические запросы потенциальной аудитории, вполне могут создаваться и персональные проекты. В настоящее время даже нет необходимости вознаграждать первых вкладчиков, чтобы они привлекали в проект других, проще собрать деньги с инвесторов первого уровня, закрыть проект и тут же открыть новый¹.

В связи с этим важно на законодательном уровне закрепить единый государственный цифровой портал для такого рода компаний и обязать их проходить регистрацию в нем, после чего выдавать соответствующую лицензию. Функционал данной системы будет включать в себя информацию о руководителях, инвесторах, всевозможных транзакциях с денежными средствами и т. д. Указанная платформа способна обеспечить максимальную прозрачность и открытость организации перед своими вкладчиками, а в случае нарушения данного положения законодательства позволит правоохранительным органам, в частности следователю, оперативно находить и получать информацию, имеющую значение для расследования уголовного дела.

Также на данной цифровой платформе удобно размещать и использовать профилактические материалы, повышающие осведомленность населения о «финансовых пирамидах» и способах их распознавания, уведомлять потенциальных вкладчиков о подозрительных компаниях и уже выявленных «финансовых пирамидах», а также размещать соответствующую действительности рекламу, характеризующую финансовую организацию и ее продукт, и предупреждать людей о рисках, связанных с вложением денежных средств в таковые. Все это способствует формированию финансовой грамотности, более внимательного и грамотного отношения к инвестированию и снижению вероятности передачи в «руки» мошенников финансовых средств.

Данные технологии не только могут стать качественным инструментом контроля финансовых операций для вкладчиков, но и ускорить процесс собирания доказательств для следователя. Цифровые платформы способны предоставить следователю

¹ Жертвы жадности. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4985953> (дата обращения: 26.12.2023).

быстрый и удобный способ изъятия электронных доказательств, касающихся всех действий, осуществляемых с финансовыми активами вкладчиков, а именно: кто отправил, на чей счет, в какое время и т. д. Например, путем проведения следственного действия, предусмотренного ст. 1641 УПК РФ, или же стандартного взаимодействия через направление соответствующих запросов. Новейшие технологии позволят освободить следователя от самостоятельного, путем допросов и изучения документации, поиска потерпевших и установления причиненного им ущерба, от изъятия обширной документации в офисах таких компаний и длительного времени, затраченного на ее изучение. Также цифровые технологии способны в непродолжительное время установить круг руководителей данной «финансовой пирамиды» и определить лиц, которые будут нести уголовную ответственность за данное преступление.

В заключение хотелось бы отметить, что представители «финансовых пирамид» в условиях цифровизации жизни государства и его граждан все чаще стали вести преступную деятельность в экономической сфере, скрывая ее под различные легальные формы. Создатели «финансовых пирамид» уже на протяжении трех десятков лет с каждым годом все больше и больше «заражают» население, привлекая граждан к этой деятельности быстрым ростом денежных средств, в результате чего ежегодно граждане нашей страны в сумме теряют около 6 млрд руб. от такого вида преступной деятельности. Сейчас сложно представить, что могло бы предотвратить рост таких преступлений и повысить эффективность их расследования. Однако одним из наиболее перспективных видится способ внедрения цифровых технологий, во-первых, в деятельность таких организаций для контроля совершаемых ими действий и для создания более безопасной и прозрачной финансовой среды, во-вторых, для формирования финансовой грамотности населения, и в-третьих, в деятельность следственных подразделений, где рассмотренные новации позволят сократить время на изучение документации, определение потерпевших и подозреваемых лиц, минимизировать сроки следствия, что в целом способно повысить эффективность расследования указанной категории уголовных дел.

Список литературы:

1. Абдраязов Р. Р., Файзуллин Р. Р. Об отдельных аспектах расследования преступлений, связанных с деятельностью «финансовых пирамид» (на примере уголовного дела в отношении создателей и руководителей преступного сообщества, осуществлявших свою

преступную деятельность от имени ООО «ДП») // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3.

2. *Белицкий В. Ю.* Формирование понятия мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид» // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2. Т. 1.

3. *Дюсембаева Д. Р.* Особенности досудебного расследования мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Омск, 2023.

4. *Зубарева А. М.* Понятие и признаки финансовых пирамид // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (66).

5. *Латин В. О.* Противодействие нелегальной деятельности организаций с признаками финансовой пирамиды: проблемы расследования // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1 (58).

6. *Яковлева Л. В., Яковлев В. В.* Способы совершения и особенности расследования мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 4 (46).

Пётр Анатольевич Устинкин,
адъюнкт
Сибирский юридический институт
МВД России,
E-mail: ustinkin.p@yandex.ru

**К вопросу об использовании отдельных видов судебных
экспертиз при расследовании мошенничеств
в сфере долевого строительства**

Аннотация

В статье автором рассматриваются актуальные вопросы использования отдельных видов экспертиз при производстве по делам о мошенничестве в сфере долевого строительства. Приоритетное значение уделено перечню вопросов, подлежащих установлению в ходе производства отдельных видов экспертиз.

Ключевые слова и словосочетания: *мошенничество; долевое строительство; экспертиза.*

Как известно, научно-технический прогресс не стоит на месте. Данный тезис можно отнести и к криминалистической науке, особенно в части использования специальных знаний при ее использовании. Вопрос применения специальных знаний в части касающейся рассматриваемой нами категории преступлений стоит особенно остро, ведь как отмечалось ранее, строительная деятельность включает в себя множество других отраслей, что исключает возможность следователя обходиться без применения специальных знаний.

Положительным эффектом воздействия научно-технического прогресса на криминалистику, в частности и уголовное судопроизводство, в целом можно справедливо считать увеличение спектра специальных знаний и возможностей применения их на практике, при расследовании уголовных дел.

В ходе расследования рассматриваемой нами категории преступлений следователю нередко приходится сталкиваться с широким перечнем сложных вопросов из различных сфер, например экономики, финансов, бухгалтерского учета и т. д. Для того чтобы досконально изучить вопросы, имеющие значение для расследования уголовного дела, необходимы специальные знания, которыми обладает эксперт.

В большинстве дел о мошенничествах в сфере долевого строительства применяется большое количество судебных экспертиз. Наиболее распространенными являются бухгалтерская, строительная-техническая, финансово-аналитическая, технико-криминалистическая экспертиза документов, почерковедческая и другие [3, с. 145]. Кроме того, часто назначаются комплексные экспертизы, такие как бухгалтерская и строительная-техническая и т. д.

В справочниках о назначении экспертиз обычно фигурируют перечни вопросов по каждому из видов экспертиз, которые совершенно не связывается с обстоятельствами расследуемых событий [5, с. 32]. Следователям не говорят о том, какие из приведенных вопросов целесообразно поставить в одном случае, а какие – в другом, поэтому в данной работе мы попытаемся внести ясность в этот вопрос.

В ходе назначения вышеуказанных экспертиз следователю на первоначальном этапе необходимо предварительно изучить бухгалтерскую документацию застройщика, имеющуюся в распоряжении (для формирования понимания о наличии необходимых для производства экспертизы документов), строительные нормы и правила, специальную литературу, проконсультироваться со специалистом [1, с. 143] (целесообразно консультироваться с экспертом из экспертного учреждения, которое в дальнейшем будет осуществлять производство экспертизы).

Бухгалтерская судебная экспертиза является наиболее распространенным видом судебных экспертиз по данной категории уголовных дел. Как отмечают С. А. Бороненкова, Э. Ю. Козырчикова, «в ходе судебно-бухгалтерской экспертизы решаются вопросы, связанные с установлением фактических данных о финансово-хозяйственной деятельности фигурантов дела, а также с отражением этой деятельности в бухгалтерском учете, с установлением соответствия исчисления налогов требуемому порядку» [2, с. 142]. На наш взгляд, это наиболее полное описание целей судебной бухгалтерской экспертизы.

В ходе экспертного исследования анализируется финансово-хозяйственная деятельность застройщика, посредством чего становится возможным установить полный перечень его контрагентов, сумму поступивших и списанных со счета денежных средств и другие показатели финансовой деятельности предприятия, на основании чего в дальнейшем следователь может строить версии, делать выводы, например о достаточности поступивших на расчетный счет предприятия денежных средств для строительства жилого дома [4, с. 292].

Бухгалтерская экспертиза проводится на основании документов первичного бухгалтерского учета (проектно-сметные докумен-

ты, акты приемки выполненных работ, договоры и т. д.), а также специальных форм, которые отражают всю финансово-хозяйственную деятельность организации. Помимо документов на бумажных носителях предоставляется электронный носитель информации с данными бухгалтерского и налогового учета, отраженными в специальной программе, например «1С: Предприятие». Кроме того, стоит отметить, что для назначения экспертизы недостаточно одной лишь программы бухгалтерского учета, так как в первую очередь необходима первичная документация.

Бухгалтерская судебная экспертиза решает широкий круг вопросов диагностического характера. Так, на основе анализа теоретических материалов и практического опыта нами был сформулирован следующий примерный перечень вопросов, выносимых на судебную бухгалтерскую экспертизу:

1. Каков остаток денежных средств в кассе и на расчетных счетах компании застройщика на момент начала строительства и на момент подачи заявления о банкротстве компании¹?

2. Имеются ли у застройщика на момент начала строительства кредиторская и дебиторская задолженности? Если да, то в каком объеме, с разбивкой по контрагентам?

3. Имеются ли у застройщика на момент подачи заявления о банкротстве кредиторская и дебиторская задолженности? Если да, то в каком объеме, с разбивкой по контрагентам и объектам долевого строительства?

4. Каков размер денежных средств, поступивших на расчетные счета и в кассу застройщика от участников долевого строительства (физических и юридических лиц), в соответствии с выписками по счетам и сведениями бухгалтерской программы «1С: Бухгалтерия», с разбивкой по годам, объектам долевого строительства и участникам долевого строительства, с указанием строительного адреса объекта, за определенный период (с начала строительства и на момент банкротства)?

5. На какую сумму отражены взаимозачеты, принятые застройщиком в качестве оплаты по договорам долевого участия, заключенным с подрядчиками, с разбивкой по годам, объектам долевого строительства в указанный период?

6. Каков размер денежных средств, отнесенных застройщиком на затраты по каждому из объектов долевого строительства, за указанный период?

¹ В данном случае и далее по тесту вопросов необходимо отразить момент окончания действий, направленных на строительство объекта долевого строительства.

7. На какую сумму денежных средств застройщиком заключены договоры генерального подряда по строительству объектов долевого строительства, а также иные договоры при их наличии, с подрядными организациями, с разбивкой по годам, объектам долевого строительства в указанный период?

8. На какую сумму денежных средств выполнены подрядные работы подрядными организациями на каждом из объектов долевого строительства, в соответствии со сведениями бухгалтерской программы «1С: Бухгалтерия», с разбивкой по годам, объектам долевого строительства в указанный период?

9. В какой сумме израсходованы денежные средства с расчетных счетов застройщика в указанный период, с разбивкой по годам, контрагентам и указанием основания платежа, в соответствии с выписками по счетам застройщика и сведениями бухгалтерской программы «1С: Бухгалтерия»?

10. В какой сумме израсходованы денежные средства из кассы застройщика в указанный период, с разбивкой по годам, контрагентам и указанием основания платежа, в соответствии со сведениями бухгалтерской программы «1С: Бухгалтерия»?

11. Имеются ли возвраты займов¹, выданных в указанный период, в соответствии с выписками по счетам и сведениями бухгалтерской программы «1С: Бухгалтерия»? Если да, то в каком размере?

12. Имеется ли задолженность у сотрудников застройщика по выданным в под отчет денежным средствам в указанный период, в соответствии со сведениями бухгалтерской программы «1С: Бухгалтерия» и имеющимися авансовыми отчетами? Если да, то в каком размере, с указанием сотрудников, не представивших отчетные документы?

Стоит отметить, что каждое преступление индивидуально и требует использования различных подходов к его расследованию, в том числе постановке вопросов, поэтому предложенный нами перечень является примерным и подлежит корректировке в зависимости от той или иной следственной ситуации.

Так, по результатам проведения судебной бухгалтерской экспертизы по уголовному делу в отношении руководителя застройщика Л. было установлено, что привлеченных от дольщиков денежных средств было достаточно для строительства многоквартирного жилого дома, однако частью указанных денежных средств Л. воспользовался по своему усмотрению, потратив их на личные нужды.

¹ Указанный вопрос возможно поставить перед экспертом в случае если застройщик продавал объекты долевого строительства «в рассрочку».

Вследствие указанного факта компания-застройщик не выполнила взятые на себя обязательства по строительству жилого дома.

Строительно-техническая судебная экспертиза. Данный вид экспертиз, при расследовании рассматриваемой нами категории преступлений назначается довольно часто. Так, на основании изученных нами уголовных дел строительно-техническая судебная экспертиза назначалась по 35 случаям из 100. Производство строительно-технической судебной экспертизы осуществляется экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России, а также в иных учреждениях, в том числе в негосударственных. Кроме того, экспертизу могут производить специалисты-строители, имеющие соответствующую высокую квалификацию и большой практический опыт.

Круг вопросов, решаемых строительно-технической экспертизой, чрезвычайно широк, но на практике строительно-техническая экспертиза назначается:

- 1) для определения стоимости выполненных застройщиком работ по строительству объекта долевого строительства по состоянию цен на указанную в договоре участия в долевом строительстве дату ввода в эксплуатацию указанного объекта, предусмотренных проектной документацией, в соответствии с исполнительной и первичной учетной документацией (акты о приемки выполненных работ формы КС-2) по вышеуказанному объекту;

- 2) установления соответствия объема, выполненных строительных работ по строительству объекта долевого строительства, объемам, указанным в проектной и исполнительной документации;

- 3) определения объема использованных при строительстве объекта долевого строительства материалов и установления соответствия/ не соответствия объема использованных при строительстве материалов объему, указанному в проектно-сметной документации;

- 4) установления факта использования при строительстве объекта долевого строительства материалов с существенно низкой или высокой стоимостью, которые не были предусмотрены проектно-сметной документацией, а также при установлении использования застройщиком таких материалов установления их количества.

Кроме того, в ходе производства строительно-технической экспертизы возможно также установить соответствие проектно-сметной документации предъявляемым ей требованиям технического характера и законодательства.

Так, в ходе строительно-технической экспертизы возможно получить следующую информацию диагностического характера:

1. Информацию об обоснованности строительно-технической документации предъявляемым ей требованиям, установить соответствие / не соответствие стоимости работ указанной в документации фактически необходимой стоимости для осуществления строительства.

2. О соответствии/ не соответствии подготовленной строительной документации действующим строительным нормам и правилам.

3. О наличии всех требуемых строительно-технических документов к моменту начала строительства

К объектам строительно-технической экспертизы относятся:

– строительные объекты (в рамках данного исследования – объекты долевого строительства) и участки, на которых они располагаются;

– строительные материалы;

– строительная документация (проектно-сметная, исполнительно-техническая и т. д.) и т. д.

Проведенным нами анализом установлено, что в ходе строительно-технической экспертизы наиболее часто выявляются следующие нарушения, при помощи которых застройщик совершает хищения:

1) увеличение объема работ при строительстве объекта;

2) увеличение трудоемкости работ;

3) производство расчета в проектно-сметной документации с использованием дорогостоящих материалов, а фактическое использование при строительстве дешевых материалов и т. д.

Финансово-экономическая (аналитическая) судебная экспертиза.

Судебная финансово-экономическая судебная экспертиза является мощным орудием доказывания в руках следователя, когда схема мошенничества в сфере долевого строительства связана с банкротством компании-застройщика. В ходе производства указанного вида экспертизы можно установить финансовое состояние компании-застройщика на определенные даты, сумму неправомерно полученных дивидендов и т. д.

Финансово-экономическая судебная экспертиза решает широкий круг вопросов, таких как:

1) установление финансового состояний предприятия на определенные даты и в динамике;

2) анализ доходов и расходов предприятия;

3) установление финансовых операций, негативно повлиявших на финансовое состояние предприятия;

4) установление причин образования дебиторской и кредиторской задолженности.

Объектами финансово-экономической (аналитической) экспертизы будет являться бухгалтерская документация, свидетельствующая о финансово-хозяйственном состоянии предприятия (бухгалтерские балансы, отчет форма № 2), о конкретных операциях, по версии следствия негативно влияющая на финансовое состояние компании. Документы, предоставляемые на финансово-экономическую судебную экспертизу, должны давать эксперту полное представление о финансовом состоянии предприятия, не быть вырванными из контекста.

Список литературы:

1. *Безбогин А. К.* Организация первоначального этапа хищений в строительстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020.

2. *Бороненкова С. А., Козырчикова Э. Ю.* Судебно-бухгалтерская экспертиза: цель, задачи, приемы // Journal of new economy. 2011. № 4 (36).

3. *Кучин О. С.* Специфика использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере строительства многоквартирных жилых домов // Закон и право. 2020. № 2.

4. *Мартынова И. Г.* К вопросу о назначении судебных экспертиз при расследовании мошенничества, совершаемого в отношении юридических лиц в сфере экономики // Известия ТулГУ. 2013. № 4–2.

5. *Устинов А. Ф.* Взаимопонимание следователя и эксперта // Законность. 2003. № 2.

Виктория Викторовна Ушакова,

адъюнкт

Академия управления МВД

E-mail: ushakovavika1999@yandex.ru

Криминалистические версии, выдвигаемые по преступлениям против собственности, совершенным несовершеннолетними

Аннотация

В статье рассматриваются криминалистические версии, которые могут быть выдвинуты следователем (дознавателем) по преступлениям против собственности, совершенным несовершеннолетними. Необходимость применения криминалистических версий обусловлена важностью установления доказательственной базы и анализа преступного события. Этот анализ помогает установить причастность или не причастность несовершеннолетнего лица к преступлению и помогает в судебном разбирательстве. Автор исследует типичные версии, которые проверяются сотрудниками в процессе расследования, систематизируя их в общую классификацию. Особое внимание автором уделяется частным криминалистическим версиям, которые редко рассматриваются и проверяются сотрудниками при расследовании преступлений против собственности, совершенным несовершеннолетними. В статье делается акцент на практические аспекты работы следователей (дознавателей) при расследовании уголовных дел против собственности и выявлении несовершеннолетних преступников.

Ключевые слова и словосочетания: криминалистические версии; несовершеннолетний; преступление; частные версии; расследование.

Точная оценка и постановка криминалистических версий имеют важное значение для успешного расследования преступлений. Следователи должны эффективно собирать и анализировать имеющуюся информацию, чтобы принимать обоснованные решения для построения версий, подтверждённых уже имеющейся информацией на определённый момент расследования.

Первоначальный этап расследования является важнейшей частью криминалистической методики расследования преступления. Он помогает определить направление для выдвижения различных криминалистических версий. Правильное планирование,

сбор и анализ доказательств на начальном этапе могут существенно повлиять на успех расследования по мере его продвижения.

Р. С. Белкин о понятии криминалистической версии пишет: «...это мотивированное предположение о явлении, факте или группе фактов (явлений), имеющих значения для дела» [1, с. 144]. Суть криминалистической версии состоит в том, чтобы выдвинуть предположение, когда для данного факта возможны множественные исходы. Чтобы быть действенным, оно должно быть реально возможным, иметь простую формулу и оправдываться текущими обстоятельствами.

Принимая решение о возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего лица, следователь обязан установить реальный возраст подростка, оценить целесообразность возбуждения уголовного дела, а также рассмотреть альтернативные меры ответственности.

Обеспечить целенаправленную проверку всех версий, полноту, объективность и всесторонность расследования невозможно, если следователь не будет планировать работу по проверке всех возможных криминалистических версий, складывающихся из имеющейся информации и фактов. План расследования должен быть направлен на понимание мотивов подростка к совершению преступного деяния, условий его воспитания и проживания, влияния взрослых людей, для установления всестороннего понимания картины преступления.

Учение о криминалистической версии является частной теорией, которая изучается криминалистикой, ее проблемам уделено большое внимание со стороны ученых-криминалистов. В науке предлагаются различные варианты определения понятия и составных элементов классификации. Однако некоторые аспекты учения о криминалистической версии до сих пор остаются дискуссионными, в частности отдельные аспекты классификационного аппарата этого учения.

В науке существуют различные основания для классификации криминалистических версий, которые можно охарактеризовать как отдельные виды частных версий. Так, Н. А. Селиванов классифицирует криминалистические версии по «общему характеру ближайших целей, достижению которых они должны способствовать, на установительные и розыскные» [4, с. 108].

А. М. Ларин использует термин «розыскная версия» в классификационной системе, построенной им по основанию характера предположения, вторым элементом которой он называет версии существования [3, с. 54]. Необходимо также отметить точку зрения

И. Ф. Герасимова и Л. Я. Драпкина, которые классифицируют криминалистические версии на поисковые и исследовательские.

В. И. Терсбилов пишет о подтверждаемых и отвергнутых версиях [5, с. 107]. И те и другие, по мнению автора, имеют положительное значение для процесса познания истины. Практически из тех же посылок исходил А. Р. Ратинов, классифицировавший версии на истинные и ложные. Как отметил А. Н. Колесниченко, «типичная версия, как результат обобщения практики, приобретает характер следственной версии по конкретному делу, когда следователь считает, что в данной ситуации она возможна и ее следует проверять» [2, с. 11].

Н. П. Яблоков и И. М. Лузгин предлагают классифицировать версии по времени построения на первоначальные и последующие (первичные и вторичные). Данная классификация, как справедливо отмечают авторы, указывает на необходимость оценивать каждую версию с учетом содержания предыдущей и результатов ее проверки.

Анализ позиций относительно классификации криминалистических версий позволяет систематизировать их в одну общую систему на основе различных оснований.

1. По объему:

– *общие версии* основываются на интерпретации события, которое имеет основания называться преступлением, например кража или грабеж;

– *частные версии* возникают на пути определения отдельных элементов преступного события (личности преступника, способа совершения, времени и места).

2. По субъекту выдвижения:

– *судебные версии* выносит суд как предположение, взятое к проверке при рассмотрении конкретного уголовного дела;

– *экспертные версии* принимаются к проверке экспертом в процессе производства экспертного исследования;

– *оперативно-розыскные версии* выдвигаются оперуполномоченным, который проводит проверку известных обстоятельств по уголовному делу;

– *следственные версии* ставятся следователем в целях проверки всех обстоятельств уголовного дела;

– *прокурорские версии* формируются в рамках государственного обвинения;

– *версии защиты* выдвигается со стороны обвиняемого, его законных представителей, защитника, гражданского ответчика и его представителя;

- *версии потерпевшего и свидетеля;*
- *версии психолога (педагога);*
- *версии инспектора подразделения по делам несовершеннолетних и участкового уполномоченного.*

3. По отношению к предмету доказывания:

- *обвинительные версии* выстраиваются из обстоятельств уголовного дела с вероятностным предположением о виновности лица в преступлении;

- *оправдательные версии* показывают вероятность невиновности и без причастности лица к совершенному преступному деянию.

4. По степени конкретности:

- *типичные версии* отражают общую картину преступного события, характеризуются наиболее точной и сжатой интерпретацией данных, доступных на данный момент;

- *специфические версии* выстраиваются на основе ранее выстроенных версий путем детализации и конкретизации версий;

- *оригинальные версии* проверяются уполномоченными на то лицами однократно в рамках уголовного дела.

Следователь должен учитывать особенные признаки конкретной криминалистической версии и производить анализ информации, на которой версия выстраивается в процессе подготовительного этапа при расследовании корыстных преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Результаты следственных действий, показания участников предварительного расследования, обнаруженные следы и предметы на месте преступления, – все это может являться основанием для выдвижения конкретной криминалистической версии.

В рамках каждого уголовного дела, возбужденного в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, необходимо выстраивать криминалистические версии, которые будут включать в себя круг таких вопросов как: личность подростка; личности других участников преступления (в случае наличия сведений о преступной группе); мотивы и цели преступного деяния; способ подготовки и совершения преступления; способ сокрытия следов криминального поведения и другие.

Необходимо отметить, что следователю необходимо проверять все возможные криминалистические версии, даже если, на первый взгляд, версия маловероятна, но есть ряд оснований на ее существование, она должна быть проверена. Еще немаловажный аспект работы по проверке версий, это возможность несколько версий проверять одновременно в целях оптимизации времени, затраченного на данный этап расследования.

Следователь может сделать вывод о том, что корыстное преступление было совершено несовершеннолетним лицом по таким особым признакам как: маленькие отверстия для проникновения, кража малоценных вещей, большое количество повреждений и нанесенных травм жертвам, кража малоценных вещей.

Поисково-познавательная природа криминалистических версий считается их общим объединяющим признаком, в связи с чем для выдвижения любой версии должны прослеживаться реальные обстоятельства, на основании которых криминалистическая версия будет выстраиваться.

Считаем необходимым дополнить классификацию криминалистических версий нетипичными версиями, основания которых ранее совсем не рассматривались или редко проверялись сотрудниками по делам против собственности, совершенных несовершеннолетними.

Версии о личности несовершеннолетнего лица, совершившего преступление. В качестве таких версий могут выступать предположения о половом различии, предположения об особых умениях и способностях подростка и иных особенностях личности.

Розыскные версии. При рассмотрении данных версий следователем выстраиваются предположения о возможном месте сбыта похищенного имущества, о местонахождении несовершеннолетнего лица, и иных объектов, имеющих значение для дела. Например, изучив личность подростка, сотрудник может выдвинуть версию о необходимости его поиска у определенных родственников или друзей, в местах сбора молодежных коллективов и так далее.

Версия о влиянии на подростка других лиц. В рамках данных версий проверяются обстоятельства возможного криминального влияния на несовершеннолетнего со стороны взрослых лиц, друзей или группы лиц, которые побуждали его к совершению преступления против собственности.

Версия о непричастности к преступлению. Такого рода версии включают в себя комплекс мероприятий, направленных на проверку причастности подростка к преступлению или непричастности. Например, несовершеннолетний мог быть случайным свидетелем преступления или находиться на месте преступления в компании, но не совершать преступление.

Версия о несформированной моральности. В рамках данных версий выдвигаются предположения о том, что несовершеннолетний мог не осознавать преступность и наказуемость своих действий, а также полного масштаба последствий своих действий или иметь недостаточно развитую этику и понимание правил общества.

Версия о материальной необходимости. Данные криминалистические версии будут строиться на том, что подросток мог совершить преступление из-за финансовых трудностей или ради удовлетворения своих материальных потребностей. Например, подросток живет в малообеспеченной семье и для обеспечения жизнедеятельности мог украсть продукты питания или средства личной гигиены.

Версия о незанятости подростка. Такого рода версии выдвигаются на основании предположения о незаполненности дня подростка интересными для него мероприятиями, несовершеннолетнему не предоставлялись достаточные возможности для занятия полезными и конструктивными деятельностью, и он обратился к преступности как к способу заполнить этот пробел.

Версия о девиантном поведении. В рамках данных криминалистических версий следователю стоит провести анализ личности несовершеннолетнего лица на факт возможного прошлого криминального опыта, асоциального или девиантного поведения, что могло привести его к совершению новых преступлений.

Необходимо обратить внимание, что сравнение общих версий с частными криминалистическими версиями является некорректным, так как общие версии являются общепринятыми и универсальными для всех преступлений, частные версии существенно различаются с точки зрения оснований, используемых для их применения. Частные криминалистические версии нацелены на то, чтобы следователь включал в работу особые признаки и обстоятельства уголовного дела, проверял версии индивидуальные только для конкретного уголовного дела. В то время как общие версии обеспечивают общую классификацию, основанную на объеме предположения, пытаясь объяснить события как единую комбинацию всех или большинства обстоятельств.

Таким образом, рассмотрев учение о криминалистической версии, можно сделать вывод о том, что к уже имеющимся общим криминалистическим версиям необходимо добавить частные криминалистические версии, которые будут отражать конкретные обстоятельства уголовного дела по преступлениям против собственности, где в качестве подозреваемого выступает несовершеннолетний подозреваемый. Такого рода дополнения позволят проводить более глубокий и полный анализ причастности несовершеннолетнего лица к преступлению. Частные криминалистические ситуации будут способствовать детальному изучению конкретного уголовного дела против собственности, совершенного несовершеннолетним.

Список литературы:

1. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: в 3-х т. Москва, 1997. Т. 2.
2. *Колесниченко А. Н, Матусовский Г. А.* О системе версий и методике их построения // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1970. Вып. 7.
3. *Ларин А. М.* От следственной версии к истине. Москва, 1976.
4. *Селиванов Н. А.* Советская криминалистика: система понятий. Москва, 1982.
5. *Теребилов В. И.* К вопросу о следственных версиях и планировании расследования // Советская криминалистика на службе следствия. 1955.

Ольга Алексеевна Фарафонова,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: ofarafonova99@mail.ru

Особенности производства допроса посредством видео-конференц-связи

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей производства следователем/дознавателем допроса посредством видео-конференц-связи. Предметом изучения выступили положения уголовно-процессуального законодательства и материалы научной литературы. Цель работы – выявить проблемы и обозначить особенности, которые касаются производства допроса в дистанционном формате. В результате проделанной работы сделаны выводы о невозможности адаптации некоторых процедур, привычных в использовании при производстве следственных действий в традиционном формате и неосуществимости реализации определенных требований, касающихся составления процессуальных документов.

Ключевые слова и словосочетания: видео-конференц-связь; информационные технологии; следственные действия; допрос; протокол допроса.

Основой основ предварительного расследования является допрос, без которого не представляется возможным полноценное расследование следователем, дознавателем уголовного дела. Автор официального в МВД РФ практикума С. Н. Гонтарь, согласно правовым нормам, установил: «Допрос – это следственное действие, состоящее в получении от допрашиваемого лица доказательственной и ориентирующей информации об обстоятельствах события преступления, его участниках, о следах и других обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела» [2].

Для начала стоит отметить разумность решения законодателя, который воздержался от точного определения круга лиц, подлежащих допросу на расстоянии, и от детализации условий, разрешающих следователям и дознавателям применять удаленный режим допроса. Законодатель опустил эту детализацию, вероятно предостерегая возможные злоупотребления и ограничения. Однако анализ норм уголовно-процессуального права, урегулировавших меха-

низмы проведения допросов, наводит на мысль, что далеко не всем участникам уголовного судопроизводства при каких-либо обстоятельствах предоставляется возможность пользоваться ВКС в качестве средства для осуществления допроса.

Анализ юридических норм предполагает, что проведение первичного допроса обвиняемого в дистанционном режиме не противоречит законодательству, учитывая отсутствие прямых указаний на запрет такой процедуры в п. 3 ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Тем не менее, учитывая обязанность последующего допроса сразу после предъявления обвинений, согласно ст. 173 УПК РФ, необходимость его незамедлительного проведения не вытекает из вышеуказанной статьи, что подразумевает законодательную возможность использования ВКС при повторном допросе. Эти особенности процессуального проведения допросов должны учитываться правоохранными органами при организации следственных действий.

Анализируя юридические нормы, стоит отметить, что предъявление обвинения и первичный допрос подозреваемого тесно взаимосвязаны. Такая взаимосвязь делает невозможным проведение первоначального допроса в формате видео-конференц-связи, учитывая, что на данный момент законодательство не предоставляет возможности для реализации ознакомления с обвинением на расстоянии. Эффективность и законность данного процесса в контексте удаленного формата вызывает сомнения, ведь дистанционное осуществление таких мероприятий правовыми нормами не поддерживается.

Также считаем, что при задержании лица, в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ, возможно проведение допроса посредством видео-конференц-связи, поскольку ч. 4 ст. 92 УПК РФ не фигурирует в ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ [6, с. 77–84].

По нашему мнению, производство допроса свидетеля или потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, в дистанционном режиме, не осуществимо при возражениях как его самого, так и его законного представителя против осуществления видеозаписи хода следственного действия, что является обязательным. Это положение утверждено ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ. Следует подчеркнуть, что ст. 191 УПК РФ, регламентирующая детали проведения следственных действий с участием несовершеннолетних участников процесса, имеет особый характер и занимает доминирующее положение перед другими статьями. Такие правила отражают внимание законодателя к процессуальной защите несовершеннолетних граждан,

акцентируя на уникальности и приоритетности методов защиты их интересов в уголовном процессе.

Стоит отметить, что в ходе осуществления дистанционного допроса инициатор следственного действия должен быть в курсе специфических ограничений тактических приемов, присущих такому варианту общения. Учитывая расстояние, на котором находятся участники следственного действия друг от друга, требуется адекватное представление о том, как именно возможно адаптировать доступный арсенал тактических приемов и средств для достижения целей допроса, не упустив особенности дистанционного психологического контакта [1, с. 146–154].

В протоколе допроса непременно отображают детали как местоположения следователя (дознателя), в производстве которого находится уголовное дело, так и точное местонахождение допрашиваемой стороны и дополняют эти сведения точными датой и временем осуществления следственного действия, согласно требованиям, обозначенным в ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ. При формировании поручения инициатор обязан не только установить взаимосогласованные с исполнителем моменты начала действия, но и убедиться в доступности необходимых помещений и оборудования, что потребует учета их возможной занятости по другим делам в рассматриваемые промежутки времени.

Определение момента выполнения процедуры допроса является задачей, требующей внимания по ряду особенностей. В частности, следует принимать во внимание наличие множества часовых зон в пределах нашей страны. В контексте этих данных выбор времени для допроса должен осуществляться в местности, где проживает лицо, подлежащее допросу, не забывая о том, что, согласно ч. 3 ст. 164 УПК РФ, проведение следственных мероприятий в ночное время не допускается.

Следует выделить преимущества и недостатки использования ВКС при производстве допроса.

Изменения в УПК РФ позволили следователю:

- дистанционно допрашивать участников уголовного процесса, применяя тактические приемы на основе имеющихся сведений из материалов уголовного дела;

- анализировать полученную информацию о совершенном преступлении или иных противоправных действиях, выходящих за рамки расследования;

- соблюдать требования безопасности участников, закрепленные в ч. 4 ст. 164 УПК РФ и сводить к минимуму угрозы жизни и здоровью в условиях распространенной пандемии (COVID-19) [5, с. 53–55];

– записать процесс допроса на материальный носитель и использовать его в процессе доказывания. Данная процедура способствует предотвращению необоснованных утверждений о нарушении процедуры допроса и несоответствии отображенных у него показаний с содержанием протокола [4, с. 39–44].

Вместе с тем, производство допроса посредством ВКС не может в полной мере заменить следователю традиционный допрос лица, находящегося в непосредственной близости, а именно:

– производство допроса посредством ВКС ограничивает следователя (дознателя) в психологическом контексте взаимодействия лиц, поскольку общение ведется через экран монитора, что препятствует восприятию полной картины движений, жестов, мимики со стороны допрашиваемого. С. А. Грязнов считает, что оценка психоэмоционального состояния лица через экран не всегда возможна, поскольку отсутствует возможность полностью убедиться в отсутствии давления на допрашиваемого со стороны третьего лица, что особенно актуально для свидетелей [3, с. 103–106];

– следователь лишен возможности оперативно реагировать на незамедлительное принятие решения об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и переводе лица из статуса свидетеля в статус подозреваемого;

– законодательство не предусматривает возможность предъявления следователем (дознателем) обвинения через систему ВКС. Должностное лицо, как и раньше, обязано вынести постановление о предъявлении обвинения лицу, после чего направить его вместе с письменным поручением в другой следственный орган, располагающийся по месту нахождения обвиняемого лица и только потом осуществлять допрос с использованием ВКС;

– из-за дистанционного формата следователь (дознатель) не может предъявить допрашиваемому лицу вещественные доказательства и документы для детального ознакомления, в связи с чем не все обстоятельства могут быть установлены при производстве следственного действия.

Основным барьером на пути интеграции видео-конференц-связи в деятельность следственных и дознательных органов является необходимость соответствия места и технического оснащения для проведения ВКС. Эти условия включают наличие сертифицированного аудиовизуального оборудования и телекоммуникационных сетей, способных транслировать видеоданные в реальном времени. На нынешнем этапе проблема заключается в том, что значительное количество регионов лишены доступа к высокоскоростному интер-

нету и современному техническому оборудованию в немалой степени из-за высокой стоимости таких технологий.

Введение в эксплуатацию технологически продвинутой аудиовизуальной аппаратуры и особенных каналов передачи данных – неотложный шаг для улучшения качественных характеристик изображения и звука в процедуре видео-конференц-связи. Неизменной проблемой остается информационная неприкосновенность, определяющая защищенность данных, передаваемых в процессе ВКС. Реорганизация этапов подготовки и реализации ВКС обременена высокими издержками и потребляет значительный объем ресурсов, прежде всего времени и труда.

Оптимизация процедур расследования уголовных дел может быть осуществлена за счет применения технологий дистанционного производства следственных действий, например допроса. Такой подход предполагает необходимость глубокого теоретического переосмысления и создания соответствующей законодательной базы для регулирования данного аспекта. Особенное внимание заслуживает защита юридических прав участников процесса допроса, которые должны быть неукоснительно сохранены при любых условиях.

Список литературы:

1. *Баданова А. Н.* Перспективы дистанционных следственных действий в правоохранительной деятельности (по материалам Республики Казахстан) // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2022. № 2.

2. *Гонтарь С. Н.* Тактика допроса и очной ставки. URL: https://ставф.крду.мвд.рф/upload/site122/document_file/3.LekTaktikadoprosaiочноystavki.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

3. *Грязнов С. А.* Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2021. № 9–2 (60).

4. *Масалов В. А.* Использование дистанционных технологий на предварительном следствии // *Вестник Уральского института экономики, управления и права.* 2021. № 3 (56).

5. *Плахота К. С.* Особенности производства допроса посредством использования видео-конференц-связи // *Сборник материалов криминалистических чтений.* 2021. № 18.

6. *Победкин А. В.* Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий // *Вестник Уфимского юридического института МВД России.* 2022. № 1 (95).

Марина Дмитриевна Филимонова,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: fmd38@yandex.ru

Запрет определенных действий как инструмент повышения эффективности расследования преступлений в сфере экономической деятельности

Аннотация

Настоящее исследование посвящено вопросам распространения и негативных последствий преступлений в сфере экономической деятельности. В качестве одного из инструментов противодействия указанному сложному социальному явлению автором рассматриваются вопросы применения запрета определенных действий как одной из мер пресечения. Предметом настоящего исследования являются положения Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и ГИАЦ МВД, научные источники. Целью работы выступает выработка предложений по повышению эффективности расследования преступлений экономической направленности. По результатам автор приходит к выводу о необходимости расширения практики избрания запрета определенных действий в качестве меры пресечения по данной категории преступлений при одновременном совершенствовании правового регулирования отдельных положений ст. 1051 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: *экономические преступления; гуманизация; меры пресечения; заключение под стражу; запрет определенных действий.*

Одной из наиболее важных сфер деятельности государства выступает экономическая сфера. «Здоровая» экономика способствует росту и процветанию государства и общества, развитию всех сфер социальных отношений, обеспечивает выполнение государством своих функций, включая обеспечение реализации и защиты прав и свобод граждан, а также способствует повышению уровня жизни. Вместе с тем деструкция нормальных экономических отношений, нарушение установленного порядка осуществления предпринимательской, финансовой и иной экономической деятельно-

сти по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг влечет в значительной степени негативные последствия для всех областей общественных связей.

Особую опасность для поступательного развития и сохранения должного уровня системы экономической деятельности представляют экономические преступления, предусмотренные 22 гл. Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России» ежегодно совершается более 100 тыс. экономических преступлений, среди которых около 60 тыс. – это тяжкие и особо тяжкие преступления. Только за последние пять лет реальный ущерб от данных преступлений составил свыше двух триллионов рублей¹ (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество преступлений экономической направленности					
Период	2019	2020	2021	2022	2023
Всего преступлений	104 927	105 480	117 707	111 429	105 257
Из них тяжких и особо тяжких	63 270	64 553	64 566	67 748	64 206
Материальный ущерб от указанных преступлений (млрд руб.)	447,2	339,5	641,9	339,1	311,1

Значительные суммы причиненного ущерба негативно сказываются на социальном благополучии и обеспечении условий жизни граждан, что в последующем может явиться одной из детерминант иных правонарушений, в том числе уголовных, в частности невыплаты и (или) не в полном объеме выплаты заработной платы, иных причитающихся выплат, несвоевременная оплата труда, утрата жилья в связи с обманом дольщиков, потеря денежных средств от незаконной деятельности кредитных организаций, препятствия в развитии предпринимательства и др.

Таким образом, вопрос противодействия преступлениям экономической направленности остается актуальным и на сегодняшний день. Одним из направлений противодействия данным видам преступлений выступает обеспечение эффективного, всестороннего, оперативного предварительного расследования, осуществляемого в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

¹ Состояние преступности за 2019, 2020, 2021, 2022, 2023 годы // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/5/> (дата обращения: 05.03.2023).

Необходимо отметить, что расследование данного вида преступлений является объемным и трудоемким [7, с. 52], в связи с чем ряд авторов при определении экономической преступности отмечают ее как сложное, специфическое социальное явление [4, с. 30; 9, с. 459]. Наличие составляющих, осложняющих процесс расследования, предопределяют существование значительного числа латентных преступлений экономической направленности [6, с. 209; 2, с. 81], что в значительной степени повышает опасность существования и распространения данной преступной сферы.

Говоря о наличии элементов, осложняющих процесс расследования уголовных дел по делам о преступлениях экономической направленности, следует отметить, во-первых, специфику субъектов преступления, выражающуюся в одной из криминологических характеристик – уровне образования, а с психологической точки зрения – в уровне интеллектуального развития лиц, совершающих преступные деяния в сфере экономической деятельности, на что прямо или косвенно обращают внимание многие исследователи [3, с. 28; 6, с. 209; 8, с. 182–183; 10, с. 16]. Во-вторых, активное противодействие со стороны защиты, которое в большинстве случаев обеспечивается участием защитника по соглашению, выражается: в активном воздействии на субъекты расследования, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства путем угроз, шантажа, подкупа и т. п.; уничтожении и фальсификации документов; создании «фирм однодневок»; манипуляциях с имуществом; «фабрикации» доказательств; сокрытии как самих лиц, совершивших данное деяние, так и незаконно нажитого ими имущества; затягивании производства следственных и иных процессуальных действий и т. д. [3, с. 31–32; 10, с. 16].

В связи с вышеизложенными обстоятельствами от органов предварительного расследования, прокурора и суда требуется наиболее эффективное применение уголовно-процессуального инструментария для обеспечения качественного расследования преступлений экономического характера.

Одним из наиболее эффективных механизмов, обеспечивающих нормальный ход предварительного расследования, является предусмотренный гл. 13 УПК РФ институт мер пресечения. Данному вопросу в научном сообществе уделяется значительное внимание. В частности, применению мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, посвящена диссертация Л. Д. Фетищевой, вопросам применения мер пресечения для представителей бизнес-сообщества уделяли внимание в своих рабо-

тах А. С. Александров, И. А. Александрова, К. Б. Калиновский, Л. В. Головки и др. [1, с. 80–93; 5, с. 105–109]. Однако возможностям эффективного применения запрета определенных действий (ст. 1051 УПК РФ) по данной категории уголовных дел в научных исследованиях на сегодня уделяется недостаточное внимание, что, безусловно, может быть связано с относительно недавним появлением в законодательстве данной меры пресечения.

Одна из причин заключается в законодательном векторе, направленном на гуманизацию уголовно-процессуального законодательства, что обусловило принятие Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста». Данное нововведение обусловило необходимость комплексного рассмотрения вопросов, связанных с применением запрета определенных действий.

В частности, в ряде положений, изложенных в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, прослеживается тенденция отказа при определенных обстоятельствах от применения меры пресечения в виде заключения под стражу в пользу альтернативных мер, в том числе запрета определенных действий¹. Также в январе 2023 г. по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека было рекомендовано Верховному Суду Российской Федерации совместно с иными федеральными органами исполнительной власти «проанализировать практику заключения под стражу лиц, обвиняемых в ненасилованных преступлениях, в том числе лиц, страдающих заболеваниями, и женщин, имеющих малолетних детей, и при необходимости представить предложения по внесению в законодательство Российской Федерации изменений, направленных на гуманизацию правосудия»². В связи с этим на рассмотрении

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41; О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1; Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей [Электронный ресурс]: утвержден Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации от 18 января 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Президент России: официальный сайт. Москва. Обновляется в течение суток. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70349> (дата обращения: 07.11.2023).

Государственной Думы Российской Федерации находится законопроект¹ о внесении изменений в УПК РФ, касающийся ограничения применения заключения под стражу, что в настоящее время представляется весьма целесообразным.

Возвращаясь к вопросу о мерах пресечения в процессе расследования экономических преступлений, автор публикации отмечает, что политика государства на сегодняшний день направлена на наибольшую защиту представителей бизнес-сообщества, что практически исключает возможность применения к ним заключения под стражу (ч. 11 ст. 108 УПК РФ и п.п. 6–81 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48-П «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»).

Как следствие, актуальность применения запрета определенных действий хотя и имеет положительную тенденцию ее роста, однако практика назначения данной меры пресечения остается незначительной (см. табл. 2).

Таблица 2

Ходатайства об избрании мер пресечения, рассмотренные в ходе досудебного производства (ч. 2 ст. 29 УПК РФ)			
	2020	2021	2022
Об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий	2 117	2 918	3 464
Об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу	96 728	99 301	98 558

Учитывая вышеизложенное, целесообразным представляется расширение практики применения запрета определенных действий, для чего необходима детальная разработка и обоснование эффективности точечного применения отдельных запретов для представителей бизнес-сообщества. Более того, в гибкости запрета определенных действий в сравнении с иными мерами пресечения видится его преимущество, заключающееся в обеспечении нормального хода

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями: проект Федерального закона № 381316-8. СОЗД ГАС «Законотворчество»: официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8> (дата обращения: 07.11.2023).

уголовного судопроизводства, с одной стороны, и исключения необоснованно широкого ограничения прав и свобод подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений экономической направленности, с другой.

Кроме того, уместно расширение перечня запретов, установленных ст. 1051 УПК РФ. Во-первых, предусмотреть запрет заниматься определенной деятельностью, в частности предпринимательской. Процесс избрания данного запрета должен сопровождаться детальным обоснованием необходимости его применения с учетом всевозможных негативных последствий его назначения. Так, в случае подозрения или обвинения лица в совершении действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб (ст. 196 УК РФ), целесообразно временно отстранить такое лицо от руководства предприятием.

Во-вторых, целесообразно закрепить возможность обязать лицо не покидать определенную территорию, в частности территорию муниципального образования или региона. Дело в том, что не во всех случаях при наложении запрета определенных действий требуется запретить лицу выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает на законных основаниях (п. 1 ч. 6 ст. 1051 УПК РФ). Однако необходимо учитывать, что деятельность соответствующего лица может предполагать необходимость междугородного перемещения, например междугородные перевозки, в связи с чем ограничение его права покидать муниципальное образование может в значительной степени повлечь нарушение прав и законных интересов как лица, по отношению к которому применяется данная мера пресечения, так и иных лиц (например являющихся потребителями его услуг). При этом может сохраняться необходимость ограничить его выезд за пределы региона (например, в целях избежания ситуации, при которых данное лицо попытается скрыться от органов предварительного расследования).

Наконец, в целях расширения практики применения исследуемой меры пресечения требуется совершенствование процедуры избрания запрета определенных действий. В частности, в соответствии с ч. 4 ст. 1051 УПК РФ суд, рассмотрев ходатайство об избрании мер пресечения, полномочен принять постановление об избрании соответствующей меры пресечения, отказе в удовлетворении ходатайства и о возложении дополнительных запретов. Вместе

с тем, в случае согласия суда с необходимостью избрания запрета определенных действий, но несогласия с перечнем предлагаемых органом расследования запретов, суд, исходя из буквального толкования положений ч. 4 ст. 1051 УПК РФ, не имеет возможности избрать данную меру пресечения, исключив из ходатайства при ее назначении один или более запретов. Таким образом, суд связан положениями заявленного ходатайства в этой части. Подобная ситуация видится неприемлемой, поскольку в целях оперативного принятия законного решения об избрании меры пресечения следует наделить судью полномочием мотивированно исключить один или несколько запретов при рассмотрении соответствующего ходатайства.

Поэтому в целях оптимизации деятельности по избранию данной меры пресечения представляется целесообразным дополнение ст. 1051 УПК РФ ч. 41, изложив ее в следующей редакции: «41. При вынесении судом постановления, указанного в пункте один части четвертой, судья имеет право назначить меньшее количество запретов из числа указанных в ходатайстве следователя или дознавателя.».

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что в целях эффективного расследования экономических преступлений необходимо учитывать современные тенденции, обеспечивать баланс публичных и частных интересов, что возможно посредством эффективного и оптимального применения запрета определенных действий. В свою очередь указанная мера пресечения нуждается в определенных законодательных изменениях, на необходимость которых обращено внимание в настоящем исследовании.

Список литературы:

1. Александров А. С. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / А. С. Александров, И. А. Александрова // Журнал российского права. 2018. № 2 (254).
2. Вакутин А. А. «Беловоротничковая» преступность Э Сатерленда: теория, не потерявшая актуальности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39).
3. Вольнский А. Ф. О способах противодействия расследованию экономических преступлений // Известия Тульского государственного университета. 2013. № 4-2.
4. Зацепин М. Н. Кризисный тип экономической преступности / М. Н. Зацепин, Е. М. Глушкова, А. М. Зацепин // Юридическая наука. 2022. № 11.

5. *Калиновский К. Б.* Система мер пресечения в российском уголовном процессе: современные проблемы и исторический опыт // Судебно-правовая реформа 1860-х гг. в России и современное уголовно-процессуальное право (посвящается 150-летию принятия Судебных Уставов 1864 г.): сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, проводимой в Российской академии правосудия / ред. колл.: О. В. Качалова, В. И. Качалов. Москва: Право, 2014.
6. *Кочесокова З. Х.* Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, сущность и общая характеристика // Право и управление. 2023. № 1.
7. *Мажитова С. Р.* О проблеме определения понятия «Экономическая преступность» (экономические преступления) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 35 (250).
8. *Молчанова Т. В.* Криминологическая характеристика лица, совершающего преступление в сфере экономической деятельности // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5.
9. *Устинова Н. Г.* Специфика экономических преступлений в современных условиях // Эпоха науки. 2019. № 20.
10. *Шамсутдинов М. М.* Применение мер уголовно-процессуального принуждения по делам о преступлениях экономической направленности // Юридические исследования. 2018. № 5.

Ярослав Павлович Фурлет,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: iafurlet@bk.ru

**Об истории развития оперативно-розыскного мероприятия
«контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных
сообщений» в Советской России в период 1917–1940 гг.**

Аннотация

В статье рассмотрены первые нормативно-правовые акты, регулирующие проведение оперативными подразделениями контроля почтовых отправлений и телеграфных сообщений. Основное внимание уделено формированию государственных органов, осуществлявших перлюстрационную деятельность. Затрагиваются проблемы правового регулирования данной деятельности и допустимости ее результатов в доказывании по уголовным делам. Статья способствует выявлению особенностей организации контроля корреспонденции в первые годы советской власти. Автором сделан акцент на значимости данного мероприятия в получении оперативной информации правоохранительными органами. В действующем оперативно-розыском законодательстве заложены организационные и тактические положения, в том числе рассматриваемого периода. Развитие оперативно-розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» на сегодняшний день не потеряло своей актуальности, однако пересмотр законодательства в данной сфере представляется актуальным.

Ключевые слова и словосочетания: *перлюстрация; цензура; политический контроль; корреспонденция; оперативно-розыскные отделения.*

Оперативно-розыскная деятельность в России развивалась на протяжении всей ее истории, формируя уникальные методы и тактики в борьбе с преступностью. Разработанные в прошлом сыскные мероприятия являются составляющей оперативно-розыскной деятельности в современном обществе. Именно благодаря применению секретных методов оперативного сыска, организация и тактика которых долгое время законодательно не были урегулированы, достигались результаты в раскрытии и выявлении преступлений.

Одним из таких секретных методов в получении оперативной информации являлась перлюстрация. К моменту прихода к власти в России большевиков Российской социал-демократической рабочей партии государство накопило большой опыт в работе, связанной с тайным вскрытием почтовых отправлений. Учитывая, что данная деятельность имела огромное значение в политическом сыске, *после революционных событий 1917 г. она была поставлена на службу новой власти, а ее профессионалы перешли в новое ведомство*. При подборе новых кадров приоритет отдавался лицам с соответствующим образованием, знанием иностранных языков, а также с политической принадлежностью к большевистской партии. Функции перлюстрации возложили на Экономическую секцию Управления военного контроля в Петрограде. В период правового беспорядка и политической нестабильности материалы перлюстрированных писем распространялись на различных потребителей, в том числе и на хозяйственные органы, однако особый интерес проявляла Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (далее – ВЧК) [8, с. 92].

Следующим шагом стало утверждение 23 декабря 1918 г. Революционным Военным Советом Республики (далее – РВСР) «Положение о военной цензуре», введившим контроль над всей печатной продукцией, радио, телеграфом и телефоном, а также просмотр международной и внутренней почтово-телеграфной корреспонденции. Органом военной цензуры был назначен военно-цензурный отдел РВСР и подчиненные ему отделения, пункты и местные военные цензоры. Стоит заметить, что это еще не было перлюстрацией как таковой, потому что военная цензура не скрывала своего существования, кроме того, на вскрытых письмах ставился соответствующий штамп [9, с. 1390–1391]. С другой стороны, тайный просмотр корреспонденции в тот период отличался тем, что понятия «перлюстрация» и «почтовая военная цензура» были смешаны и зачастую подменяли друг друга [8, с. 102].

С марта 1919 г. начали издаваться первые секретные инструкции ведения перлюстрации [4, с. 370]: «Инструкция для почтово-телеграфных военно-цензурных отделений (кроме Москвы и Петрограда)», «Инструкция № 2 для цензурования международной корреспонденции», «Схема движения писем в отделении военной цензуры почт и телеграфов», «Правила просмотра заказной, денежной корреспонденции и простых писем со вложением ценностей», «Правила для цензурования корреспонденции из Красной Армии», «Правила цензурования корреспонденции, идущей в Красную Армию», «Правила для контролеров-руководителей военного

почтового контроля», «Правила для контролеров военно-почтового контроля» [6, с. 158].

Порядок прохождения корреспонденции через процедуру перлюстрации подробно отражен в «Схеме движения писем в отделении военной цензуры почт и телеграфов» и выглядел следующим образом. Вся поступающая заказная корреспонденция попадала в стол приема и распределения (стол № 1), сотрудники которого распределяли ее на четыре группы: красноармейская, официальная, международная и частная. После сортировки стол № 1 направлял корреспонденцию в секретный стол (стол № 2), где сверялись данные авторов с секретным списком. Доступ к секретным спискам имели только стол № 2 и начальник отделения. Письма, чьи имена значились в секретном списке, направлялись начальнику секретного стола (стол № 2а), который в тот же день пересылал их инициаторам, остальные возвращались в стол № 1.

Стол приема и распределения вернувшуюся корреспонденцию (уже разделенную по группам) теперь распределял по столам «Заказной корреспонденции» и передавал цензорам-руководителям соответствующих столов (стол № 3). Стол № 3 изучал корреспонденцию, большую часть которой распределял между цензорами. Цензоры (стол № 4) внимательно изучали полученную корреспонденцию и составляли выписки (меморандумы) в двух экземплярах, по письмам представлявших оперативный интерес. На основе меморандумов составлялись сводки, которые давали представление о положении дел в Красной Армии, об отношении населения к власти и о моральном состоянии советских граждан.

После изучения цензоры-руководители передавали письма, по которым были составлены меморандумы, на осведомительный стол (стол № 7). Задача стола № 7 заключалась в пересылке задержанных писем и меморандумов в оперативные подразделения. Меморандумы направлялись в том случае, если начальник отделения признавал содержание оригиналов подозрительным, но все же подлежащим к отсылке адресатам.

Существовал и стол контроля работы цензоров (стол № 5). Туда поступала некоторая часть просмотренных писем для проверки качества работы. После прохождения корреспонденции всех этапов она попадала в стол заклейщик (стол № 6), которые приводили конверты в первоначальный вид и передавали их обратно на стол № 1. Стол приема и распределения передавал уже перлюстрированные письма в почтовую телеграфную контору для последующей рассылки по адресатам и составлял акты о конфискованных и задержанных письмах. Международную корреспонденцию, которую не мог-

ли перевести, направляли в Московское отделение военной цензуры почт и телеграфов в день получения. Процесс перлюстрации простых писем мало чем отличался от заказных.

Телеграммы перлюстрировались в более упрощенной форме. Все поступающие телеграммы в почтовую телеграфную контору передавались сразу цензорам. Цензоры передавали цензору-руководителю телеграфного стола телеграммы, подлежащие задержанию по секретным спискам и вызывающие у них сомнения, остальные отправлялись адресатам. Цензор-руководитель просматривал телеграммы и принимал решение, какие из них передать в секретный стол, а какие вернуть для отправки адресатам. Начальник отделения ежедневно просматривал все задержанные телеграммы, решая вопрос об их конфискации или направлении адресатам, предварительно сняв копии для заинтересованных учреждений [6, с. 164–167].

В соответствии с «Правилами для цензурования корреспонденции из Красной Армии» письма запрещалось задерживать более 24 часов, поэтому их количество выдавалось с расчетом возможности прохождения всей процедуры в указанное время. Цензура являлась секретной деятельностью, поэтому вскрытие осуществлялось крайне осторожно, категорически запрещались любые вымарки, также тщательно нужно было следить за попадавшими вложениями [6, с. 169].

Советская власть стремилась к созданию всеобъемлющей системы политического контроля своего населения [8, с. 100]. *В 1919 г. у органов цензуры, работавших как в центре, так и на местах был колоссальный объем работы, что подтверждается штатным расписанием:* Отдел военной цензуры Реввоенсовета Республики насчитывал 107 человек; Московское отделение военной цензуры почт и телеграфов – 253 человека; Петроградское военноцензурное отделение – 291 человека; отделения военной цензуры почт и телеграфов на местах – 100 человек; при реввоенсоветах армий – 30 человек [2, с. 172].

Роль ВЧК в политической жизни Советской России усиливалась. Созданная в 1921 г. структура оперативно-разыскных подразделений, а также круг их служебных обязанностей явились базовыми для дальнейшего формирования и развития аппарата ВЧК. В соответствии с приказом Административно-организационного управления (далее – АОУ) ВЧК № 9 от 14 января 1921 г. было образовано Секретно-оперативное управление (СОУ), одним из отделов которого был Оперативный отдел. В его состав входили следующие отделения: оперативное, техническое, обработки материалов.

28 марта 1921 г. приказом по УД ВЧК № 75 отделение обработки материалов выделили из Оперативного отдела и на его основе создали Информационный отдел, в состав которого 11 августа того же года передали военную цензуру [5, с. 20, 22, 24, 231].

В связи с завершением Гражданской войны и укреплением советской власти, на основании декрета «Об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов», принятого Президиумом Всероссийский центральный исполнительный комитет от 6 февраля 1922 г. ВЧК реорганизовали в Государственное политическое управление (далее – ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР [2, с. 175]. ГПУ получило чекистские кадры и войска, а также право обысков, арестов, добывания тайной информации. На протяжении 1922 года наблюдалось расширение функций этого учреждения, так военно-политическая цензура стала Отделом политического контроля (далее – ПК) в составе СОУ, задачей которого являлся контроль почтово-телеграфной и радио-телеграфной корреспонденции [1, с. 62].

С образованием СССР на базе ГПУ в ноябре 1923 г. было создано Объединенное государственное политуправление при Совете народных комиссаров СССР (далее – ОГПУ). В связи с тем, что Отдел политконтроля и Информационный отдел имели схожие обязанности по сбору информации, в 1925 г. их объединили в один отдел – Отдел информации и политконтроля (ИНФО и ПК). Функции «ПК» (почтово-телеграфный контроль) возлагались на 3 отделение [5, с. 34, 39].

Деятельность ОГПУ по перлюстрации и политическому контролю в Советской России становилась все более массовой. В выписках отражалась информация о повседневной жизни граждан, обстановке в различных организациях, взгляды по отношению к культуре и религии, *сообщения о происшествиях и преступлениях. От 70 до 90 % выписок сопровождалось меморандумами, которые направляли в отделы и местные управления ОГПУ* [4, с. 370].

Следующим шагом в организационном построении было образование в 1934 году Народного комиссариата внутренних дел СССР (далее – НКВД СССР), в состав которого почти полностью вошли управления и отделы ОГПУ. В составе Главного управления государственной безопасности НКВД СССР по штатному расписанию был предусмотрен оперативный отдел (Оперод), отделение «ПК» которого занималось перлюстрацией [5, с. 59, 231].

Законодательно порядок санкционирования на проведение перлюстрации нигде не был прописан, согласия прокуратуры не требовалось, поэтому процедура являлась незаконной и производилась

по усмотрению сотрудников НКВД. Тем не менее, полученные результаты перлюстрации в суде принимались в качестве доказательств [3, с. 181]. В Конституции РСФСР 1918 г., в Конституции СССР 1924 г. и в Конституции РСФСР 1925 г. вопрос о тайне переписки не поднимался, а в сталинской Конституции 1936 г. ст. 128 гласила, что в СССР тайна личной переписки охраняется законом, а во втором издании Большой Советской Энциклопедии было дано определение «перлюстрации». Тем самым как бы подчеркивалось, что тайное вскрытие государственными органами частной корреспонденции – функция буржуазной государственной машины, но никак не социалистической [7, с. 79].

8 августа 1937 г. приказом НКВД СССР был создан первый самостоятельный Отдел оперативной техники – 12 отдел ГУГБ НКВД СССР, обеспечивающий тайные оперативно-технические мероприятия [3, с. 187], в котором 3 отделение «ПК» занималось перлюстрацией корреспонденции [5, с. 231].

Советская власть придала огромное значение перлюстрационной деятельности в оперативной работе. В последующие десятилетия в СССР значимость контроля почтовых отправлений и телеграфных сообщений в добывании оперативной информации только увеличивалась. Изучение деятельности по тайному вскрытию почтовых отправлений позволяет сделать вывод об эффективности этого мероприятия в борьбе с преступностью. Учитывая современные вызовы и технологические изменения, необходимо разрабатывать новые, более совершенные методы в области контроля переписки граждан, так как обмен информацией в большей части стал происходить в электронном формате посредством использования различных социальных сетей, мессенджеров и электронной почты. Однако имеющееся оперативно-розыскное мероприятие по контролю почтовых отправлений не адаптировано к современным реалиям.

Список литературы:

1. Архив ВЧК: сборник документов / Центральный архив ФСБ России, Общество изучения истории отечественных спецслужб; отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров; сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. Москва: Кучково поле, 2007.
2. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. / Т. М. Горяева. 2-е изд., перераб и доп. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

3. *Гребенников В.* Перлюстрация. Перехват информации Москва: ЛитРес: Самиздат, 2019.
4. *Изmozик В.С.* «Черные кабинеты» История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2015.
5. Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ. 1917–1991: справочник / под. ред. акад. А. Н. Яковлева; авторы-сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. Москва: МВД России, 2003.
6. Минувшее. Исторический альманах. № 21. Москва – Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс, 1997.
7. *Смыкалин А. С.* Тайный политический контроль в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.) // Вестник ВятГУ. 2005. № 13.
8. *Смыкалин А. С.* Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. Москва: Русайнс, 2015.
9. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Москва: Управление делами Совнаркома СССР, 1942.

Александр Муратович Хубаев,
адъюнкт
Академии управления МВД России
E-mail: alkhubaev@mail.ru

Осмотр места ДТП с использованием квадрокоптера

Аннотация

Осмотр места ДТП является неотложным следственным действием и, как любое происшествие, требует самой тщательной проверки и собирания следов. Автор обращает внимание на то, что использование квадрокоптеров способно существенно не только ускорить процесс осмотра, но и сделать его более качественным. Особое внимание в статье уделяется законодательному аспекту. По мнению автора, применение БПЛА необходимо официально узаконить и ввести в материально-техническое оснащение подразделений ГИБДД.

Ключевые слова и словосочетания: *ДТП; осмотр места происшествия; квадрокоптер; дроны; фотограмметрия; аэрофотограмметрия; следы; БПЛА; фото-, видеосъемка; реконструкция; 3d модель; традиционные методы.*

Осмотр места происшествия – одно из важнейших следственных действий, которое проводится одним из первых. Важность этого мероприятия переоценить достаточно сложно, поскольку оно дает основной массив информации по расследованию тех или иных обстоятельств.

ДТП можно отнести к одной из серьезнейших ситуаций, которая требует самого тщательного расследования, в особенности если аварийные ситуации повлекли серьезный вред инфраструктуре или жизни или здоровью человека.

Научно-технический прогресс сегодня затронул абсолютно все сферы жизни, и его продукция с успехом применяется в том числе при расследовании ДТП. Одним из таких устройств является квадрокоптер, или беспилотный летательный аппарат, который применяется при расследовании ДТП и их реконструкции.

Одним из главных преимуществ использования данных средств при осмотре ДТП состоит в том, что существенно сокращаются временные затраты, например стандартный разбор и обмер необходи-

мых параметров занимает около 40 мин, в то время как съемка с воздуха позволяет зафиксировать все необходимые детали за 5 мин.

К сожалению, ДТП происходят не только в черте города, но и на удаленных трассах, и причинами могут быть, например, нарушение ПДД, внезапное ухудшение состояния здоровья у человека, нередко погодные условия.

Квадрокоптеры относятся к категории беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА). Применение БПЛА, особенно в последнем случае, особенно важно, поскольку позволяет более точно зафиксировать информацию, и что особенно важно – успеть зафиксировать именно те условия, которые сложились на момент аварии. Например, ДТП случилось на отдаленном участке трассы, был гололед и машину занесло; как правило, сотрудникам ГИБДД необходимо достаточное время, чтобы добраться до необходимого места. К этому времени погодные условия могут существенно измениться, например пойти дождь, снег, начаться оттепель и т. п. В этом случае установить виновника аварии будет гораздо сложнее, поскольку в силу вступит «субъективное» мнение сотрудника, в то время как использование квадрокоптера позволит и «добраться» до нужного места, и сделать съемку гораздо быстрее.

Квадрокоптер – по своей сути является многороторным, 4-х винтовым вертолетом, который может преодолеть 7 км расстояния со скоростью до 100 км/ч, имеет возможность подниматься до 500 м в высоту и находиться в воздухе более 40 мин без подзарядки [3].

Такие возможности устройства позволяют своевременно зафиксировать не только место происшествия, но и прилегающие территории, на которых могут присутствовать следы преступного посяательства.

Возможности данных устройств многократно увеличивают возможности человека, производящего осмотр, такие как:

- правильное определение границ осмотра;
- более точное определение места происшествия;
- нахождение и обнаружение малозаметных следов;
- расширение границ исследуемой местности;
- проанализировать совокупность следов и погодных условий, влияющих на длительность их сохранения;
- ориентация на местности;
- правильная проектировка дороги в дальнейшем;
- иное.

Однако немаловажное значение имеют навыки управления квадрокоптером и знание программного обеспечения, необходимого для снятия данных, ракурсов, замеров, составления схемы ДТП [4, с. 18].

Иногда при ДТП важность играет угол наклона дорожного покрытия (подъемы или спуски), малозаметное сужение и расширение дороги, которые человеческий глаз зафиксировать может лишь при их явной видимости, в то время как съемка с квадрокоптера позволяет получить эти данные практически в автоматическом режиме, при этом вся съемка тут же передается с БПЛА на принимающее устройство инспектора ГИБДД, в онлайн-режиме [5, с. 136–140]. Вышеописанные нюансы дорог при определенных обстоятельствах могут оказать значительное влияние на механизм ДТП, когда водитель выполняет резкие маневры, сближается с другим авто или идет на обгон, выезжает на встречную полосу или обочину.

Эксперты отмечают следующие недостатки современных методов сбора данных:

- значительные временные затраты;
- создание длительных «пробок»;
- риски для сотрудников полиции, поскольку работа производится на оживленной дороге или трассе;
- недостаточность детализации набросков схемы ДТП;
- субъективность при оценке обстановки;
- недостаточная техническая оснащенность необходимым оборудованием.

Применение квадрокоптеров позволяет производить фотограмметрию и аэрофотограмметрию, которые представляют собой методы сканирования поверхностей при помощи фотоснимков. В первом случае статичный объект фотографируют с разных ракурсов, затем загружают в специальную программу, которая посредством анализа создает облако точек и формирует цельный объект в 3D-изображение с учетом рельефа. Фотограмметрическая съемка помогает провести экспертное исследование, детально выяснить обстановку накануне, в ходе и по завершении происшествия. Фотограмметрия позволяет полнее передать детали обстановки, включая различные вещественные доказательства и следы (например шин), а также различные характеристики пространственного и иного характера. При расследовании ДТП данную фотосъемку обычно делает инспектор, на земле, с близкого расстояния. Во втором случае аналогичные действия производит квадрокоптер с воздуха. При этом воздушная съемка позволяет получить более качественные и точные данные [2].

Современные квадрокоптеры позволяют не только вести фото и видео-съемку, но также построить 3D-модели как поверхностных объектов, так и 3d-реконструкции на основе видеопоследовательности [1]. Эти данные позволяют не только восстановить картину

произошедшего, но и сделать правильные выводы при проведении судебных экспертиз.

Однако, при всех положительных аспектах применения квадрокоптеров, на сегодняшний день ведутся споры относительно законности такого применения, поскольку законодательно данные устройства не закреплены. При этом отметим, что, при расследовании любого преступления, если имеется видеозапись, свидетельствующая о ее причастности к данному событию и фиксирующая обстоятельства, имеющие важное значение для расследования, она приобщается к делу как вещественное доказательство, в связи с этим считаем, что фото и видеозаписи, сделанные при осмотре места ДТП, также должны иметь доказательное значение, то есть данные летательные устройства должны быть официально и законодательно разрешены, и закреплены.

Сегодня материально-техническое оснащение сотрудников теми или иными устройствами представляет одну из проблем, поскольку научно-технический прогресс не стоит на месте, и оборудование быстро устаревает, а на закупку нового бюджетных денег не хватает. В то же время необходимо проводить обучение сотрудников по управлению данными техническими средствами.

Значительное ускорение процесса осмотра места инцидента сопряжено и с тем моментом, что, как правило, необходимо как можно быстрее восстановить нормальное движение транспорта как на дорогах в черте города, так и на трассах.

Сегодня дорожная полиция уже ввела в практику использование дронов для наблюдения за дорожным движением или в целях преследования нарушителей. Однако в то же время нельзя скидывать со счетов и традиционные методы, применяемые при осмотре места ДТП, они особенно важны, когда использование квадрокоптера не представляется возможным, например в случае очень низких температур, осадков, при сильном ветре.

Набор для традиционного осмотра, как правило, включает рулетку или дорожное мерное колесо; ручку (карандаш), мел, фотоаппарат, блокнот для эскиза – это минимальный набор, позволяющий сделать самые необходимые наброски и замеры.

Одним из лучших и сравнительно недорогих инструментов воздушной фотограмметрии интернет-ресурсы рекомендуют квадрокоптер DJI Phantom 4 RTK, который оснащен комплексом различных датчиков, программным обеспечением для управления и планирования полетов, осуществления съемки и связан с наземной станцией для точного позиционирования. Данный аппарат был апробирован канадской полицией. Для осмотра места ДТП была

также использовано лазерное сканирование для 3D-моделирования ситуации.

Данный инструмент позволяет решить следующие задачи:

- установить точное местоположение участников движения и пострадавших лиц, используя привязку к местности;
- обнаружить и зафиксировать тормозной след автомобиля;
- обнаружить и зафиксировать следы грязи и битое стекло;
- обнаружить и зафиксировать повреждения участников движения;
- точно определить расстояние между объектами (с погрешностью до нескольких миллиметров);
- предоставить для следствия данные о степени повреждения транспорта.

Статья 26.2 КоАП указывает на то, что доказательством административного правонарушения являются любые фактические данные, на основании которых устанавливают наличие нарушения, виновность лица и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела. То есть сотрудники ГИБДД имеют право использовать беспилотные летательные аппараты без каких-либо ограничений.

Обязательной сертификации БЛА тоже не подлежат. Юристы поясняют: свидетельства о поверке должны иметь только те измерительные и технические приборы, которые фиксируют метрические нарушения – скорость, уровень шума, светопропускаемость, степень алкогольного опьянения и т. д. Когда устанавливается лишь факт нарушения (как с пересечением сплошной полосы), достаточно четкого снимка с камеры БЛА, на которой различим номер автомобиля.

Таким образом, считаем, что использование квадрокоптеров для оценки и осмотра места ДТП на сегодняшний день продиктовано современными реалиями. Преступления приобретают все более сложный характер, активность дорожного движения, перемещения людей и грузов растет с каждым днем, что соответственно увеличивает и количество ДТП. Сложные погодные условия, усталость водителей, плохое самочувствие – нередкие причины столкновений. К сожалению, аварии со смертельным исходом также заслуживают особого внимания. Детализация всех обстоятельств – важный ключ к расследованию. Поэтому, наряду с традиционными методами, использование научно-технических новинок не только ускорит неотложные следственные действия, но и поможет сделать точнее и правильнее необходимые замеры, параметры и прочие аспекты.

Список литературы:

1. Bing Han, Christopher Paulson, Dapeng Wu. 3D Dense Reconstruction from 2D Video Sequence via 3D Geometric Segmentation Journal of Visual Communication and Image Representation: Volume 22, Issue 5, July 2011, pp. 421–431.
2. Аэрофотограмметрия. URL: <https://azbukametalla.ru/entsiklopediya/a/aerofotogrammetriya.html> (дата обращения: 09.10.2023).
3. Пудовкин А. А., Теткин Д. В., Бондарев Д. В. Особенности проведения осмотра места происшествия, местности в труднодоступных местах и при дорожно-транспортном происшествии с помощью применения беспилотных летательных аппаратов // Известия ТулГУ. 2022. № 3.
4. Сидоров Н. Г. Использование беспилотных летательных аппаратов в следственной деятельности // Вестник Главного управления криминалистики. 2017. № 7.
5. Справцева Е. В. Применение квадрокоптеров в ГИБДД // Технические науки – от теории к практике. 2017. № 3 (63).

Дамир Игорьевич Хутаба,
старший следователь
СУ МВД РА МВД Республики Абхазия
Республика Абхазия, г. Сухум
E-mail: hutaba.damir@mail.ru

Превентивные меры обеспечения законности в процессуальной деятельности органа предварительного следствия

Аннотация

Обеспечение законности при проведении предварительного следствия является важной составляющей деятельности правоохранительных органов. Применение превентивных мер, позволит предупредить нарушения законности, а в последствие позволит обеспечить неотвратимость наказания для преступника. Статья содержит причины нарушений законности органами предварительного следствия, а также ряд превентивных мер, направленных на предупреждения таких нарушений.

Ключевые слова и словосочетания: превентивные меры; предварительное следствие; законность; правопорядок; процессуальные действия; прокурорский надзор; меры.

На этапе предварительного расследования законность является одним из главных принципов обеспечения процессуальной деятельности. Законность включает в себя строгое следования уголовно-процессуальным нормам при производстве предварительного следствия. Под законностью следует понимать определенное требование правомерности процессуальных действий, которые образуются из общезначимости права, необходимости регулирования правопорядка, а также конституционной гарантии соблюдения прав и законных интересов граждан Российской Федерации¹ [1].

Так, на практике часто фиксируются случаи, когда сотрудники следствия или дознания не следуют необходимой регламентации и нарушают принцип законности. Так, по данным Генеральной прокуратуры, в ходе надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в 2021 г. было выявлено

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газ. 2020. № 144. 4 июля.

5 172 609 нарушений, а в 2022 г. – 5 217 038 нарушений. Таким образом, несмотря на то, что в 2022 г. произошло незначительное увеличение нарушений на досудебной стадии уголовного судопроизводства, данная цифра остается высокой. Наравне с этим нарушение законности на этапе предварительного расследования негативно отражается на правосудии и может способствовать тому, что преступник останется безнаказанным.

Для обеспечения законности в процессуальной деятельности органа предварительного следствия могут быть использованы превентивные меры. К превентивным мерам относятся предупреждение нарушений законности [1, с. 39].

Для разработки эффективных превентивных мер обеспечения законности необходимо определить причины, которые становятся детерминантами нарушений органами предварительного следствия.

Одной из причин нарушения законности при осуществлении процессуальных мероприятий в ходе проведения следственно-оперативных действий выступают причины субъективного характера, к которым можно отнести следующие:

- невнимательность при оформлении процессуальных документов;
- незнание основ уголовно-процессуального законодательства;
- неверное планирование следствия;
- отсутствие у сотрудника опыта проведения предварительного следствия; профессиональная деформация сотрудника, когда следователь или дознаватель проводит расследование с обвинительным уклоном;
- отсутствие навыка оперирования полученными доказательственными.

Перечисленные причины часто становятся основанием для нарушения законности.

В целях искоренения и предупреждения таких нарушений необходимо повышать уровень подготовки сотрудников предварительного следствия путем постоянной работы по повышению квалификации сотрудников. Обучение должно быть направлено не только на повышение профессиональной, но и правовой подготовленности сотрудников. Необходимо проводить постоянные обучающие вебинары, которые демонстрируют актуальные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, отражают свежие положения судебной практики, а также разъяснения, содержащиеся в Пленумах Верховного суда Российской Федерации.

Среди объективных причин нарушения законности органами предварительного следствия можно отметить следующие:

- нехватка кадров, что ведет к перегрузке сотрудников предварительного следствия;
- низкое качество технического оснащения;
- сложные отношения в коллективе органов предварительного следствия;
- низкий уровень прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия;
- отсутствие или недостаток нематериального стимулирования сотрудников;
- слабое материальное стимулирование – низкая заработная плата наравне с высокой загруженностью сотрудников;
- негативное отношение граждан (общества) к профессиональной деятельности органов предварительного следствия.

Для предупреждения нарушения законности по объективным причинам можно использовать следующие превентивные меры.

Для стабилизации кадрового обеспечения органов предварительного следствия необходимо разработать и внедрить систему материальной и моральной мотивации для курсантов университетов МВД РФ, чтобы у них появилась цель работать в полиции. Такие меры помогут повысить престиж службы в правоохранительных органах и привлечь молодых специалистов [2, с. 388].

Для установления положительного контакта среди сотрудников органов предварительного следствия необходимо проводить психологическую работу с сотрудниками. К такой деятельности можно отнести совместные мероприятия: соревнования, выезды на профилактические мероприятия в школы, другие учебные заведения, чтобы сотрудники больше общались и строили здоровые коммуникации между собой.

Низкая заработная плата также является причиной нарушения законности. На сегодняшний день в результате реформирования в системе МВД России удалось повысить денежное довольствие правоохранительных органов, тем не менее, в некоторых случаях, когда, например, сотрудники работают ночью и в выходные, этого недостаточно.

Еще одной превентивной мерой обеспечения законности в процессуальной деятельности органа предварительного следствия выступает контроль и надзор со стороны органов прокуратуры. Как было изложено выше, органы прокуратуры ведут надзор за соблюдением законности. В связи с этим необходимо увеличить количество контролирующих органов за деятельностью органов предварительного следствия. Данное направление позволит снизить количество нарушений в изучаемой области. Сотрудники предварительного

следствия будут обязаны не допускать нарушений законности, так как будут знать о неотвратимости наказания, вплоть до увольнения со службы. Таким образом, данное направление также может привести к повышению имиджа правоохранительных органов и в частности органов предварительного следствия.

Таким образом, превентивные меры по обеспечению законности в процессуальной деятельности органов предварительного следствия должны включать в себя меры предупреждения субъективных и объективных причин, которые приводят к нарушениям.

Список литературы:

1. Валов С. В. Обеспечение руководителями следственных органов Следственного комитета Российской Федерации законности в деятельности подчиненных подразделений и сотрудников: учебно-методическое пособие. Москва: Московская академия Следственного комитета, 2020. 66 с.

2. Обеспечение законности и дисциплины в деятельности полиции / А. Т. Таилов, М. Н. Вдовиченко, А. О. Волчкова [и др.] // Развитие законодательства в современных условиях: тенденции, проблемы и их решения: сборник статей по материалам II Национальной научно-практической конференции, Элиста, 25 ноября 2022 г. / под ред. Н. В. Цуглаевой, С. С. Аштаевой. Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, 2022; Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 10.10.2023).

Кристина Владимировна Четвертакова,

адъюнкт

Академия управления МВД России,

E-mail: kristina.196@inbox.ru

**Противодействие расследованию преступлений как основа
криминалистического обеспечения безопасности участников
предварительного расследования**

Аннотация

В статье рассматриваются определение понятий «безопасность», «угроза» и «противодействие» и то, как они соотносятся с криминалистическим обеспечением безопасности участников предварительного расследования.

Ключевые слова и словосочетания: угроза; безопасность; противодействие; криминалистическое обеспечение; криминалистика; участники предварительного расследования.

Проблема противодействия расследованию преступлений имеет решающее на сегодняшний день значение, так как в рамках криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования вопрос преодоления противодействия разрешен не в полном объеме, соответственно возникает и вопрос о месте безопасности в науке криминалистики.

Понятие безопасности имеет место практически во всех отраслях научного знания. В контексте рассматриваемой темы нас интересует юридическая составляющая безопасности. В уголовно-правовых науках безопасность трактуется как система мер, направленных на предотвращение угрозы. Соответственно, безопасность, как система, должна включать в себя комплекс мероприятий, но прежде чем это определить, необходимо понять, а в чем выражается угроза?

Согласно Большому юридическому словарю, угроза – «в праве словесно, письменно или другим способом выраженное намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам; один из видов психического насилия над человеком» [2, с. 573].

Указанное определение достаточно полно описывает признаки угрозы как термина юридической науки. Действительно, в рамках уголовного права угроза есть деяние, за которое неминуемо следует наказание, в уголовном процессе – это явление, реагируя на кото-

рое, уполномоченные органы применяют в отношении участников уголовного судопроизводства меры безопасности, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), в криминологии «угроза» относится к категории виктимности и преступности и неразрывно связана с ними, в оперативно-розыскной деятельности – явление, на которое уполномоченные оперативные сотрудники реагируют, исходя из оперативной обстановки на обсуждаемой территории. Как же быть с криминалистикой? Как же в контексте данной науки раскрывается понятие «угроза»?

В криминалистике угроза не является ключевым термином, так как она входит в общую систему противодействия расследованию преступлений и является непосредственной составляющей вышеуказанного направления. Противодействие расследованию – одно из фундаментальных понятий в науке криминалистики, соответственно имеется несколько подходов к его определению.

Р. С. Белкин пишет, что противодействие расследованию – это «умышленная деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и в конечном счете установление истины по делу» [1, с. 129].

По мнению А. М. Кустова, противодействие предварительному расследованию – это «система противоправных действий, направленных на дезорганизацию работы по раскрытию преступления, воспрепятствование достижению истины по уголовному делу лицами, заинтересованными в уклонении от уголовной ответственности и наказания виновного» [4, с. 54–55].

В. О. Москвин полагает, что «противодействие расследованию может выступать в качестве способа деятельности, направленной не только на воспрепятствование вовлечению следов преступления в сферу расследования, но и на создание следов ложного преступления, инсценировки преступного события» [6, с. 137–145].

В целом научные авторские определения взаимодополняемы, и это объясняется тем, что, с одной стороны, противодействие расследованию – это противоправное поведение, чаще всего активное, реже пассивное, с другой – это действия, осуществляемые определенными субъектами, направленные на воспрепятствование деятельности органов предварительного расследования различными способами. То есть объединяя рассматриваемые понятия «безопасность» и «угроза», можно сказать, что угроза входит в понятие противодействия, а безопасность – это способ нейтрализации противодействия. Как возможно прибегнуть к нейтрализации в рамках криминалистического обеспечения безопасности?

По мнению А. В. Мишина, криминалистическое обеспечение безопасности участников процесса — это «закономерности криминалистического механизма реализации деятельности уполномоченных лиц по обеспечению безопасности защищаемых лиц, реализуемого уполномоченными лицами с применением криминалистических средств, методов и технологий» [5, с. 151]. Пока что это единственное определение, существующее в криминалистике. На наш взгляд, определение должно включать исключительно криминалистический аспект, а именно криминалистическую технику, тактику, методику и нейтрализацию противодействия расследованию преступлений. Полагаем, что вышеупомянутое определение носит общий характер для всех уголовно-правовых наук.

Наукой криминалистикой за несколько десятков лет было разработано множество методов и средств, так или иначе обеспечивающие безопасность участникам предварительного расследования при оказании противодействия в рамках расследуемого дела. Все эти методы и средства возникли неспроста. Первое упоминание о противодействии нашло свое отражение в «Курсе советской криминалистики» профессора Р. С. Белкина, где впервые термин «сокрытие» был отнесен к общей теории противодействия преступлениям. Тремя годами позднее И. М. Лузгин и В. П. Лавров опубликовывают научный труд на тему «Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение», в котором более подробно отражают основные аспекты сокрытия преступления. Далее научные мысли вышеперечисленных представителей криминалистической школы продолжились в трудах В. Н. Карагодина [7] и А. Г. Гельманова [3]. В результате краткого исторического экскурса стоит отметить, что проблемой противодействия расследованию начали усердно заниматься с конца 70-х гг. прошлого века, и именно на данном этапе было положено начало теории криминалистического обеспечения безопасности, еще не до конца изученной по сей день.

Тем не менее, мы соглашаемся с автором в части того, что «правовые отношения по обеспечению безопасности защищаемых лиц не начинаются одновременно с возникновением уголовно-процессуальных отношений, они могут возникнуть еще до начала производства по делу» [5, с. 20]. Действительно, в рамках криминалистического обеспечения безопасности субъекты расследования в лице следователя и дознавателя задолго до возбуждения уголовного дела предпринимают меры по нейтрализации противодействия при выборе технико-криминалистических средств, например фото-видеоаппаратуры, с целью возможной фиксации противодействия со стороны подозреваемых и обвиняемых, а также общаются к так-

тико-криминалистической характеристике конкретного следственного действия и составляют план его проведения, чтобы обеспечить безопасность себе и участникам следственного действия от возможного оказания противодействия. Затрагивая методико-криминалистическое обеспечение, следователь или дознаватель исходит из конкретного уголовного дела, находящегося у него в производстве. Например, при расследовании преступлений, связанных с организованной преступностью, следователь или дознаватель избирает такую тактическую и следственную ситуацию, которая позволила бы ему минимизировать угрозы, исходящие от подозреваемых или обвиняемых, с одной стороны, с другой – обеспечила бы безопасность следователю или дознавателю и иным участникам.

Противодействие в рамках криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования выступает некой «лакмусовой бумагой», на которую данное направление реагирует и, исходя из уровня угрозы, и составляет индивидуальный набор тех мер, методов и средств, подходящих для этой ситуации более всего. Соответственно для борьбы с угрозами, в рамках организованной преступности, следователь или дознаватель будет составлять один комплекс мер, а рамках преступлений против личности – иной план и т. д. Примечательно то, что в каждом конкретном случае, вне зависимости от категории преступления, предпринимаемые меры будут носить исключительно индивидуальный характер.

Таким образом, криминалистическое обеспечение безопасности участников предварительного расследования – это такой механизм, который направлен на преодоление противодействия расследованию. В свою очередь противодействие это и есть угроза в ее глобальном смысле, а безопасность, как правовой институт науки криминалистики, – это та мера, которая избирается для нейтрализации противодействия в целях эффективного расследования преступлений и защиты участников предварительного расследования.

Список литературы:

1. *Белкин Р. С.* Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органом предварительного расследования / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина., 1997. 990 с.

2. Большой юридический словарь / [В. А. Белов и др.]; под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2003. 703 с.

3. *Гельманов А. Г.* Сущность, криминалистическое значение и методы установления способа сокрытия преступлений против жизни и здоровья граждан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 1983. 20 с.

4. *Кустов А. М.* Механизм деятельности по противодействию расследованию // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений // Труды Академии МВД России. 1996.

5. *Мишин А. В.* Криминалистическое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: монография / под ред. д-ра юрид. наук., проф. В. Н. Григорьева. Москва: Юрлитинформ, 2023. 168 с.

6. *Москвин В. О.* Противодействие предварительному расследованию: понятие и классификация // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 3 / под ред. О. Я. Баева. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002.

7. Преодоление противодействия предварительному расследованию / В. Н. Карагодин. Свердловск: Уральский университет, 1992. 175 с.

Валентина Алексеевна Ращупкина,

адъюнкт

Академия управления МВД России,

E-mail: vdudchenko4@mvd.ru

Обнаружение и фиксация доказательственной информации в сетевом оборудовании при расследовании преступлений экономической направленности

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению основных видов сетевого оборудования, а также особенностям обнаружения и фиксации доказательственной информации, находящейся в нем. Сложность проведения экспертных криминалистических исследований в рамках расследования преступлений, совершенных с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, включая преступления экономической направленности, обусловлена динамичностью и крайне высокой скоростью изменения информации, представляющей интерес для органов следствия и дознания, специфичностью задач обнаружения и фиксации цифровых следов. В статье описаны различные криминалистические средства, используемые в отечественной и зарубежной практике для обнаружения доказательственной информации в сетевом оборудовании, в том числе и необходимой при расследовании преступлений в экономической сфере. Вместе с тем автор говорит о необходимости совершенствования технического обеспечения правоохранительных органов, а также правового регулирования преступлений экономической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова и словосочетания: *судебная компьютерная экспертиза; технико-криминалистические средства; сетевое оборудование; доказательственная информация; цифровая криминалистика; собрание доказательств; локальные сети; сетевые устройства.*

Стремительное развитие сферы высоких технологий и увеличивающееся количество преступлений, совершенных с их помощью, появление новых объектов криминалистического исследования и новых методов и средств преступного посягательства предопределяют сложности в прогнозировании, предотвращении и пресече-

нии преступлений экономической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Согласно статистическим сведениям МВД России¹ в 2023 г. выявлено 105,3 тыс. преступлений экономической направленности, материальный ущерб от которых составил 311,1 млрд руб. При этом пятая часть от общего числа преступлений была совершена с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (22 727 преступлений). В ходе расследования данной категории преступлений экспертным сообществом отмечается высокая потребность в специалистах, обладающих достаточной квалификацией и широкой компетенцией, для участия в следственных действиях с изъятием электронных накопителей, сетевого, серверного и мобильного оборудования, и осуществления фиксации и копирования информации, находящейся непосредственно на них [3, с. 61].

Вместе с тем, значительно увеличилось и общее количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации (зарегистрировано 677 тыс. преступлений, что на 29,7 % больше, чем за аналогичный период 2022 г.)². При этом хотелось бы отметить, что большая часть преступлений совершена с использованием сети Интернет и средств связи (526,8 тыс. преступлений).

В то же время современные технико-криминалистические средства и актуальное организационно-методическое сопровождение экспертной деятельности, сформированные под влиянием государственной научно-технической политики³, значительно расширили набор действий, осуществляемых в рамках проведения криминалистических исследований в ходе производства различных следственных действий [2, с. 100]. В настоящее время разработанный инструментарий позволяет искать, фиксировать, извлекать и анализировать информацию из различных цифровых носителей: накопителей информации, оперативной памяти компьютеров, мобильных, портативных устройств и др.

Поскольку в настоящий момент практически каждое информационное устройство имеет множество каналов связи и точек доступа к сети Интернет, задачи быстрого и эффективного обнаружения

¹ URL: <https://мвд.пф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 10.10.2023).

² URL: <https://мвд.пф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 10.10.2023).

³ О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

и фиксации доказательственной информации сетевого оборудования приобрели актуальный и довольно востребованный характер.

Под сетевым оборудованием понимают устройство, предназначенное для вычислений, хранения и управления данными, другими устройствами и системами по сети [4, с. 104]. Иначе говоря, это сложная компьютерная система, которая предоставляет сетевым устройствам такие специализированные услуги, как отображение веб-страниц, отправку или получение электронной почты и многое другое.

В соответствии с Государственным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р 51513-99 «Совместимость технических средств электромагнитная. Оборудование распределительных сетей приемных систем телевидения и радиовещания. Нормы электромагнитных помех, требования помехоустойчивости и методы испытаний»¹, сетевое оборудование можно классифицировать на активное и пассивное.

Активное оборудование – это оборудование, содержащее электронные схемы, получающее питание от электрической сети или других источников питания и выполняющее функции преобразования, усиления сигналов и иные. Активное оборудование обладает способностью фиксировать, передавать сигнал, а также обрабатывать техническую информацию, перенаправляя и распределяя поступающие потоки в соответствии со встроенными в память устройства алгоритмами.

В состав активного оборудования входят следующие типы устройств [5, с. 32]:

- 1) сетевой адаптер – плата, которая обеспечивает соединение компьютера и локальной вычислительной сети (далее – ЛВС);
- 2) коммутатор – устройство с несколькими портами, обычно используемое для объединения нескольких рабочих групп ЛВС;
- 3) маршрутизатор – устройство для объединения нескольких рабочих групп ЛВС, которое позволяет осуществлять фильтрацию сетевого трафика, разбирая сетевые адреса;
- 4) ретранслятор – устройство для создания усовершенствованной беспроводной сети с большей площадью покрытия и альтернативы проводной сети;

¹ ГОСТ Р 51513-99. Совместимость технических средств электромагнитная. Оборудование распределительных сетей приемных систем телевидения и радиовещания. Нормы электромагнитных помех, требования помехоустойчивости и методы испытаний. Введ. 2001-07-01. Москва: Госстандарт России, 1999. 15 с.

5) медиаконвертер – устройство для преобразования среды передачи данных;

6) сетевой трансивер – устройство для преобразования интерфейса передачи данных.

Под пассивным сетевым оборудованием подразумевается оборудование, не наделенное «интеллектуальными» особенностями. Например, кабель, вилка (розетка), повторитель (репитер), патч-панель, концентратор для коаксиальных кабелей и т. д. Также к пассивному оборудованию можно отнести телекоммуникационные и монтажные шкафы, стойки и т. д.

Доказательственная информация, содержащаяся в сетевом оборудовании, включает в себя те аспекты и характеристики, которые могут быть использованы для идентификации, анализа и отслеживания активности сетевых устройств в контексте раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе в экономической сфере [1, с. 10]. Эти данные позволяют специалистам в области информационной безопасности и цифровой криминалистики определять и анализировать возможные различные виды нежелательной активности, включая неправомерный доступ к компьютерной информации, воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, создание, использование и распространение вредоносных программ с целью перехвата персональных данных пользователей.

Рассмотрим некоторые цифровые следы, связанные с сетевым оборудованием, которые могут быть обнаружены в ходе расследования вышеуказанной категории преступлений:

1. MAC-адреса. Уникальный идентификатор оборудования, присвоенный сетевым интерфейсам. MAC-адреса могут использоваться для отслеживания физических устройств или их перемещений по сети.

2. IP-адреса. Указывают на источник и назначение пакетов данных в сети. IP-адреса могут использоваться для идентификации устройств или пользователей, а также для отслеживания их действий в сети.

3. Лог-файлы, содержащие журналы событий сетевого оборудования. Содержат информацию о сетевом трафике, подключениях, аутентификации пользователей, ошибках системы и других значимых событиях. Лог-файлы могут предоставить подробную картину активности в сети.

4. Характеристики сетевого трафика. Анализ паттернов трафика, таких как объемы данных, частота обращений, типы протоколов

и порты назначения, может выявить аномалии или подозрительную активность.

5. Конфигурационные файлы и версии прошивок. Предоставляют информацию о настройках устройства и его программном обеспечении. Изменения в этих данных могут указывать на несанкционированные попытки модификации оборудования или программного обеспечения.

6. Артефакты удаленного управления и администрирования. Учетные данные, лог-файлы сессий, история команд могут указывать на действия администраторов или злоумышленников, пытающихся управлять сетевым оборудованием.

7. Информация о подключенных к сетевому оборудованию устройствах, включая их идентификационные данные, типы устройств и периоды активности.

Хотелось бы отметить, что, как правило, обнаружение данной информации происходит непосредственно на месте происшествия с участием специалиста, в ходе таких следственных действий, как: осмотр места происшествия, осмотр предметов, обыск и выемка. Действия по обнаружению и фиксации доказательственной информации в сетевом оборудовании требуют глубоких знаний и опыта в области цифровой криминалистики и информационной безопасности, а также доступа к специализированным инструментам и технологиям для сбора, анализа и интерпретации данных.

В работе специалисты используют современные методы мониторинга и анализа сетевого трафика. Оно включает в себя обзор существующих систем управления сетью (Network Management Systems), встроенных систем диагностики и управления, средств управления системой, анализаторов протоколов, оборудования для диагностики и сертификации кабельных систем, экспертных систем для обнаружения аномалий в сетевом трафике.

Также получение доказательственной информации в сетевом оборудовании происходит в рамках проведения специальных технических мероприятий, связанных с оперативно-розыскной деятельностью, включая мониторинг и анализ сетевого трафика, а также получение информации о технических средствах с удаленным доступом или устройствах, непосредственно размещенных в сети Интернет. Данные мероприятия осуществляются с помощью специализированных программных и аппаратных средств для наблюдения и анализа данных, проходящих через сеть, в реальном времени или постфактум.

Важным аспектом как следственных действий, так и специальных технических мероприятий является соблюдение юридиче-

ских и этических норм, так как они зачастую затрагивают частную информацию и могут требовать специального разрешения или согласия на проведение таких действий.

Несмотря на значительные отличительные особенности в проведении таких специальных действий, обе процедуры позволяют получить подчас необходимую для органов следствия и дознания криминалистически значимую информацию и требуют современного технического оснащения, а также наличия в подразделении сотрудников, имеющих соответствующую квалификацию и необходимую компетенцию. Также хотелось бы отметить актуальность проработки вопроса правового регулирования преступлений экономической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, ввиду появления новых предметов преступного посягательства и способов совершения преступлений.

Список литературы:

1. *Волеводз А. Г.* Следы преступлений, совершенных в компьютерных сетях // Российский следователь. 2002. № 1.
2. *Гаврилин Ю. В.* О понятии и содержании государственной научно-технической политики в области криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности (криминалистической политики) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2.
3. *Ращупкина В. А., Чурин Р. А.* Современное состояние компьютерной судебной экспертизы в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России // Судебная экспертиза Беларуси. 2023. № 1 (16).
4. *Таненбаум Э., Уэзеролл Д.* Компьютерные сети. 5-е изд. Санкт-Петербург, 2012. 960 с.
5. Cisco Networking Academy Program CCNA 3 and 4 Companion Guide. Москва: «Вильямс», 2006.

Александр Фомич Волинский,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры криминалистики
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя,
профессор кафедры оперативно-розыскной
и судебно-экспертной деятельности
Московская академия Следственного комитета
имени А. Я. Сухарева
E-mail: Kse60@mail.ru

Владимир Антонович Прорвич,
доктор юридических наук,
доктор технических наук, профессор,
Почетный профессор Московской академии
Следственного комитета имени А. Я. Сухарева,
профессор-исследователь
Департамента уголовного права,
процесса и криминалистики
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
E-mail: Kse60@mail.ru

**Информационные эталоны и циклические алгоритмы применения
криминалистических методик для выявления и расследования
реальных совокупностей преступлений
в сфере цифровой экономики и финансов**

Аннотация

В статье обоснована необходимость формирования интегрированного научного фундамента, нацеленного на создание высокотехнологичного инструментария выявления криминальных фактов в потоке транзакций, осуществляемых субъектами экономических отношений различного уровня и вида; рассматриваются особенности выявления криминальных действий в системе информационных прав, отнесенных законодателем к обязательным правам, связанным с правилами информационных систем, установленных их обладателями. Фактически обозначается новый вектор развития криминалистики, ориентированный на выявление, раскрытие и рас-

следование преступлений, совершаемых в искусственно созданном виртуальном информационном пространстве компьютерных сетей, но с реальными материальными последствиями. При этом определена иерархическая система юридических алгоритмов из семи уровней, которая может стать основой для разработки пакета компьютерных программ для использования в соответствующих интерактивных информационных системах.

Ключевые слова и словосочетания: *цифровая экономика; реальные совокупности преступлений; криминалистические характеристики; криминалистические методики; циклические алгоритмы; обратные связи; дифференцирование составов преступлений.*

Современная экономическая преступность, взявшая на вооружение самые разнообразные компьютеризованные устройства и информационные технологии, в последние годы развивается высокими темпами. За последние 15 лет количество подобных преступлений возросло почти в 50 раз, причем преступления данного вида нередко совершаются в виде реальных совокупностей с различными формами соучастия определенных лиц и их организованных групп и характеризуются высочайшим уровнем латентности [10].

1. Основные особенности следов преступлений в сфере цифровой экономики и финансов, и новые способы их выявления и фиксации. Проведенные исследования показывают, что «цифровые права» законодатель отнес к одному из подвидов вещных прав – обязательственным правам. Но в соответствии с Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ они были связаны не с договорными отношениями сторон, а с правилами информационных систем, установленным их обладателями. При этом единые требования к содержанию данных правил, контролю за их соблюдением установлены не были. Более того, Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ правоотношения российских субъектов были связаны еще и с правилами иностранных информационных систем, со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для обеспечения их уголовно-правовой защиты.

Здесь важно обратить внимание на то, что в соответствии с действующим законодательством практически все транзакции в сфере цифровой экономики и финансов субъекты цифровых прав осуществляют с использованием электронных документов и иной электронной информации. К примеру, эмиссионные ценные бумаги выпускаются в бездокументарной форме электронных записей и регистрируются в определенных информационных системах. Бир-

жевые торги, годовой объем которых сопоставим с ВВП страны, ими осуществляются с помощью информационных систем брокеров, трейдеров и других профессиональных участников фондового рынка, заключенные сделки в рамках клиринговых центров регистрируются в электронных реестрах специализированных информационных систем, а платежи осуществляются с помощью электронных платежных систем.

При этом потоки соответствующей электронной информации отличаются высокой интенсивностью, на уровне многих тысяч и даже миллионов транзакций каждую секунду. А обладатели информационных систем не только устанавливают свои правила, но и используют оригинальное программное обеспечение, причем особенности своих «договорных» отношений с обладателями других информационных систем третьим лицам не раскрывают. Внедряясь в одно или несколько звеньев из описанной цепочки информационных систем, связанных обязательственными правами, преступники получают возможности применения самых современных информационных технологий для сокрытия своих незаконных операций.

В многочисленных публикациях, выпущенных в последнее время, некоторые юристы настаивают на необходимости использования таких понятий, как «цифровые следы» преступлений, «цифровые доказательства» и даже «цифровые преступления». Как показывает анализ их содержания, надлежащее правовое обоснование таких нововведений они не проводят, не обращая внимания на то, что в уголовном и уголовно-процессуальном праве подобные «цифровые» понятия законодателем не используются.

Проведенные в последние годы комплексные межведомственные исследования под нашим руководством показали, что для надлежащей идентификации и фиксации следов преступлений в сфере цифровой экономики, совершенных с использованием компьютеризованных устройств и информационных технологий, применение «традиционных» подходов, «осовремененных» новой «цифровой» терминологией, не приводит к желаемым результатам.

Для понимания особенностей приготовления и совершения таких преступлений, включая процессы формирования их следов, необходимо прежде всего учитывать особенности организации обработки информации в современных компьютерах, большая часть которых создана на основе принципов фон-Неймановской архитектуры. К важнейшим из них относятся не только использование двоичной системы счисления для кодирования электронной информации. Структура электронной системы компьютеров должна включать арифметическое устройство, устройство управления

(процессор), устройства ввода-вывода информации, электронные устройств памяти, в которой должны находиться как компьютерная программа, так и обрабатываемые данные, причем программа может быть изменена в ходе ее выполнения [6].

То есть неотъемлемой частью любых современных компьютеров является комплекс компьютерных программ, написанных на специальных алгоритмических языках, причем подавляющее большинство ученых-юристов, как и других людей, этими языками не владеют. Более того, попытки апологетов цифровизации криминалистики, цифровых следов и доказательств сделать главный акцент лишь на первой части процитированного выше определения – использования в цифровых компьютерах двоичной системы счисления, в которой для кодирования информации используются две цифры – ноль и единица, отражают не только их весьма упрощенные, но и глубоко ошибочные представления о главных особенностях современной компьютерной техники и информационных технологий. Тем более, что для преобразования экономической информации в вид, пригодный для ее компьютерной обработки, используются не цифры 0 и 1, а коды ASCII, представленные набором чисел от 0 до 255, записанных в двоично-восьмеричном коде.

Соответственно, в самом упрощенном представлении следы преступлений рассматриваемого вида гораздо больше оснований называть закодированными числовыми следами. А если озаботиться о максимально корректной имплементации понятий, используемых в сфере наук информационного блока, в сферу криминалистики, то можно сделать следующий однозначный вывод. Следы преступлений в сфере цифровой экономики и финансов представляют собой закодированную с помощью соответствующего системного и прикладного программного обеспечения информацию криминального характера. При этом она может содержаться не в одном электронном документе, а распределена по определенной совокупности таких документов или иной электронной информации [5].

Более того, обращение к положениям ч. 1 ст. 74 с учетом ч. 1 ст. 24 УПК РФ показывает, что законодатель определил ключевое для всей системы уголовного судопроизводства понятие «доказательство» как регламентированную по своей структуре и содержанию информацию в виде системы сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, а также о признаках состава конкретного преступления. Порядок получения и фиксации данных сведений, их последующей проверки и оценки, а затем использования в формировании достаточной совокупности доказательств и доказывании

по соответствующим уголовным делам подробно регламентирован уголовно-процессуальным законодательством.

Игнорирование данных положений приводят лишь к формированию высокого уровня рисков совершения юридических ошибок, ведь каждое преступление рассматриваемого вида имеет свои индивидуальные особенности, а их общие признаки, формируемые в системе цифровых прав и отражающие новые виды общественно опасных деяний, не имеют никакого отношения к каким-либо цифрам.

Соответственно, для выявления и фиксации следов таких преступлений и последующего надлежащего формирования доказательств на основе содержащейся в них информации необходимо проблемно-ориентированное программное обеспечение. В свою очередь для его создания решающее значение имеет формирование системы юридических алгоритмов, которые воспроизводят на алгоритмическом языке содержательные особенности соответствующих криминалистических методик расследования преступлений в сфере цифровой экономики и финансов. Их особенности, с учетом специфики проявлений множественности преступлений рассматриваемого вида, анализируются ниже.

2. Некоторые характеристики основных проявлений множественности преступлений в сфере цифровой экономики и финансов и формирования криминалистических методик их расследования. Проведенные исследования показывают, что среди причин столь высокого уровня латентности современной экономической преступности выделяется ряд принципиально новых, связанных с применением «традиционного» инструментария, созданного в рамках наук уголовно-правового блока, к преступлениям в сфере цифровых прав. При совершении многих тысяч транзакций каждую секунду во взаимосвязанных информационных системах профессиональных участников финансового или фондового рынков, лицензированных Банком России, могут совершаться преступления не только в сфере цифровой экономики и финансов, но и «сопутствующие» им преступления в сфере компьютерной информации и ряд других [8].

В результате анализа особенностей совершения совокупностей таких преступлений выявлены не только примеры «реальных» совокупностей или рецидива преступлений, совершенных одним лицом. Во многих случаях приходится сталкиваться с совокупностями преступлений, совершаемых несколькими субъектами с различными формами их соучастия, когда исполнитель одного преступления в сфере цифровой экономики является организатором второго преступления в сфере компьютерной информации, использованной

при совершении первого преступления. Одновременно организатор первого преступления является подстрекателем и пособником второго преступления. При этом данные субъекты могут находиться в разных городах и даже странах, общаясь с использованием закодированной электронной информации и компьютерных сетей.

С учетом ряда особенностей организации управления высокими интенсивными и сложно структурированными потоками больших данных, характерных для цифровой экономики и финансов, выявление в них криминальных событий в режиме «реального времени» без использования проблемно-ориентированного системного и прикладного программного обеспечения невозможно. Попытки организации решения весьма сложных задач по выявлению закодированных информационных следов криминальных событий, распределенным по различным электронным документам, в «ручном» либо даже в «полуавтоматическом» режиме контроля за потоками таких данных пока еще не приводят к существенным результатам. Это показали результаты многолетней совместной работы с представителями руководства и специалистами Банка России и их обсуждения в рамках круглого стола в Московской академии Следственного комитета России еще 3 года назад.

Между тем приходится констатировать и определенные элементы саморазвития современной преступности, использующей все более изощренные способы внедрения в информационные потоки самых разнообразных транзакций законопослушных граждан и организаций с криминальными целями, а также их маскировки. При этом вредоносные компьютерные программы хакеров намного проще, чем те программы, которые разрабатываются многочисленными коллективами ИТ-специалистов для управления потоками информации, необходимой для позитивного саморазвития экономики знаний. Аналогичные выводы можно сделать и о тех программных продуктах, которые используются при осуществлении самых разнообразных преступлений с использованием Интернета.

Вместе с тем пока еще компьютерные программы, реализующие криминалистические методики для выявления, раскрытия и расследования совокупностей преступлений в сфере цифровой экономики и финансов, в том числе совершенных группой лиц с различными формами соучастия, находятся в стадии разработки. В рамках исследований по созданию системы юридических алгоритмов, закладываемых в их основу, на одно из первых мест выходит создание системы «информационных эталонов», позволяющих формализовать важнейшие признаки составов преступлений рассматриваемого вида, а также наиболее часто встречающихся «сопут-

ствующих» преступлений. В нее включаются информационные эталоны поведения законопослушных субъектов цифровой экономики и финансов в ситуациях, характерных для типичных криминальных проявлений рассматриваемого вида.

На основе применения специальных алгоритмов многоуровневого анализа данной системы информационных эталонов может быть создана система развернутых требований к информационному содержанию доказательств, формирование которых необходимо для надлежащего расследования преступлений рассматриваемого вида. Особое место среди них занимают иерархические системы юридических алгоритмов, позволяющих реализовать на практике соответствующие криминалистические методики расследования преступлений в сфере цифровой экономики и финансов. Подчеркнем, что при разработке научных основ таких криминалистических методик важно сохранить концептуальные основы их формирования, заложенные ведущими учеными-криминалистами [10] и развитые в последние годы ведущими учеными-криминалистами нового времени.

Прежде всего речь идет о первой, базовой части криминалистических методик – криминалистической характеристике преступлений в сфере цифровой экономики и финансов, основанной на их уголовно-правовой характеристике, системе обстоятельств, подлежащих доказыванию, и информационных особенностях криминальных событий [10]. На этой основе создаются новые возможности для формализации процессов обработки электронных документов и иной электронной информации, имеющей значение для расследуемого уголовного дела, в рамках следующих информационных модулей криминалистической методики расследования преступлений рассматриваемого вида.

В результате могут быть сформированы отдельные юридические алгоритмы, нацеленные на проблемно-ориентированную обработку документированной электронной информации применительно к анализу и разрешению складывающихся следственных ситуаций, формированию, обоснованию и проверке следственных версий, выполнению отдельных видов следственных действий, включая привлечение оперативных сотрудников, лиц, обладающих необходимыми специальными знаниями, осуществлению многоступенчатых профилактических мер и т. п.

Это позволяет сформировать иерархическую систему юридических алгоритмов различного вида и назначения со специально выстроенными внутренними и внешними, прямыми и обратными связями их информационных модулей. С их использованием соз-

даются возможности гибкой перестройки общего алгоритма применения отдельных алгоритмов в рамках данной криминалистической методики, включая ее применение в рамках нескольких циклов, сориентированное на выявление, раскрытие и расследование совокупностей преступлений данного вида.

В результате открываются принципиально новые возможности для выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере цифровой экономики и финансов с помощью комплекса оригинальных программных средств, обеспечивающих выполнение необходимых следственных действий с использованием электронных документов и иной электронной информации [3]. При этом сделан ряд акцентов на обеспечение контроля за сохранением правового статуса промежуточных и итоговых результатов обработки документированной информации в рамках интерактивных информационных систем.

3. Особенности многоуровневой иерархической системы юридических алгоритмов для оперативного выявления, своевременного раскрытия и надлежащего расследования совокупностей преступлений в сфере цифровой экономики и финансов. Концептуальные основы создания многоуровневых систем юридических алгоритмов для практической реализации соответствующих комплексных криминалистических методик расследования совокупностей киберпреступлений с различными формами соучастия были разработаны в рамках совместных работ с В. В. Бычковым [2]. Важнейшие принципы их формирования носят универсальный характер и могут быть использованы применительно к киберпреступлениям в сфере цифровой экономики и финансов.

Проведенные исследования позволили выделить семь уровней иерархической системы алгоритмов обработки электронной и иной информации в рамках комплексной криминалистической методики расследования преступлений в сфере цифровой экономики и финансов. Как уже отмечалось выше, в основу данной структуры информационных модулей был заложен ряд установок, сформулированных еще в прошлом веке Н. П. Яблоковым и развитых в трудах А. А. Бессонова.

На первом уровне представлена система юридических алгоритмов, нацеленных на надлежащее формирование криминалистической характеристики преступлений в сфере цифровой экономики и финансов. При этом производится формализация взаимных связей уголовно-правовой и уголовно-процессуальной характеристик преступлений данного вида с правилами используемых информационных систем и соответствующей информационно-технологиче-

ской составляющей. С помощью соответствующих интерактивных информационных систем и используемых в них юридических алгоритмов обеспечиваются возможности организации обработки указанной информации в циклическом режиме.

После формирования информационно полной системы признаков «основного» киберпреступления, в случаях выявления признаков совершения их определенной совокупности, при выполнении работ в рамках следующих уровней данной иерархической системы юридических алгоритмов производится возврат к данному, первому уровню. Затем выполняется сопоставительный анализ сформированной системы признаков второго и, возможно, других преступлений совершенной их совокупности, с признаками «основного» киберпреступления.

На втором уровне сформирована система юридических алгоритмов, позволяющих формализовать особенности типичных следственных ситуаций, которые возникают на разных этапах расследования уголовных дел о таких киберпреступлениях. При этом учитываются не только конкретные условия времени и места совершения таких преступлений, но и их взаимные связи, а также внешние условия деятельности субъектов цифровых прав. Особое значение приобретает разработка комплекса алгоритмов, нацеленных на разрешение типичных следственных ситуаций, возникающих в информационном пространстве компьютерных сетей.

На третьем уровне используется система алгоритмов формирования ряда «нечетких множеств» ориентирующих сведений и «мягких вычислений», обеспечивающих использование вероятностного знания о преступлениях данного вида при построении и обосновании следственных версий. При этом они дополняются алгоритмами проверки таких следственных версий с системой соответствующих критериев, по результатам которой обеспечиваются возможности внесения корректировок и дополнений в первоначально сформированный план расследования.

Важную роль здесь приобретает надлежащее формирование «информационных эталонов», основанных на обобщении реального опыта правоприменения по киберпреступлениям данного вида, с последующим сопоставлением полученных выводов с результатами моделирования преступлений данного вида и их совокупностей с различными формами соучастия. При этом возможно введение обратных связей алгоритмов данного уровня с алгоритмами первого уровня, позволяющих своевременно вносить необходимые корректировки криминалистической характеристики киберпреступлений данного вида.

На четвертом уровне система соответствующих алгоритмов обработки электронных документов и иной электронной информации нацелена на надлежащее методическое и информационно-технологическое обеспечение всего комплекса следственных действий, позволяющих надлежащим образом выполнить сбор, проверку и оценку необходимых доказательств по расследуемому уголовному делу, а затем установить достаточность собранной совокупности доказательств. При этом алгоритмы работы следователя с электронной документацией имеют ряд специфических особенностей, которые учитываются при их формировании. Но в любом случае регламентация их выполнения должна соответствовать требованиям действующего законодательства.

На пятом уровне система алгоритмов имеет ряд специфических особенностей, связанных с организацией применения всего комплекса специальных знаний и профессиональных компетенций судебных экспертов и специалистов, необходимого для получения доказательств по расследуемым уголовным делам, а также обеспечения их надлежащей проверки и оценки. Особое внимание уделяется алгоритмам надлежащего информационного обеспечения взаимодействия следователя со специалистами в многопользовательском режиме, сориентированном на использование описанных выше интерактивных информационных систем. При этом на основе подробного описания данных алгоритмов возможно создание экспертных методик, обеспечивающих выполнение надлежащей проверки и оценки соответствующих заключений экспертов как доказательств по соответствующим уголовным делам.

При разработке комплекса взаимосвязанных алгоритмов на данном уровне их иерархической системы важно также учитывать ряд особенностей возникшего в последние десятилетия смещения ряда смысловых акцентов при раскрытии содержательных особенностей таких понятий, как «экспертно-криминалистическая» и «судебно-экспертная» деятельность [4].

На шестом уровне создаваемая система взаимосвязанных алгоритмов сориентирована на выполнение надлежащей проверки и оценки следователем каждого из собранных доказательств, а затем и на установление достаточности их собранной совокупности. В их основу заложены алгоритмы формирования «двойных» юридических тождеств и установления информационной полноты или избыточности данных тождеств [7], которая возникает в случае совершения не одного, а нескольких преступлений рассматриваемого вида, образующих реальную совокупность, в том числе с различными формами соучастия их субъектов. В случае выявления

признаков второго преступления происходит возврат на первый уровень алгоритмов рассматриваемой их иерархической системы и последовательное выполнение алгоритмов обработки информации на следующих уровнях.

Перевод методического обеспечения расследования преступлений в сфере цифровой экономики и финансов в циклический режим применения алгоритмов всех рассмотренных уровней обеспечивает следствие принципиально новыми возможностями для выявления признаков второго преступления из совершенной их совокупности, организовать его надлежащее расследование, а затем выполнить необходимые следственные и иные процессуально регламентированные действия для каждого из остальных совершенных преступлений данной совокупности. Это позволяет в итоге дифференцировать составы каждого из совершенных преступлений выявленной их совокупности.

Применение криминалистических методик расследования киберпреступлений в сфере экономики и их совокупностей с различными формами соучастия, построенных по принципу «циклической» организации расследования с обратными связями, на первый взгляд многократно усложняет работу следователя. Но это позволяет существенно снизить количество таких случаев, когда из совокупности совершенных преступлений рассматриваемого вида выявляется и расследуется только одно, наиболее очевидное или простое в расследовании преступление. А соучастники других преступлений остаются безнаказанными.

На седьмом уровне с помощью специальной группы алгоритмов обеспечивается формирование достаточных совокупностей доказательств по каждому из составов выявленных преступлений рассматриваемого вида. Это позволяет не только надлежащим образом сформировать обвинительное заключение по расследованному уголовному делу, но и вывести на новый уровень профилактику таких преступлений. Кроме обеспечения неотвратимости наказания за такие преступления, возникают возможности и для их «многоступенчатой» профилактики, в том числе на основе надлежащего информационного обеспечения применения «привилегированных» уголовно-правовых норм по определенным видам преступлений в сфере цифровой экономики и финансов.

Предварительные оценки показывают, что создание пакета соответствующих компьютерных программ на основе рассмотренной иерархической системы алгоритмов возможно в ближайшие 1–2 года. Это позволит вывести на качественно новый уровень борьбу с манипулированием рынком, а также с рядом других пре-

ступлений в сфере цифровой экономики и финансов. Приглашаем заинтересованных специалистов к участию в наших исследованиях и разработках.

Список литературы:

1. Бессонов А. А. Технология построения типовой криминалистической характеристики преступлений // Российский следователь. 2018. № 7.
2. Бычков В. В., Прорвич В. А. Особенности циклического алгоритма выполнения следственных действий при расследовании совокупностей преступлений в сфере киберэкстремизма с различными формами соучастия // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 4.
3. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: монография. Москва: Экономика, 2020.
4. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Современное состояние экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности и перспективы ее реформирования // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18–19 октября 2022 г. Москва, 2023.
5. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты): монография. Москва: Экономика, 2019.
6. Нейман. Большая Российская Энциклопедия. Москва: Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия», 2013. Т. 22.
7. Новиков А. М., Прорвич В. А. Доказательства и доказывание в следственной практике. Москва: Московская академия Следственного комитета России, 2022.
8. Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений: учебно-методическое пособие / под ред. А. И. Бастрыкина, А. Ф. Волынского, В. А. Прорвича. Москва: «Спутник+», 2016.
9. Уроки правоприменительной практики борьбы с манипулированием рынком: научно-практическое пособие / под. ред. проф. А. П. Опальского. Москва: Альпен-Принт, 2022.
10. Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика как составная часть общей криминалистической теории // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы: тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции. Тула, 2000.

Ирина Павловна Можаяева,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры организации деятельности органов внут-
ренних дел центра командно-штабных учений
Академия управления МВД России
E-mail: mirina-crim@yandex.ru

Ирина Николаевна Васильева,
кандидат социологических наук,
заместитель начальника кафедры организации деятельности
органов внутренних дел центра командно-штабных учений
Академия управления МВД России
E-mail: dinikoll@mail.ru

Современное состояние и перспективы цифровизации деятельности органов внутренних дел

Аннотация

Актуальность предпринятого в научной статье исследования современного состояния и перспектив цифровизации деятельности органов внутренних дел определяется совокупностью таких факторов, как: а) недостаточная теоретическая проработанность вопросов цифровой трансформации деятельности органов внутренних дел; б) несовершенство правового регулирования рассматриваемой сферы; в) сложности при организации внедрения средств, приемов и методов цифровой трансформации деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова и словосочетания: *цифровая трансформация; ОВД; основные направления цифровизации деятельности органов внутренних дел.*

Актуализация проблематики использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти, а также в деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) обусловлена первоочередной потребностью в целенаправленном изменении форм политических, социально-экономических отношений, усиления контроля над элементами социальной среды и управления ими.

Новый период исторического развития диктует стратегические направления развития современного информационного общества

в непрерывно трансформирующейся информационно-коммуникационной системе. Учитывая данные необратимые изменения, благодаря которым публичная власть выходит за пределы традиционно сложившихся институтов властно-государственного управления, трансформация организационно-правовых механизмов общественных отношений вызывает необходимость в целенаправленных усилиях по конструированию и поддержанию порядка, который все больше воспринимается как объект технологизации систем управления. В связи с этим на повестке дня стоит вопрос, как и с помощью каких технологий, какими методами и средствами воздействовать на участников правоохранительных отношений для обеспечения безопасности.

Важность эффективного применения технологий отмечает профессор А. В. Тихонов, подчеркивая, чтобы не оказаться на обочине истории и обеспечить достойную жизнь каждого, необходимо обратить имеющиеся у страны природные и социокультурные предпосылки в разумные законы, выполнимые программы, в нормально функционирующие институты и технологии. В противном случае наше отставание может стать необратимым и жаловаться на это будет некому [5, с. 422].

Недостаточный уровень разработки концептуальных оснований данных технологий оказывает негативное влияние на практику их использования в деле решения проблем обеспечения безопасности общества: положительные эффекты одних перекрываются негативными последствиями других, что в свою очередь отражается на общественном мнении о ситуации в стране по противодействию новым вызовам и угрозам. Основной движущей силой развития новой технологической, социально-экономической и культурной реальности является наличие адекватных потребностей в цифровых технологиях, пронизывающих все сферы общественных отношений.

Новейшее индустриальное общество несмотря на потенциал цифровизации, ежедневно сталкивается с проблемами следующего характера: 1) формирование новой парадигмы цифровой трансформации; 2) разработка теоретико-методологических основ цифровизации деятельности, включающих формирование категориально-понятийного аппарата, установления закономерностей, принципов, функций и задач цифровизации различных видов деятельности, выработка приемов, средств и методов, научное обоснование структурно-содержательных элементов и др.; 3) построение системы правового регулирования цифровизации деятельности, включающей нормотворческую и правоприменительную ее составляющие; 4) формирование эффективного организационного механизма

внедрения средств, приемов и методов цифровой трансформации; 5) выработка алгоритмов адаптации к новому социально-технологическому укладу, и как следствие модернизация сложившихся систем управления.

Можно говорить о поэтапном становлении системы правового регулирования цифровизации всех сфер деятельности с учетом иерархических уровней. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹ (далее – Стратегия) отмечается, что информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. В развитие Стратегии принята Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»². Положение о ведомственных программах цифровой трансформации, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами», сформировало правовой фундамент для отраслевых правовых актов, регламентирующих организационно-правовые механизмы цифровой трансформации в различных сферах. В числе которых распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы»³.

Важно обратить внимание, что Президент Российской Федерации В. В. Путин, утвердил перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», состоявшейся 24 ноября 2023 г., которые позволят реализовать системную программу в сфере развития искусственного интеллекта. Неоднократно руководитель страны отмечает, что необходимо «обеспечить массо-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Цифровая экономика Российской Федерации [Электронный ресурс]: Программа: утверждена распоряжением Правительства Рос. Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <https://government.ru/docs/all/112831/> (дата обращения: 10.10.2023).

³ Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы: распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37.

вое внедрение искусственного интеллекта во все сферы, внедрить его технологии в каждый нацпроект и госпрограмму¹.

Расширение полномочий и усложнение задач, возрастание значимости юридических последствий системных ошибок и недостатков в процессе организации правоохранительной деятельности (с учетом направленности и специфики каждой из правоохранительных функций: уголовно-процессуальные, оперативно-розыскные, административно-юрисдикционные и др.) требует непрерывного мониторинга и совершенствования правового регулирования, организационно-управленческих, научно-методических основ, а также материально-технической базы, активного внедрения информационно-коммуникационных технологий и своевременной подготовки квалифицированных кадров, способных эффективно использовать внедряемые технологии.

Следовательно цифровизация всех процедур, связанных с деятельностью правоохранительных органов, порождает принципиально новые обстоятельства их работы, влияя тем самым на общее качество жизнедеятельности в государстве. В настоящее время актуальным является создание концептуальных основ механизма рефлексивного управления правоохранительными органами с целью повышения эффективности их деятельности в условиях постоянно меняющейся глобальной среды. Затрагивая вопросы современного состояния и перспектив цифровизации деятельности ОВД, следует подчеркнуть, что научное сообщество и практические работники продолжительное время активно исследуют различные аспекты правового регулирования; ресурсного обеспечения и внедрения информационных технологий. Это такие направления, как:

цифровизация нормотворческой деятельности и правоприменительной деятельности;

формирование единых стандартов цифровой трансформации, сбалансированного организационно-правового регулирования, научно-технического сотрудничества правоохранительных органов и обеспечения безопасности в информационно-телекоммуникационном пространстве;

цифровизация оперативно-служебной, обеспечительной деятельности (путем использования информационных технологий в образовательном процессе и научно-методическом, кадровом, финансовом, материально-техническом обеспечении), документационного обеспечения управления органами внутренних дел (путем: совершенствование механизма правового регулирования сервиса

¹ URL: <https://rg.ru/2022/11/24/na-shag-vpered.html> (дата обращения: 01.11.2023).

электронного документооборота; возможностей сервиса электронной почты (СЭП), сервиса видео-конференц-связи (СВКС-м); внедрения в СЭД автоматизированных классификаторов, позволяющих анализировать структуру документопотоков в системе МВД России; модернизацию сервисов ИСОД и др.);

цифровизация механизмов реализации управленческих функций в деятельности органов внутренних дел;

цифровизация организационно-правовых механизмов предоставления государственных услуг;

цифровизация органов досудебного расследования и деятельности по производству расследования [1, с. 10; 2; 6];

внедрение технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство (обеспечение цифровой безопасности, модель единого онлайн-сервиса взаимодействия участников уголовного судопроизводства, расширение возможностей видео-конференц-связи, видеомоделирования и др.) [2; 6];

цифровизация судебно-экспертной, криминалистической и оперативно-розыскной деятельности (электронные доказательства и организация работы с ними, их систематизация и анализ [2; 6]; обеспечение формирования информационно-цифровой среды, в которой протекает и организовывается рассматриваемая деятельность [4, с. 198–200], в том числе создание автоматизированных рабочих мест; разработка и внедрение информационно-поисковых моделей и алгоритмов расследования отдельных категорий преступлений; создание гибридных интеллектуальных методик экспертно-криминалистических исследований и в целом расследования; разработка моделей анализа и обобщения судебно-следственной практики; и др.);

цифровизация судебной деятельности и др.

В то же время наращивание темпов цифровой трансформации обострило ряд проблем системного характера, которые возможно сгруппировать на: правовые, организационные, кадровые, материально-технические, финансовые. *Проблемы правового регулирования* отдельных направлений цифровой трансформации напрямую связаны с отсутствием унифицированных нормативных актов в рассматриваемой сфере. Решение указанной проблемы видится в разработке модельного законодательного акта, служащего нормативно-ориентирующим стандартом цифровой трансформации.

Организационные проблемы цифровой трансформации связаны с созданием условий эффективного внедрения средств, приемов и методов цифровой трансформации деятельности органов внутренних дел, осуществляющихся на основе соблюдения принципов

законности, целенаправленности, унифицированности, непрерывности, конфиденциальности и др.

На уровень организационного обеспечения цифровой трансформации зачастую оказывают влияние субъективные факторы (привычность работы с традиционными технологиями, бумажными документами, недостаточная компетентность сотрудников при работе с информационно-коммуникационными технологиями, с электронными документами, в том числе в части понимания юридической значимости этих процессов).

Кадровые проблемы связаны с отсутствием должного кадрового обеспечения и их профессиональной подготовки.

Материально-технические проблемы обусловлены: развитием информационной и телекоммуникационной инфраструктуры; достижением максимального покрытия информационно-телекоммуникационной сетью; созданием обеспечительных ресурсов для управления информационно-коммуникационными технологиями и документами, обеспечением оперативности и безопасности данного процесса, унификацией делопроизводства, изучением практики применения электронного документооборота, электронной подписи в деятельности ОВД, выявление технологических, организационных и иных проблем и выработка предложений по их решению; и т. д. [3, с. 8–20].

Исследование современного состояния и перспектив формирования организационно-правового механизма внедрения средств, приемов и методов цифровой трансформации в деятельность ОВД позволяет говорить о глубинных процессах в информационно-коммуникационной системе современного общества и потребности в их управлении, что приводит к появлению новых социально-коммуникативных технологий, стабилизационного. Применительно к ОВД целевой вектор цифровизации должен быть производным от социального назначения правоохранительного субъекта.

Список литературы:

1. *Бугель Н. В.* Организационно-правовой механизм управления органами внутренних дел: системно-правовой и методологический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001. 360 с.
2. *Высокотехнологичный уголовный процесс: монография; под ред. С. В. Зуева, Л. Н. Масленниковой.* Москва: Юрлитинформ, 2023. 216 с.

3. Документоведение и архивное дело за рубежом: информационный сборник статей, справок, рефератов, сокращенных переводов и аннотаций / ВНИИДАД. Москва, 2022. № 2 (61). 165 с.

4. *Россинская Е. Р.* Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: Концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89).

5. *Тихонов А. В.* Социология управления. Изд. 2-е, доп. и перераб. Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.

6. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «Юридическая фирма Контракт», 2019. 210 с.

Руслан Станиславович Мелешев,
кандидат экономических наук,
заместитель начальника УЭСТЭ – начальник 23 отдела
Экспертно-криминалистический центр МВД России
E-mail: gberezhniov@mvd.ru

Екатерина Александровна Беспалова,
главный эксперт 23 отдела
Экспертно-криминалистический центр МВД России
E-mail: ebespalova7@mvd.ru

**Совершенствование методики экспертного исследования
деятельности организаций финансового рынка, имеющих
признаки «финансовых пирамид»**

Аннотация

В статье обозначены пути развития и совершенствования новой методики экспертного исследования деятельности кредитных потребительских кооперативов и иных организаций финансового рынка, имеющих признаки «финансовых пирамид», на основе имеющейся экспертной практики. Приведены статистические данные, которыми подкрепляется результативность внедрения нового методического подхода.

Ключевые слова и словосочетания: *«финансовая пирамида»; кредитный потребительский кооператив; признаки «финансовой пирамиды»; финансово-аналитическая судебная экспертиза.*

Актуальность вопросов совершенствования методического обеспечения экспертного исследования деятельности организаций финансового рынка, имеющих признаки «финансовых пирамид», обусловлена совершенствованием механизма подобных преступлений в современных экономических условиях. Специфика формирования учетной информации и контрольно-надзорной деятельности в финансово-кредитной сфере определяет особенности методических подходов к производству экспертных исследований финансово-хозяйственной деятельности участников финансового рынка, в том числе кредитно-потребительских кооперативов (далее – КПК). Повышенный общественный резонанс и значительный ущерб, причиняемый населению от преступлений, связанных с деятельностью «финансовых пирамид», расследование которых

сопровождается активным противодействием со стороны заинтересованных лиц, подчеркивает актуальность информационно-аналитической и методической работы в названной области.

Опасность деятельности «финансовых пирамид» заключается в том, что в подобные финансовые схемы вовлекаются тысячи людей, которые становятся легко уязвимыми для различного рода мошенников, обещающих «легкие» решения финансовых проблем.

Деятельность «финансовых пирамид» постоянно трансформируется, что требует от правоохранителей применения актуальных подходов и методов расследования, а также его экспертного обеспечения.

Особая роль при раскрытии и расследовании данных преступлений отводится экспертно-криминалистическим подразделениям системы МВД России. Изначально экспертное сопровождение расследования уголовных дел по таким преступлениям заключалось в производстве бухгалтерских судебных экспертиз. Позднее в рамках рассматриваемых уголовных дел стали назначаться финансово-аналитические экспертизы по определению финансового состояния организаций, вовлеченных в деятельность «финансовых пирамид», на счета которых выводятся денежные средства. В связи с совершенствованием механизма подобных преступлений у органов предварительного следствия возникла потребность в оценке финансового состояния организаций, имеющих признаки «финансовых пирамид». Для развития и улучшения качества экспертного обеспечения и повышения раскрываемости уголовных дел, возбужденных в отношении «финансовых пирамид», были выработаны новые подходы к производству финансово-аналитических экспертиз. В 2021 г. ЭКЦ МВД России совместно с Академией управления МВД России разработал методические рекомендации по производству финансово-аналитических экспертиз в отношении деятельности кредитно-потребительских кооперативов и иных организаций, имеющих признаки «финансовых пирамид» [1] (далее – Методические рекомендации, Методика). Внедрение нового методического подхода успешно осуществлено в рамках исполнения решения итоговой коллегии МВД России от 4 марта 2021 г. № 1км/1.

Методика применяется при производстве финансово-аналитических экспертиз и направлена на установление негативных фактов финансово-хозяйственной деятельности организации, свидетельствующих о наличии признаков «финансовой пирамиды», путем расчета системы финансовых показателей, характеризующих соотношение собственных (инвестированных) и заемных средств, а также полученных доходов и понесенных расходов организации.

В ходе практического применения данной Методики эксперты столкнулись с проблемой отсутствия основных документов бухгалтерского учета (регистры, первичные учетные документы) исследуемых организаций, необходимых для расчета финансовых показателей в соответствии с установленным алгоритмом. Для решения данной проблемы экспертами был применен новый порядок расчета, основанный на данных специализированных форм отчетности кредитного потребительского кооператива (далее – КПК) как основного представителя организаций, имеющих признаки «финансовых пирамид» и встречающихся в экспертной практике. Результаты данного расчета показали, что несмотря на отсутствие основных документов бухгалтерского учета исследуемого КПК, необходимые расчеты возможно провести по специализированным формам отчетности КПК (отчеты о деятельности КПК, отчеты об операциях с денежными средствами КПК) и установить негативные факты его финансово-хозяйственной деятельности, свидетельствующие о наличии признаков «финансовой пирамиды».

В настоящее время на практике эксперты применяют 2 подхода к расчету финансовых показателей:

1. Расчет по регистрам бухгалтерского учета КПК.
2. Расчет по специализированным формам отчетности КПК, предоставленным из ЦБ РФ.

Практика показала, что преимущество и первенство при выборе источника информации все же следует отдавать регистрам бухгалтерского учета исследуемой организации как основному источнику, содержащему достоверную информацию. Специализированные формы отчетности КПК применяются только в том случае, если регистры бухгалтерского учета на экспертизу не представлены. Также возможно комбинирование данных источников информации.

Расчет финансовых коэффициентов по данным первичных учетных документов, как изначально предполагалось в теории, не нашел своего применения на практике, так как в каждом случае часть первичных кассовых документов была утрачена.

Возможность использования альтернативных источников информации для расчета финансовых показателей повышает эффективность применяемой методики, фактически исключая невозможность ответа на поставленные экспертные задачи.

Согласно статистическим данным с начала 2021 г. по конец 2023 г. было возбуждено 14 уголовных дел в отношении деятельности организаций, имеющих признаки «финансовых пирамид» [2]. Все уголовные дела возбуждены по ст. 159 УК РФ в отношении финансово-хозяйственной деятельности КПК. По всем уголовным

делам были назначены финансово-аналитические экспертизы с применением нового методического подхода. Всего за период с момента внедрения данного подхода по конец прошлого года в ЭКП территориальных органов МВД России как самостоятельно, так и в комиссии с сотрудниками ЭКЦ МВД России выполнено 16 финансово-аналитических экспертиз в отношении деятельности организаций, имеющих признаки «финансовых пирамид», с применением положений рассматриваемой Методики, из них: 5 экспертиз – в ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области, 1 – в ЭКЦ УМВД России по Ханты-Мансийскому АО – Югре, 1 – ЭКЦ ГУ МВД России по Ставропольскому краю, 2 – ЭКЦ УМВД России по Владимирской области, 3 – ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю, 4 – ЭКЦ УМВД России по Кировской области. Из общего числа 14 являются результативными: по итогам проведенного исследования экспертами установлены негативные факты финансово-хозяйственной деятельности организаций, свидетельствующие о наличии признаков «финансовой пирамиды». Материалы по 4 уголовным делам направлены в суд, по остальным еще ведется расследование. В производстве ЭКЦ УМВД России по Кировской области находятся 2 финансово-аналитические экспертизы в отношении деятельности кредитных потребительских кооперативов, имеющих признаки «финансовых пирамид», в ЭКЦ ГУ МВД России по Свердловской области назначена 1 подобная экспертиза и 1 находится на стадии назначения (проводится доэкспертная оценка).

В настоящее время полученная экспертная практика анализируется на предмет возможности назначения финансово-аналитической экспертизы в отношении финансово-хозяйственной деятельности КПК до возбуждения уголовного дела на стадии проверки. Этот вопрос решается с точки зрения доступности финансовой документации, необходимой для исследования, возможности ее сбора на ранних этапах выявления преступления и проверки сообщения о преступлении, а также достаточности устанавливаемых в ходе исследования данных для закрепления признаков преступления. Данный подход позволит существенно повысить эффективность и оперативность раскрытия, а также в целом качество расследования преступлений, связанных с деятельностью «финансовых пирамид».

Еще одним важным вопросом является оценка возможности применения данной методики ко всем категориям недобросовестных участников финансового рынка, в том числе не попадающих под надзор Банка России, официально не зарегистрированных в соответствии с действующим законодательством Российской

Федерации, а также ведущих свою деятельность с применением цифровых платформ и валют [3]. По данному направлению нами также ведется работа, в том числе в рамках НИР «Особенности применения специальных экономических знаний при расследовании преступлений, совершаемых с использованием цифровых финансовых активов и цифровой валюты».

Таким образом, в целях повышения результативности экспертного сопровождения уголовных дел в отношении деятельности организаций, имеющих признаки «финансовых пирамид», с учетом наработанной экспертно-криминалистическими подразделениями практики производства экспертиз, становится очевидным необходимость в совершенствовании и актуализации Методики. Наши начинания соотносятся и с позицией Банка России, по инициативе которого разработана и вовсю реализуется «дорожная карта» – План мероприятий на 2023–2025 гг. по реализации Подходов к противодействию противоправной деятельности на финансовом рынке Российской Федерации, во исполнение которой в рамках п. 11 (15) Графика МВД России Академией управления ведется соответствующая НИР. Представители ЭКЦ МВД России вошли в авторский коллектив данной научно-исследовательской работы для научного оформления планируемых по рассматриваемому направлению аналитических и методических разработок.

Список литературы:

1. *Гаврилин Ю. В. и др.* Методика экспертного исследования деятельности кредитно-потребительских кооперативов и иных организаций финансового рынка, имеющих признаки «финансовых пирамид»: методические рекомендации. Москва: Проспект, 2022. 56 с.
2. Обзор по вопросам производства экономических экспертиз в отношении организаций, имеющих признаки «финансовых пирамид». Письмо ЭКЦ МВД России, исх. № 37/22-7296 от 30 апреля 2021 г.
3. О развитии совместной работы. Письмо Банка России, исх. № 019-39-3/5129 от 9 июня 2022 г

Елена Юрьевна Горбунова,
старший эксперт отдела компьютерных экспертиз
ЭКЦ УМВД России по Мурманской области
E-mail: elena_exp@mail.ru

**Применение OSINT-технологий для получения
криминалистически значимой информации с целью повышения
эффективности раскрытия и расследования преступлений
экономической направленности**

Аннотация

В статье анализируется важность получения криминалистически значимой информации из открытых источников при раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности. Раскрывается термин «OSINT» и его значение, приводятся примеры использования OSINT-технологий. Предлагается использование рассмотренных технологий как перспективное направление выявления информации, представляющей интерес для раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: криминалистически значимая информация; OSINT; OSINT-технологии.

Совершаемые преступления экономической направленности нередко носят характер хорошо организованных, что заставляет сотрудников правоохранительных органов использовать в их раскрытии, расследовании новые методы. Прежде всего возникает необходимость в получении криминалистически значимой информации о субъекте преступления, и такая деятельность занимает важнейшее место в методике расследования рассматриваемых преступлений. Как верно отметила Д. Р. Бельдеубаева, «при раскрытии и расследовании преступлений необходимо оперативно получать данные для их своевременного анализа и использования в служебной деятельности» [1, с. 160].

Сегодня практически у каждого человека имеется в личном использовании смартфон, компьютерная техника с доступом к сети Интернет. У большинства людей имеются личные страницы в социальных сетях, аккаунты в мессенджерах, почтовых сервисах, на различных интернет-ресурсах и т. д. В социальных сетях они охотно делятся личной информацией, указывают данные о: себе, семье, друзьях, хобби, образовании, номера личных телефонов, геометки,

выкладывают фотографии. Цифровой след человека может оставаться также и в новостных лентах средств массовой информации.

Еще в 1980-х гг. в США появился термин OSINT (Open source intelligence), который означал разведку на основе открытых, общедоступных источников (интернет-разведка, бизнес-разведка). Вероятно, такая разведка использовалась и ранее. С 2001 г. в США различают четыре различные категории источника информации для OSINT: Open Source Data (OSD), Open Source Information (OSI), Open Source Intelligence (OSINT), Validated OSINT (OSINT-V) [3, с. 63].

Сегодня же под этим термином «OSINT» понимается технология (совокупность определенных инструментов и методов), позволяющая осуществлять поиск, аккумулирование, обработку и анализ данных, собранных из открытых источников.

Приведем определение, сформулированное М. О. Янгаевой, Н. О. Павленко, которые под термином «OSINT» понимают «разведывательную дисциплину, включающую в себя поиск, выбор, сбор разведывательной информации из общедоступных источников, а также ее анализ» [6, с. 133].

В мире, и в Российской Федерации в частности, OSINT превратилась в мощнейшую отрасль и используется также в качестве конкурентной разведки, т. е. из открытых источников собирается досье на юридическое лицо, и далее осуществляется сравнение деятельности своей компании с конкурентом на основании полученной информации. Например, чтобы не потерять деньги, компания перед заключением сделки скорее всего проведет проверку на добросовестность контрагента, для чего самостоятельно обратится к информации, размещенной в государственных реестрах и открытых базах, например нотариальных доверенностей, Федеральной налоговой службы РФ, судебных актов, арбитражных судов, залогов и т. д.

К OSINT-технологиям прибегают службы безопасности компаний для проведения профессионального анализа и при борьбе с инцидентами кибербезопасности. Технологией OSINT пользуются также преступные организации, сообщества и обычные граждане в своих целях. Так, например, планируя поездку в отпуск, мы можем изучать информацию об отелях, ресторанах, экскурсиях, сравниваем цены, изучаем локацию, просматриваем фотографии и видео, а также читаем отзывы о них. Такую информацию мы находим на различных сайтах, в социальных сетях, форумах и блогах, т. е. в совершенно открытых источниках.

Что касается применения некоторых OSINT-методов для поиска личной информации о человеке без оснований, то это может рас-

цениваться как вторжение в частную жизнь лица и повлечь правовые последствия. Подобные действия могут образовывать состав преступления, предусмотренный ст.137 Уголовного кодекса Российской Федерации¹.

На фоне стремительной цифровизации новейшие технологии и новые подходы в разнообразном качестве все чаще используются и в современной криминалистике с целью сбора доказательственной и ориентирующей информации. В статье 70 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) дано определение доказательству: «...доказательством по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»².

Так, информация, характеризующая личность злоумышленника и о совершенном им деянии, представляющая интерес для раскрытия, расследования, может находиться в открытом доступе (открытых³, общедоступных источниках). Заметим, что сегодня официального толкования термина «открытые источники информации» закон не дает, при этом из ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴ можно заключить, что к общедоступной информации относится информация, распространение которой не ограничивается и не запрещается федеральными законами. Поэтому к общедоступным источникам можно отнести информацию, размещенную в сети Интернет, социальных сетях, новостных сайтах, открытых базах данных государственных учреждений и других источниках, доступ к которым не ограничен собственником, законом и открыт любому человеку.

Соответственно, открытые источники при грамотном подходе с использованием OSINT-технологий могут дать массу ценной информации о субъекте преступного деяния, в том числе для выяв-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Рос. газ. 2001. № 249. 22 дек.

² Там же.

³ К открытым относятся источники, доступ к которым не ограничен собственником или законом.

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. 17 июня.

ления криминальных связей проверяемого лица, а также его контактов с потерпевшими, свидетелями.

Вместе с тем, сегодня уникальность OSINT-технологий в том, что в ситуациях, где требуется их применение, необходимо осуществлять индивидуальный подход к выбору методов и инструментов.

Анализ специальной литературы и результаты изучения следственной и экспертной практики позволили выделить комплекс причин, препятствующих стремительному внедрению рассматриваемых криминалистических инноваций.

Во-первых, информационные технологии имеют тенденцию к постоянному развитию и потому недооцениваются. Во-вторых, отсутствие эффективных методических рекомендаций применения инновационных технологий, т. к. информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности находится в стадии разработки. В-третьих, отсутствие определенных компетенций и знаний (что искать, где искать). В-четвертых, процессуальные аспекты, касающиеся вопросов как надлежащего оформления использования OSINT-технологий, так и доказательственного значения их применения.

Результат проведенного нами исследования также свидетельствует о том, что сегодня имеются положительные отзывы о применении OSINT инструментов, методов в раскрытии и расследовании преступлений, что говорит об эффективности и целесообразности применения на практике новых технологий, обеспечивающих оперативный сбор криминалистически значимой информации, эффективное раскрытие и расследование преступлений, в том числе сложных, латентных.

В связи с изложенным считаем необходимым привести обобщенную информацию об основных этапах поиска информации с использованием OSINT-технологий и некоторых инструментах, которые при необходимости могут быть использованы сотрудниками правоохранительных органов в практической деятельности:

1. На основании уже имеющейся информации, которая получена в ходе раскрытия и расследования преступления, формулируются потребности, цели и задачи поиска (матрица интересов).

Одной из самых частых и ключевых задач, которые приходится решать в расследованиях с помощью OSINT-технологий, является сбор информации (досье) о физическом лице, которая находится в открытом доступе. К такой информации можно отнести: личные данные (ФИО, дата и место рождения), родственники, контакты, место работы, образование, фотографии, адрес электронной почты, имущество, а также информацию о местонахождении (место

жительства). Данная информация может быть очень важна для правоохранительных органов и может быть использована в целях раскрытия, расследования рассматриваемых преступлений.

2. Определяются ресурсы (источники) для поиска необходимой (недостающей) информации. Осуществляется подбор OSINT-инструментов и методов, которые могут быть наиболее эффективны в решении поставленных задач, т. е. позволят в оптимальные сроки собрать максимально полный объем данных в отношении объекта, представляющего интерес в ходе раскрытия, расследования преступления. Осуществляется непосредственно поиск информации с целью пополнения информационной базы расследования.

Рассмотрим подробнее. Итак, в случае если необходимо собрать информацию о человеке, поиск может осуществляться по: ФИО, email, никнейму, номеру телефона, номеру паспорта и т. д. Указанная информация может быть обнаружена в поисковых системах «Google», «Яндекс», в социальных сетях, на сайтах объявлений, форумах и блогах. Также и на онлайн-государственных ресурсах: «<https://sudrf.ru>», «<https://fssp.gov.ru>» и других. Общедоступные информационные ресурсы открывают большие возможности для сбора информации о конкретном лице [2, с. 425].

OSINT предлагает широкий спектр методов сбора и представлен рядом программ (информационно-поисковых систем), позволяющих как производить быстрый поиск и сбор данных, так и анализировать их, сравнивать полученные результаты за различные периоды времени. В большинстве своем OSINT-методы и инструменты являются общедоступными, но также существуют и закрытые, и коммерческие (платные) системы. Обычно такие сервисы классифицируются: по объекту поиска, например по фотографии, по электронной почте, никнейму и др. Также существуют сервисы по сбору информации в средствах массовой информации [2; 3].

Так, например, адресная строка социальной сети «ВКонтакте» может содержать никнейм, который в дальнейшем может быть использован для поиска информации о человеке на других ресурсах. Большое количество информации можно найти в «Google» и других интернет-браузерах, используя бесплатный инструмент – специальные запросы, а также различные программы – «расширения».

Также существуют множество специализированных программ, которые могут помочь с OSINT в Российской Федерации. Например, «Emailsherlock» осуществляет автоматический поиск по email-адресу и обнаруживает сайты, к которым «привязан» этот адрес. Программа «WhatsMyName» осуществляет поиск по никнейму на различных сайтах. Каждая из этих программ имеет аналоги.

Для выполнения OSINT необходимо обладать необходимыми специальными знаниями и компетенциями в области информационных технологий, навыками подбора и применения OSINT-методов и инструментов, которые бы позволяли в минимальный срок собрать максимально полный объем информации в открытых источниках. Незаконные и неэтические способы получения информации – это не методы OSINT, поскольку ключевым отличием OSINT от других способов получения информации являются способы, методы получения из открытых источников без нарушения законодательства [6, с. 133].

Итоговым результатом мероприятий этого этапа выступает совокупность сведений в отношении объекта, представляющего интерес, используя которые можно сузить либо расширить рамки поиска ориентирующей и доказательственной информации, которая будет способствовать раскрытию и расследованию. Бесспорно, новые технологии занимают позицию помощников правоохранительных органов, вместе с этим, как указывает В. Ф. Луговик, «оперативный поиск в сети Интернет не может заменить традиционные оперативно-розыскные методы выявления значимой информации» [4, с. 80].

3. Анализ и обработка полученной информации (верификация).

После поиска необходимо осуществить фильтрацию неструктурированной информации и ее анализ. На данном этапе происходит установление причинно-следственных связей между исходной информацией о криминальном событии, которая находилась в распоряжении у оперативных и следственных подразделений до начала этапа поиска с использованием OSINT-технологий, и вновь полученными данными. Например, по обнаруженным фотографиям можно собрать геоданные о том, где они сделаны, выявить наличие на них, например, автомобиля с госномером. В результате чего появится возможность для проведения нового, уточняющего поиска, «основное назначение которого – проверка и отбор сведений, отвечающих требованиям достоверности, относимости и допустимости» [5, с. 87].

По результатам отбора валидной информации определяется ее относимость и допустимость к возможному использованию в оперативно-розыскной и следственной деятельности. На основании полученной информации могут быть построены и проанализированы социальные портреты физических лиц, построены схемы криминальных связей проверяемых лиц, контакты со свидетелями, потерпевшими и т. д. Поэтому информация о субъекте преступления, о совершенном деянии, полученная с использованием OSINT-

технологий, имеет важное значение для расширения спектра доказательств, выдвижения версий, планирования и эффективного проведения оперативных мероприятий и следственных действий и, соответственно, своевременного раскрытия и расследования преступлений экономической направленности.

Описанные нами этапы поиска информации с использованием OSINT-технологий могут быть использованы как в оперативно-розыском мероприятии, так и в процессуальном действии.

Несмотря на имеющиеся проблемы, сотрудникам правоохранительных органов необходимо применять перспективные приемы и методы OSINT в своей деятельности, поскольку информация, добытая благодаря OSINT-технологиям, имеет важное значение для эффективного раскрытия, расследования преступления, выдвижения версии, грамотного применения тактических приемов при производстве следственных действий, планировании и организации подготовки проведения тактических операций (комбинаций), а также для правильного выстраивания алгоритма действий следователя [1, с. 68].

Можно также отметить, что использование инновационных технологий в криминалистике имеет большие перспективы развития и расширения сферы применения, что приведет к расширению диапазона изучаемых следов, повышению эффективности деятельности по противодействию преступности, развитию современной криминалистики.

При этом наиболее перспективными мерами, способствующими активному внедрению OSINT-технологий в производство оперативно-розыскных мероприятий, а также следственных действий, на наш взгляд, являются:

1. Поддержка уровня осведомленности о новых технологиях среди сотрудников правоохранительных органов.
2. Адаптация зарубежного и российского опыта использования специализированного программного обеспечения, способствующего собиранию информации из открытых источников.
3. Разработка методического обеспечения, отдельных тактических рекомендаций применения OSINT-технологий для решения возникающих задач (с учетом положений криминалистической техники, тактики, методики), обеспечивающих достоверность использования OSINT-технологий в доказывании.

Такая деятельность должна осуществляться комплексно: процессуалистами и лицами, обладающими специальными знаниями и необходимыми компетенциями в области информационных технологий.

Список литературы:

1. Бельдеубаева Д. Р. Применение OSINT-технологий в качестве повышения эффективности деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны и защищенных телекоммуникационных систем: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2020.
2. Дерюгин Р. А., Иванов В. Ю. Использование «разведки» по открытым источникам (OSINT) для получения криминалистически значимой информации из сети Интернет // Борьба с преступностью: теория и практика.
3. Иванов В. Ю. Использование OSINT в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1.
4. Луговик В. Ф. Преемственность и новации в оперативно-розыскной науке // Полицейское право. 2003. № 4.
5. Мурашов Д. Ю. Поиск в открытых источниках как направление выявления лиц и фактов, представляющих оперативный интерес // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 1 (59).
6. Янгаева М. О., Павленко Н. О. OSINT. Получение криминалистически значимой информации из сети Интернет // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2 (38).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ
(65-е ежегодные криминалистические чтения)**

*Сборник научных статей
по материалам международной научно-практической
конференции*

Статьи публикуются в авторской редакции
Корректura: А. А. Трегубова, Д. В. Алентьев
Верстка С. Н. Портновой

Подписано в печать 22.05.2024. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 14,4. Уч.-изд. л. 12,2. Тираж 122 экз. Заказ № 14у.

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО
Академии управления МВД России
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-907721-29-6

9 785907 721296 >